R
57

Александръ Введенскій.

Сектанты о сектантахъ

Складъ изданія
въ Одесскомъ Отдѣленіи книжнаго магазина А. С. Суворина „Новое Время".
1915 г.

О Д Е С С А.
Печатано въ типографіи Епархіальнаго Дома. Александровскій проспектъ, собственный домъ № 6.
1915.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Тому, что пишутъ православные о сектантахъ, въ современномъ обществѣ не придаютъ почти никакого значенія. Говорятъ: „тенденціозная литература".

Если такъ, то пусть интересующіеся сектантскимъ движеніемъ прислушаются къ тому, что сами сектанты пишутъ и говорятъ о сектантахъ.

Audiatur et altera pars.

Ал. Введенскій.

1915 г. 5 Апрѣля.

I.

Въ сентябрьской книжкѣ „Ежемѣсячнаго журнала“ за минувшій 1914 годъ помѣщена въ высшей степени интересная, содержательная и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительная статья нѣкоего Я. Демиховича: „Что привело меня къ сектантамъ и почему я ушелъ отъ нихъ?“.

Какъ показываетъ заглавіе, авторъ дѣлаетъ „чистосердечное признаніе въ своихъ дѣлахъ и помышленіяхъ“. И это признаніе пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе въ нашихъ глазахъ, что оно сдѣлано католикомъ. Тутъ, значитъ, сектанты не должны упрекать насъ въ тенденціозности. Не должны говорить, что православные „выдумываютъ“ открытыя письма обратившихся сектантовъ, „сочиняютъ“ покаянныя повѣсти бывшихъ „религіозныхъ отщепенцевъ“. Не должны потому, что говоритъ и пишетъ не православный, а католикъ.

Ал. Введенскій.

Что привело меня къ сектантамъ и почему я ушелъ отъ нихъ.

О сектантахъ слишкомъ много писали и продолжаютъ писать. Но что касается внутренней ихъ жизни, то во многомъ пишущіе погрѣшаютъ, приписывая сектантамъ часто то, чего въ сущности нѣтъ. Въ особенности въ описаніяхъ жизни сектантской камнемъ преткновенія бываетъ то, что у читателя, знакомящагося съ жизнью той или иной секты по описаніямъ нашихъ почтенныхъ журналистовъ, создается представленіе о сектантахъ, какъ о людяхъ, среди которыхъ господствуетъ только правда, и гдѣ измученный душою можетъ найти отдыхъ и успокоеніе. Но какъ только ищущій этого сближается съ той или иной сектой, входитъ въ нее, то жестоко разочаровывается.

И тутъ часто совершается то, что простые сердцемъ, разочаровавшись, возвращаются обратно въ „міръ".

Ужасно еще, что сектантство дѣлаетъ то, что дѣлаетъ наша современная ложная наука, т. е. многихъ искреннихъ, съ хорошими стремленіями и благими намѣреніями людей превращаетъ въ атеистовъ, скептиковъ или лицемѣрныхъ фарисеевъ, не могущихъ дать ничего хорошаго въ жизни.

Если такіе люди что и дѣлаютъ въ дѣлѣ мнимаго просвѣщенія, то въ результатѣ получается то, о чемъ нѣкогда говорилъ Христосъ: „Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного, и когда это случится, дѣлаете его сыномъ геены, вдвое худшимъ васъ". (Матѳ. 23 гл., 15 ст.).

Я не хочу сказать того, что наши почтенные журналисты, изучающіе сектантство, умышленно идеализируютъ его, нѣтъ, а скажу то, что изучаютъ-то они его слишкомъ поверхностно, за что опять-таки не приходится ихъ винить, такъ какъ иначе и быть не можетъ. Ибо для того, чтобы сколько ни-

будь основательно изучить какую бы то ни было секту, необходимо, какъ мнѣ кажется, самымъ искреннимъ образомъ самому сдѣлаться сектантомъ, чего никто не въ правѣ требовать отъ журналистовъ.

Для того, чтобы изучить внутреннюю жизнь сектантовъ, далеко недостаточно побывать у сектантовъ, „побесѣдовать" съ ними, погостить въ одной-другой семьѣ нѣсколько дней. Пишущіе же о сектантахъ именно это и дѣлаютъ.

Затѣмъ я не хочу сказать того, что сектанты скверные люди.

Мнѣ хочется только сказать, пожалуй, нѣсколько вопреки крайнимъ сторонникамъ сектантства, напримѣръ, гг. Трегубову и Наживину, которые говорятъ, что сектантство идетъ впереди всего общества и самой науки, что ни въ его философіи ни въ практической жизни нѣтъ ничего новаго, чего бы жизнь доселѣ не знала, и настолько совершеннаго, чему бы могло поучиться все человѣчество.

Современное сектантство имѣетъ какъ положительныя стороны, такъ и глубоко отрицательныя, иными словами: сектантство является такимъ же носителемъ индивидуальнаго и общественнаго добра и зла, какъ и всѣ остальныя общества; разница только въ количественномъ и качественномъ проявленіи его.

Зная, что далеко еще не вполнѣ освѣщена жизнь и дѣятельность сектантовъ, я рѣшилъ разсказать то, чему былъ самъ свидѣтелемъ, будучи сектантомъ.

Но раньше, чѣмъ это сдѣлать, я разскажу, что меня, католика по рожденію, привело къ сектантамъ.

Въ семь лѣтъ родители начали посылать меня въ школу. Въ школѣ я узналъ главное, ставшее съ того времени для меня самымъ важнымъ и интереснымъ, именно то, что, помимо нашей грѣшной земли, существуетъ гдѣ-то утерянный прекрасный рай и страшный адъ, гдѣ будутъ подвергнуты самымъ ужаснымъ пыткамъ всѣ грѣшники.

Въ школѣ я узналъ, что помимо христіанъ и евреевъ, гдѣ то еще есть язычники, поклоняющіеся идоламъ; но такъ

какъ язычниковъ въ нашемъ селѣ не было, то я о нихъ и ихъ участи за гробомъ и не думалъ.

Съ этого (школьнаго) времени я началъ, уединяясь, задумываться надъ тѣмъ, чтобы мнѣ не попасть въ то страшное, гдѣ то существующее мѣсто—адъ.

По окончаніи моего образованія въ народной школѣ, я началъ интересоваться только тѣми книгами, въ которыхъ излагались поученія о небѣ и праведной жизни, и особенно любилъ читать тѣ книги, въ которыхъ безпощадно бичевались пороки людей. На всѣ же книги иного содержанія я смотрѣлъ, какъ на ужасное зло, растлѣвающее жизнь людей.

Въ особенности мнѣ казались вредными рóманы (о которыхъ я не имѣлъ никакого понятія) и тѣ книги, въ которыхъ говорится о сотвореніи міра не такъ, какъ въ священной исторіи. Чтенія этихъ книгъ я избѣгалъ до 25 лѣтъ. До того времени въ свободныя отъ работы минуты я уединялся для молитвы и чтенія „Житій святыхъ“ и другихъ религіозно-нравственнаго содержанія книгъ.

У меня, помимо желанія попасть въ рай, зарождается желаніе послужить Богу приведеніемъ къ Нему другихъ грѣшниковъ и отпавшихъ отъ истинной вѣры. Но чтобы послужить этимъ Богу, я созналъ необходимость подготовиться для этого дѣла, а для этого счелъ, было, самымъ лучшимъ средствомъ уединеніе въ пустынѣ по примѣру многихъ святыхъ, житія которыхъ я очень любилъ читать. Но такъ какъ мнѣ не представлялось возможнымъ найти такую пустыню, гдѣ бы я могъ укрыться на продолжительное время отъ людей, то я въ душѣ своей твердо рѣшилъ уйти въ монастырь, гдѣ я видѣлъ единственную и наилучшую возможность достигнуть желаемой цѣли.

Послѣднее рѣшеніе я лелѣялъ до 22 лѣтъ, до времени моего знакомства съ сектантами.

Въ 1897 году (мнѣ было въ то время 16 лѣтъ) я ушелъ изъ своего захолустнаго села въ большой городъ, живя въ которомъ, продолжалъ быть глубоко—религіознымъ, воздерживаясь отъ всякаго знакомства съ людьми иного образа мыслей.

Живя въ городѣ, я узналъ о существованіи какихъ-то „штундистовъ“, называющихъ себя истинными христіанами,

а всѣхъ остальныхъ, какъ православныхъ, такъ и католиковъ, считающихъ заблудшими.

Хотя я былъ заранѣе глубоко убѣжденъ, что они-то сами непремѣнно заблуждаются, такъ какъ считалъ единственной истинной римско-католическое вѣроисповѣданіе, но тѣмъ не менѣе очень заинтересовался этими людьми и ихъ ученіемъ. Въ особенности меня заинтересовало то, что эти люди, какъ мнѣ о нихъ говорили, трезвые, добродѣтельные и не бранятся скверными словами.

Въ 1899 году мнѣ пришлось встрѣтиться случайно со старичкомъ сектантомъ У., который предложилъ мнѣ прійти въ ихъ собраніе для ознакомленія съ ихъ ученіемъ. Я весьма обрадовался этому случаю, и черезъ нѣсколько дней послѣ этой встрѣчи, вечеромъ, въ сопровожденіи того же старичка, я попалъ въ собраніе, которое происходило на окраинѣ города во второмъ этажѣ небольшого двухъэтажнаго домика, въ довольно просторномъ залѣ, уставленномъ стульями и простыми скамейками.

Такъ какъ это былъ рабочій день (среда), то въ этотъ вечеръ было собрано не особенно много людей, приблизительно человѣкъ 40.

Собраніе открылъ вступительнымъ словомъ и приглашеніемъ собравшихся къ молитвѣ, кажется, тотъ же старичокъ, съ которымъ я пришелъ. Всѣ собравшіеся преклонили колѣни, два или три человѣка по очереди произнесли вслухъ молитвы, въ которыхъ приносилась Богу благодарность за все ниспосылаемое имъ, а въ особенности за открытую имъ Богомъ истину, призывалось благословеніе Божіе на собравшихся, просилось, чтобы Богъ смирилъ всѣхъ гордыхъ и гонителей за слово Его, открылъ бы послѣднимъ и всѣмъ народамъ Свою истину и пр. и пр. Послѣ этого всѣмъ собраніемъ пропѣтъ былъ незнакомый мнѣ псаломъ. Затѣмъ поднялся сидѣвшій около стола человѣкъ, въ рабочемъ, обрызганномъ красками, костюмѣ, открылъ лежащую на столѣ большую книгу—Библію, что-то прочиталъ изъ нея, а затѣмъ перешелъ къ поясненію прочитаннаго. Говорилъ долго, краснорѣчиво и очень убѣдительно, чѣмъ привелъ слушателей въ умиленіе. Нѣкоторые плакали. Говорилъ онъ только о Христѣ и о различныхъ людскихъ

грѣхахъ, предлагая грѣшникамъ прійти ко Христу, раскаяться и принять Его спасеніе, какъ великую Божью милость. Подъ конецъ своей рѣчи онъ самъ прослезился. Лишь теперь мнѣ понятно, насколько тогда рѣчь этого проповѣдника была проста, сильна и искренна; но тогда она не могла произвести никакого дѣйствія на меня, такъ какъ я, бывши убѣжденъ, что сектанты заблуждаются, все время думалъ о томъ, какъ бы доказать имъ это.

Послѣ собранія проповѣдникъ, познакомившись со мною, о чемъ то говорилъ мнѣ; но я думалъ про себя: „Нѣтъ батенька! Что бы вы ни говорили тамъ, и какъ бы хороши ни были ваши дѣла, а все-таки вы заблудшіе и отпавшіе отъ истины, ибо истинная вѣра въ Бога одна, и она исповѣдуется римско-католическою церковью".

Съ этимъ я и ушелъ изъ упомянутаго собранія, думая о томъ, какъ необходимо стремиться къ тому, чтобы послужить Богу приведеніемъ къ Нему наибольшаго количества этихъ несчастныхъ, заблудшихъ людей.

До 1901 года я жилъ все по прежнему, не сомнѣваясь ни въ чемъ.

Въ 1900 году я призывался къ отбыванію воинской повинности и былъ зачисленъ въ ополченіе перваго разряда. А на слѣдующій годъ я явился на сборный пунктъ для отбыванія мѣсячнаго обученія воинской службѣ.

Въ ожиданіи провѣрки собравшихся ополченцевъ и принятія ими присяги я держался въ сторонѣ по своему обыкновенію, такъ какъ мои мысли и стремленія были совсѣмъ чужды для окружающихъ меня. Но вотъ я замѣтилъ другого молодого, по внѣшности очень серьезнаго человѣка, держащагося также въ сторонѣ отъ другихъ, какъ и я. Я заинтересовался имъ. Подойдя къ нему, я о чемъ-то спросилъ его, и, узнавъ о томъ, что онъ религіозный человѣкъ, началъ съ нимъ оживленный разговоръ о близкихъ мнѣ жизненныхъ вопросахъ. Онъ, соглашаясь съ высказываемыми мною мыслями, спросилъ меня, читалъ ли я евангеліе. Этотъ вопросъ для меня показался страннымъ и даже оскорбительнымъ.

— Какъ же не читалъ, отвѣчаю ему. Я еще въ школѣ читалъ, многое наизусть зналъ и сейчасъ кое что помню.

„А вотъ насъ будутъ приводить къ присягѣ, говоритъ онъ, а въ евангеліи сказано: „А я говорю вамъ: не клянитесь вовсе: ни небомъ, потому что оно Престолъ Божій; ни землею, потому что она подножіе ногъ Его... ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ или чернымъ. Но да будетъ слово ваше: „да, да", „нѣтъ, нѣтъ", а что сверхъ этого, то отъ лукаваго". (Матѳея 5 гл. 34, 35, 36 и 37 ст.).

— Насъ же будутъ заставлять клясться, продолжаетъ онъ, Всевышнимъ Богомъ, святымъ крестомъ и евангеліемъ. Какъ вы объ этомъ думаете?..

— Этимъ вопросомъ онъ поставилъ меня втупикъ, и, вмѣсто того, чтобы что либо отвѣтить ему, я спросилъ у него, какъ онъ думаетъ объ этомъ.

— А я, говоритъ онъ, поступлю, какъ сказано.

— Какъ? не будете принимать присяги?!

— Какъ же я могу это дѣлать, если Христомъ сказано: „не клянитесь вовсе"?!

Тутъ то я и задумался. Въ тотъ моментъ я никакъ не могъ понять открывшагося мнѣ противорѣчія между словами евангелія, запрещающими клятву „небомъ и землею" и христіанскою церковью, заставляющей клясться „Всевышнимъ Богомъ". И, несмотря на простоту евангельскихъ словъ „да будетъ слово ваше: —„да, да", „нѣтъ, нѣтъ", а что сверхъ этого, то отъ лукаваго"—я все-таки не могъ отказаться отъ присяги, рѣшивъ, что здѣсь есть что то тайное, не могущее быть понятнымъ всякому человѣку, такъ какъ не можетъ же умышленно нарушать заповѣдь Христа римско-католическая церковь, созданная Самимъ Христомъ на Петрѣ и получившая ключи рая*) отъ самого Петра. Но, тѣмъ не менѣе, разговоръ съ моимъ новымъ знакомымъ и его отказъ отъ присяги въ присутствіи многихъ военныхъ начальниковъ и цѣлой массы ополченцевъ подѣйствовалъ на меня

---

*) Въ то время я уже понималъ, что подъ словами—„ключи рая" нужно понимать духовную власть, данную Христомъ Петру, а отъ него перешедшую къ католическимъ священникамъ, пользуясь которой они могутъ однихъ впускать въ рай, а передъ другими закрывать двери онаго.

такъ сильно, что я во время присяги весь былъ въ лихорадкѣ и не могъ ни одного слова повторить за священникомъ.

Съ этого момента и заползъ въ душу мою червякъ сомнѣнія.

По окончаніи моей мѣсячной военной службы, я горячо принялся за евангеліе. При внимательномъ чтеніи его я натолкнулся на многіе тексты, ясно противорѣчащіе ученію католической церкви. Напримѣръ, въ евангеліи сказано: „Вы не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ Учитель-Христосъ, всѣ же вы братья; и отцемъ себѣ не называйте никого на землѣ, ибо одинъ у васъ Отецъ, Который на небесахъ; и не называйтесь наставниками, ибо одинъ у васъ Наставникъ—Христосъ. Большій изъ васъ да будетъ вамъ слуга"... (еванг. Матѳ. 23 гл. 8—11 ст.)

Вопреки этому въ католической церкви папа считаетъ себя главою (княземъ) церкви, священники — учителями, наставниками и духовными отцами, и ужъ никакъ не являются на дѣлѣ слугами мірянъ, какъ этого требовалъ Христосъ отъ своихъ учениковъ, а являются господами надъ своей паствой и повелителями ея. Затѣмъ въ „Дѣяніяхъ апостоловъ" говорится: „Богъ, сотворившій міръ и все, что въ немъ, Онъ, будучи Господомъ неба и земли, не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ и не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ, какъ-бы имѣющій въ чемъ-либо нужду, Самъ дая всему жизнь и дыханіе и все"... (Дѣян. ап. 17 гл. 24 и 25 ст.) Вопреки этому римско-католическая церковь учитъ, что всѣ католическіе храмы являются домами Бога, что Христосъ, Онъ же Самъ Богъ, пребываетъ въ „Pozenajswigtszem Sakramentcie" (Евхаристія), находящемся всегда подъ замкомъ въ алтарѣ, что постройка все новыхъ и новыхъ храмовъ, службы, совершаемыя священниками въ этихъ храмахъ, являются необходимостью и дѣломъ угоднымъ Богу, и что наилучшимъ способомъ вымолить у Бога то или другое благодѣяніе являются требы, совершаемыя священниками, за которыя нужно платить имъ. И, наконецъ, самымъ сильнымъ камнемъ преткновенія послужило для меня слѣдующее противорѣчіе между евангеліемъ и дѣйствительностью: въ книгѣ „Откровеніе святого Іоанна", въ мистическомъ разсказѣ о томъ, что Іоанну показано Ангеломъ очень много чудеснаго,

за что въ знакъ благодарности Іоаннъ палъ къ ногамъ его, читаю слѣдующее: „Я, Іоаннъ, видѣлъ и слышалъ сіе. Когда же услышалъ и увидѣлъ, палъ къ ногамъ Ангела, показывающаго мнѣ сіе, чтобы поклониться ему; но онъ сказалъ мнѣ: „не дѣлай сего, ибо я сослужитель тебѣ и братьямъ твоимъ пророкамъ и соблюдающимъ слова книги сей; Богу поклонись“ (Откр. 22 гл. 8, 9 ст.). Эти тексты окончательно сразили меня. Изъ нихъ я вижу, что живой Ангелъ не позволяетъ, чтобы ему кланялись, католическіе же „духовные отцы“ кланяются, молятся и совершаютъ богослужебныя требы не передъ живыми ангелами, а передъ ихъ и различныхъ святыхъ изображеніями, чему учатъ и мірянъ.

Надъ этими то противорѣчіями я и задумался. Разрѣшить же ихъ я не въ состояніи былъ, но куда обратиться за помощью? Не пойти ли къ сектантамъ, спрашиваю самъ себя. Они вѣдь только и занимаются толкованіемъ евангелія. Но такъ какъ тогда еще не ослабѣло во мнѣ убѣжденіе въ томъ, что они заблуждаются, то я рѣшилъ пойти къ ксендзамъ за разъясненіемъ тѣхъ текстовъ евангелія, которые нарушили мою вѣру и мой внутренній покой. Я уже не могъ съ прежнимъ благоговѣніемъ преклонять колѣни предъ алтарями въ католическихъ храмахъ, и, подъ вліяніемъ ни на минуту не оставлявшихъ меня сомнѣній, прежній молитвенный экстазъ покинулъ меня. Я старался всячески насиловать себя частыми хожденіями въ костелъ, молитвами въ немъ и частыми исповѣдями, думая, что это меня смущаетъ сатана; но въ кораблѣ моей прежней вѣры была пробита евангеліемъ настолько большая брешь, что онъ готовъ былъ каждую минуту затонуть подъ натискомъ волнъ сомнѣній.

Я рѣшилъ обратиться къ ксендзамъ, но тѣ не удовлетворили меня, даже не выслушали меня—и тогда я пошелъ къ сектантамъ.

Собранія сектантовъ, называющихъ себя евангельскими христіанами, происходили все въ томъ же мѣстѣ, гдѣ мнѣ пришлось быть въ первый разъ, и какъ я узналъ, это была первая спеціально нанятая квартира. До этого помянутые сектанты собирались по частнымъ квартирамъ.

Придя въ собраніе, я встрѣтился съ тѣмъ проповѣдникомъ, съ которымъ я познакомился было во время перваго

посѣщенія мною ихъ собранія. Узнавъ меня, онъ первый подошелъ ко мнѣ, поздоровался, о чемъ-то разговаривалъ со мною, но о чемъ, я уже не помню.

Въ этотъ разъ онъ произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе, и я рѣшилъ къ нему первому обратиться за разъясненіемъ того, что мнѣ было непонятно у сектантовъ, и тѣхъ текстовъ евангелія, которые, какъ мнѣ казалось, они тоже нарушаютъ, о чемъ и заявилъ я ему. Онъ охотно согласился побесѣдовать со мною, но для этого попросилъ меня придти къ нему на квартиру. И когда я согласился на это, то онъ мнѣ назначилъ время, въ которое я и явился къ нему.

Не вдаваясь въ подробности моей бесѣды съ проповѣдникомъ у него на квартирѣ, скажу лишь одно, что онъ, прежде всего, избавилъ меня отъ того предубѣжденія, съ которымъ я относился къ сектантамъ и ихъ толкованію евангелія, и въ томъ, что католическая церковь уклонилась въ сторону отъ ученія Христа убѣдилъ меня тѣмъ, что на всѣ мои вопросы отвѣчалъ текстами Священнаго Писанія, не внося въ нихъ своихъ личныхъ мнѣній.

Послѣ этого я началъ усердно посѣщать собранія упомянутыхъ сектантовъ. Со вниманіемъ выслушивалъ ихъ проповѣди и, отбросивъ въ сторону всѣ свои книги съ религіозно-нравственными поученіями въ духѣ католицизма, занялся однимъ евангеліемъ.

Я скоро убѣдился въ томъ, что та среда, въ которую я вошелъ, и является самой настоящей и истинной церковью, которой начало положилъ Христосъ. Мѣсяца черезъ три я, принявъ водное крещеніе по вѣрѣ, сдѣлался членомъ общины.

Община евангельскихъ христіанъ, въ которую я вошелъ, состояла въ то время исключительно изъ ремесленниковъ, торговцевъ, чернорабочихъ и разнаго рода домашней прислуги.

Дѣлами общины тогда должна была вѣдать вся община. Задача же ея въ то время всецѣло сводилась къ тому, что всякій членъ общины нравственно обязанъ былъ вездѣ и каждому проповѣдывать евангеліе, т. е. убѣждать въ томъ, что спасеніе получается вѣрою въ искупительную жертву Христа за грѣхи міра, что на каждомъ человѣкѣ,

какой бы высокой нравственности жизнь его ни была, лежитъ печать первороднаго грѣха, лишающая носителей ея царства небеснаго, и что она снимается лишь Христомъ, и при томъ только съ тѣхъ, которые приняли вѣрою Его спасеніе; что Христіанская церковь одна на землѣ, и она состоитъ только изъ тѣхъ людей, которые увѣровали въ то, что они уже спасены; что всѣ остальные люди, стоящіе внѣ такой церкви, находятся внѣ истины, а слѣдовательно—погибшіе.

Изъявившіе желаніе вступить въ общину испытывались въ вѣрѣ и чрезъ водное крещеніе принимались въ члены общины. Отношенія между членами общины были очень дружелюбныя, и никто изъ членовъ общины не превозносился другъ передъ другомъ. Посѣщали другъ друга; охладѣвшихъ и впадавшихъ въ какіе либо пороки братски увѣщевали,—словомъ сказать—въ то время жизнь общины, о которой у насъ идетъ рѣчь, походила на жизнь большой хорошо устроенной семьи.

Четыре раза въ недѣлю собирались для общей молитвы, для проповѣдыванія евангелія постороннимъ и для утвержденія въ вѣрѣ своихъ братьевъ. Проповѣдывали „старшіе братья“ и кое-кто изъ молодыхъ, хорошо свѣдущихъ въ Писаніи.

Весь этотъ внѣшній порядокъ сохраняется и по сіе время, но о внутренней жизни остались однѣ лишь воспоминанія.

Въ то время, когда я вошелъ въ общину, всѣ члены ея были охвачены однимъ общимъ религіознымъ экстазомъ. Этотъ экстазъ поддерживался, на мой взглядъ, повседневными административными гоненіями и преслѣдованіями. Рѣдко собраніе проходило безъ появленія полицейскихъ. Появлявшіеся полицейскіе составляли протоколы и разгоняли собранія.

Пришлось и мнѣ побывать, кажется, раза три, на скамьѣ подсудимыхъ вмѣстѣ съ другими за „незаконное сборище“.

Со времени ослабленія гоненій на нашу общину „старшіе братья“ начали заботиться о внѣшнемъ благоустройствѣ ея.

Первымъ преобразованіемъ въ общинѣ было то, что былъ избранъ совѣтъ изъ 12 человѣкъ, въ вѣдѣніе котораго перешли всѣ дѣла общины. Такимъ образомъ, всякіе вопросы рѣшались совѣтомъ, о чемъ потомъ заявлялось всей общинѣ.

Съ того времени этимъ положено было начало раздѣленія общины на руководителей и руководимыхъ, т. е. на начальствующихъ и подчиненныхъ.

Словомъ, начинаетъ вводиться понемногу то, что до того времени самымъ безпощаднымъ образомъ порицалось и осуждалось у тѣхъ, изъ среды которыхъ мы вышли.

Наибольше попадало духовенству господствующихъ церквей. „Старшіе братья“ въ проповѣдяхъ своихъ и въ частныхъ бесѣдахъ при помощи библейскихъ и евангельскихъ текстовъ выясняли заблужденіе и неправоту священниковъ. Особенно ставилось имъ въ вину то, что они занимаютъ постъ служенія церкви не по избранію Святымъ Духомъ, а по полученіи академическаго образованія, и не служатъ церкви, а господствуютъ надъ нею.

Не оставлялись безъ вниманія и сектанты, являющіеся такими же, какъ и мы, протестантами противъ господствующихъ церквей и всего жизненнаго уклада, но расходящіеся по убѣжденію съ евангельскими христіанами.

Будучи уже членомъ общины евангельскихъ христіанъ, я узналъ о существованіи цѣлой массы другихъ сектантовъ: духоборовъ, баптистовъ, методистовъ, адвентистовъ, молоканъ и др., съ заблужденіями которыхъ знакомили насъ, новопослѣдовавшихъ евангельскому ученію, „старшіе братья“, убѣждая насъ въ томъ, что всѣ вышепоименованные сектанты, подобно сатанѣ, нѣкогда искушавшему Христа писаніемъ, увлекаютъ неокрѣпшихъ въ вѣрѣ превратнымъ толкованіемъ писанія, а потому, по совѣту „старшихъ братьевъ“, мы должны избѣгать общенія съ ними.

Вторымъ преобразованіемъ было раздѣленіе собраній на призывныя, посвященныя для постороннихъ, и на братскія—для членовъ общины.

Затѣмъ совѣтъ рѣшилъ перенести собранія съ окраины въ центръ города.

Нанято было большое помѣщеніе изъ пяти комнатъ, изъ числа которыхъ три были передѣланы въ одинъ большой залъ.

Появленіе нашихъ открытыхъ собраній въ довольно удобномъ центрѣ города привлекло вниманіе самыхъ широкихъ массъ.

Съ каждымъ днемъ наша община росла все больше и больше.

Затѣмъ совѣтъ выработалъ вѣроученіе, которое было отпечатано въ большомъ количествѣ экземпляровъ и начало распространяться среди членовъ общины и постороннихъ.

Это внесло нѣкоторую смуту въ общину, такъ какъ многіе ревностные члены общины начали протестовать противъ такого явленія у евангельскихъ христіанъ. Считая достаточнымъ и исключительнымъ вѣроученіемъ Евангеліе, они считали все остальное, въ томъ числѣ и изданное вѣроученіе для евангельскихъ христіанъ, исходящимъ отъ діавола, могущимъ только мутить чистоту евангельскаго ученія.

Нѣкоторые, успѣвшіе нѣсколько познакомиться съ „Исторіей церкви", ссылались на то, что и первые христіане путемъ всякихъ благихъ нововведеній пришли къ тому грубому заблужденію, изъ котораго, молъ, мы съ трудомъ выбрались.

Но избранный совѣтъ изъ 12 человѣкъ не счелъ нужнымъ считаться съ подобными заявленіями, а старался закрѣпить свою авторитетность, а кое-какія свои рѣшенія началъ проводить въ жизнь, не испрашивая у всей общины на это согласія.

Въ дни гоненія на сектантовъ не всѣ члены общины знали о существованіи пресвитера въ ней; но со времени ослабленія гоненій и съ началомъ существованія совѣта, въ нашей общинѣ помимо пресвитера, сдѣлавшагося извѣстнымъ не только всѣмъ членамъ общины, но и постороннимъ, избираются діаконы.

Наконецъ, становится извѣстнымъ намъ, нововступившимъ въ общину, что у нея имѣется кассиръ, у котораго хранится кружка съ общинными деньгами, и что нѣкоторые

изъ членовъ общины начинаютъ быть недовольны имъ, какъ человѣкомъ не вполнѣ заслуживающимъ довѣрія.

На одномъ изъ общихъ членскихъ собраній поднимается вопросъ о переизбраніи кассира. Послѣдній начинаетъ защищать свое положеніе, мотивируя тѣмъ, что община отнятіемъ денежной кружки отъ него порочитъ его имя. Нѣкоторые изъ членовъ совѣта поддержали его въ этомъ, и онъ остался у своего дѣла. И это послужило причиной для увеличенія числа недовольныхъ положеніемъ вещей въ общинѣ.

Появляются недовольные и самимъ совѣтомъ. Послѣдніе находятъ болѣе справедливымъ, чтобы дѣла общины, всѣ безъ исключенія, разсматривались и рѣшались всей общиной, не исключая и женщинъ. Кстати, считаю нужнымъ замѣтить, что въ то время женщины въ общинѣ считались какими то безправными существами.

Невмѣшательство женщины въ общинныя дѣла поддерживалось текстами изъ посланія ап. Павла: „жены ваши въ церквахъ да молчатъ, ибо не позволено имъ говорить, а быть въ подчиненіи. Если же онѣ хотятъ чему научиться, пусть спрашиваютъ о томъ дома у мужей своихъ; ибо не прилично женѣ говорить въ церкви“ (I Корин. 13, 34, 35).

Община росла, внѣшнее благоустройство ея крѣпло; но внутренняя духовная сила, связывавшая многихъ въ одно прекрасное цѣлое, покидала общину, а взамѣнъ ея начала разростраться внутренняя смута.

Въ это время совѣту нашей общины становится извѣстнымъ, что организовавшійся всероссійскій союзъ баптистовъ стремится къ тому, чтобы всѣ однородныя общины, а въ особенности тѣ, которыя подобно нашей расположены въ крупныхъ центрахъ Россіи, присоединить къ союзу баптистовъ. Разница между баптистами и евангельскими христіанами выражалась въ слѣдующемъ: всѣ общины, вошедшія въ союзъ, должны подчиняться центральному комитету, предсѣдателемъ котораго въ то время состоялъ богатѣйшій помѣщикъ Д. И. Мазаевъ, причемъ должны вносить опредѣленные денежные взносы въ союзную кассу, которой распоряжается упомянутый комитетъ, оплачивая изъ нея нѣкоторыхъ пресвитеровъ, діаконовъ и спеціальныхъ проповѣдниковъ—миссіонеровъ, разъѣзжающихъ по Россіи. Общины-же

евангелистовъ считались вполнѣ автономными. Независимо другъ отъ друга, каждая община занималась своими мѣстными дѣлами, въ то же время поддерживая духовную связь со всѣми другими общинами. Что же касается основныхъ положеній, какъ-то: вѣры, воднаго крещенія взрослыхъ по вѣрѣ, порядка молитвенныхъ собраній, то въ этомъ никакой разницы не было.

Совѣтъ нашей общины, получивъ свѣдѣнія о томъ, что центральный комитетъ баптистовъ желаетъ присоединить къ своему союзу нашу общину, для чего собирается прислать своихъ представителей, счелъ нужнымъ познакомить съ этимъ всю общину, при чемъ нѣкоторые изъ членовъ нашего совѣта подробно ознакомили насъ съ дѣятельностью баптистовъ, какъ съ противною духу евангельскаго ученія, доказывая всевозможными доводами, что баптисты, подобно православнымъ, католикамъ и др., попали на путь заблужденія, и убѣждая всю общину отвергнуть предложеніе баптистовъ войти въ ихъ союзъ, когда послѣдними будутъ присланы делегаты для переговоровъ.

Представители союза баптистовъ, повидимому, узнали объ этомъ, т. е., что совѣтъ нашей общины враждебно настроенъ противъ нихъ и ихъ союза, а потому избрали иной, болѣе надежный путь, т. е. рѣшили раньше склонить передовыхъ членовъ нашего совѣта къ согласію войти въ союзъ, для чего пригласили негласно на свой годичный съѣздъ, состоявшійся весною 1903 г. въ г. Царицынѣ, пресвитера нашей общины, Д. П., и другого члена, И. К., выступавшаго защитникомъ своихъ братьевъ по вѣрѣ въ судебныхъ процессахъ во время гоненія на сектантовъ, благодаря чему имѣвшаго огромное вліяніе не только на нашу общину, но и на многія окружающія. Послѣдніе, принявъ приглашеніе, уѣхали, не заявивъ объ этомъ общинѣ.

На одномъ изъ собраній для членовъ общины вдругъ я слышу то, что никакъ не могъ понять: одинъ изъ побывавшихъ на съѣздѣ объявилъ собранію, что онъ съ другимъ братомъ (при этомъ онъ назвалъ имя этого другого) были приглашены братьями баптистами на ихъ съѣздъ въ качествѣ гостей, на которомъ они побывали, послѣ чего считаютъ своимъ долгомъ познакомить всѣхъ братьевъ со всѣмъ

тѣмъ, чему они были свидѣтелями на съѣздѣ. На этотъ разъ намъ, т. е. общинѣ, пришлось услышать о баптистахъ совсѣмъ иное, противоположное тому, что мы раньше слышали о нихъ. Побывавшіе на съѣздѣ, подѣлившись съ собраніемъ своими самыми прекрасными впечатлѣніями, вынесенными со съѣзда, заявили о томъ, что братья баптисты приглашаютъ нашу общину войти въ ихъ союзъ, и что намъ нѣтъ никакой причины уклоняться отъ этого святого желанія соединиться съ „дѣтьми Божьими" воедино во славу Христа. Тогда одинъ изъ проповѣдниковъ, проведшій десять лѣтъ въ ссылкѣ за проповѣдь евангелія и за это время узнавшій хорошо жизнь и дѣятельность представителей баптистовъ, началъ возражать возвратившимся со съѣзда, указывая на цѣлую массу введенныхъ въ союзѣ баптистовъ установленій, противныхъ евангельскому ученію, причемъ убѣждалъ общину отвергнуть предложеніе послѣднихъ. Побывавшіе на съѣздѣ, повидимому, твердо рѣшили склонить нашу общину къ согласію войти въ союзъ, но такъ какъ на этотъ разъ они встрѣтили отрицательное отношеніе общины къ союзу баптистовъ (а въ этомъ имъ пришлось лишь пожать плоды своего собственнаго труда, такъ какъ до этого они сами же утверждали въ этомъ общину), то имъ пришлось употребить иныя мѣры къ достиженію своей цѣли. Послѣ этого они начали частнымъ образомъ дѣйствовать на всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ какое-либо вліяніе на общину, убѣждая послѣднихъ въ необходимости войти въ союзъ и въ важности такого соединенія.

Наряду съ этимъ нѣсколько человѣкъ изъ молодыхъ членовъ общины (въ числѣ которыхъ очутился и я), противниковъ не только союза баптистовъ, но и всѣхъ вышепоименованныхъ нововведеній въ нашей общинѣ, сплотившись въ маленькій тѣсный кружокъ, начали обсуждать, какъ намъ быть въ случаѣ, если община согласится войти въ союзъ. А это мы заранѣе предвидѣли, такъ какъ знали, что совѣтъ имѣетъ большое вліяніе на общину, а мы успѣли замѣтить, что весь совѣтъ былъ склоненъ къ тому, чтобы войти въ союзъ.

На одномъ совѣщаніи нашемъ мы рѣшили было всячески отстаивать независимость нашей общины отъ союза баптистовъ.

Осенью 1903 г. пріѣхали въ Кіевъ представители союза баптистовъ: Д. Мазаевъ, предсѣдатель союза, и В. Ивановъ, пресвитеръ бакинской общины баптистовъ.

Явившись въ нашу общину, они предварительно выступили съ горячими проповѣдями о необходимости и священномъ долгѣ единенія всѣхъ вѣрующихъ во Христа и принявшихъ свое спасеніе вѣрою. Затѣмъ были назначены совѣщательныя засѣданія для всѣхъ членовъ общины, на которыхъ опять таки упомянутые представители союза всячески старались убѣдить нашу общину войти въ ихъ союзъ. Состоялись два такихъ (въ четвергъ и пятницу) довольно продолжительныхъ засѣданія, но такъ какъ на этихъ засѣданіяхъ наша община не смогла прійти къ единогласному соглашенію, то рѣшили назначить третье и послѣднее засѣданіе, и такъ какъ суббота и воскресенье принадлежали для призывныхъ собраній, то совѣщательное засѣданіе пришлось назначить на понедѣльникъ.

Повидимому, члены нашего совѣта съ представителями союза предусмотрѣли то, что и на третьемъ засѣданіи не удастся достигнуть желательнаго результата, такъ какъ противники союза всячески мѣшали прійти всей общинѣ къ единогласному соглашенію, а потому первые рѣзко измѣнили свой планъ, и вмѣсто совѣщательнаго засѣданія, назначеннаго на понедѣльникъ, назначили на воскресеніе „вечерю любви“ въ знакъ присоединенія нашей общины къ союзу баптистовъ, не испросивъ на это согласія у самой общины.

Такое дѣйствіе совѣта произвело на многихъ членовъ общины ошеломляющее и вмѣстѣ съ тѣмъ удручающее впечатлѣніе. На вопросъ нѣкоторыхъ: какъ быть тѣмъ, которые не согласны войти въ союзъ, послѣдовалъ отвѣтъ со стороны представителей союза баптистовъ: можете итти на всѣ четыре стороны.

Понятно, намъ, протестантамъ, ничего другого не оставалось дѣлать, какъ только уйти отъ присоединившагося къ союзу большинства, но не на всѣ четыре стороны, какъ это намъ рекомендовали представители союза, а пришлось нанять другое помѣщеніе и продолжать работу евангельской проповѣди въ прежнемъ духѣ.

Наши братья, вошедшіе въ союзъ баптистовъ, начали ненавидѣть насъ и всячески злословить, какъ еретиковъ, считать преступленіемъ входить въ общеніе съ нами и привѣтствовать насъ.

Но мы не унывали. Сплотившись небольшой тѣсной семьей, мы задались цѣлью самосовершенствованія и охраненія евангельскаго ученія отъ всего человѣческаго, руководствуясь текстами изъ посланія ап. Павла къ Галатамъ: „удивляюсь, что вы отъ призвавшаго васъ благодатью Христовою такъ скоро переходите къ иному благовѣствованію, которое впрочемъ не иное, а только есть люди, смущающіе васъ и желающіе превратить благовѣствованіе Христово. Но если бы даже мы или ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаѳема. Какъ прежде мы сказали, такъ и теперь еще говорю: кто благовѣствуетъ вамъ не то, что вы приняли, да будетъ анаѳема". (Посл. Галатамъ 1 гл. 6-9). Къ намъ возвратился прежній религіозный экстазъ, находясь подъ вліяніемъ котораго мы духовно торжествовали.

Наша маленькая община понемногу пополнялась новыми членами. Но недолго намъ пришлось наслаждаться внутреннимъ спокойствіемъ. Среди насъ оказались тѣ, которые, подобно древнимъ израильтянамъ, нѣкогда просившимъ пророка дать имъ по примѣру другихъ народовъ царя, возопили: „братья! намъ нужно по писанію избрать изъ среды себя пресвитера и діаконовъ". Но были среди насъ и такіе, которые рѣшительно были противъ апостольскаго ученія о пресвитерахъ и діаконахъ, мотивируя тѣмъ, что намъ исторія израильскаго народа и христіанской церкви доказала, что ученіе о необходимости какой бы то ни было власти вредно.

Оказались среди насъ и такіе (ихъ было 2—3 человѣка), которые къ ужасу вѣрующихъ въ то, что „все писаніе боговдохновенно",—а въ то время почти всѣ сектанты, руководствующіеся Священнымъ Писаніемъ въ этомъ были глубоко убѣждены, заявили, что вообще посланія, а въ особенности ап. Павла, вредны, такъ какъ они, молъ, противорѣчатъ духу ученія Христа. Они то и внесли въ христіанскую церковь то ужасное заблужденіе, которое извратило чистоту евангельскаго ученія и принесло въ результатѣ

вмѣсто единенія — раздѣленіе и вмѣсто любви — вражду. Говорившіе такъ настаивали на томъ, что въ дѣлѣ созиданія царства Божія на землѣ вообще поменьше нужно обращаться за руководствомъ къ апостольскимъ посланіямъ, достаточнымъ руководствомъ для святой жизни можетъ и должно быть одно евангеліе безъ всякой примѣси.

Обнаружившіяся столь рѣзкія противорѣчія во взглядахъ членовъ нашей маленькой общины породили горячіе споры, и въ результатѣ все-таки по настоянію большинства былъ избранъ пресвитеръ, а крайніе протестанты отпали.

Наша маленькая община, имѣя во главѣ своей пресвитера, начала стремиться къ увеличенію числа членовъ, и при пріемѣ новыхъ членовъ мало стала примѣнять прежнюю строгость въ испытаніи послѣднихъ. Мало по-малу и въ нашей общинѣ начало выдвигаться на первый планъ внѣшнее благоустройство.

Я, въ числѣ немногихъ другихъ, продолжалъ быть сторонникомъ духовно-нравственнаго совершенствованія, считая, что оно лишь можетъ создавать истинное благоустройство въ обществѣ, какъ внутреннее, такъ и внѣшнее. Къ тому же я былъ противникомъ затраты общинныхъ средствъ на наемъ дорогихъ квартиръ для собраній, съ чѣмъ ужъ никакъ не могла согласиться наша община. Я считалъ возможнымъ и болѣе полезнымъ собираться одновременно въ различныхъ частяхъ города и по частнымъ квартирамъ для проповѣдыванія евангелія и для общенія и назиданія себя въ вѣрѣ.

Отстаивалъ я тотъ принципъ, что община, считающая себя принадлежащей къ церкви Христовой, должна заботиться не о количественномъ ростѣ, а о духовно-нравственномъ. Словомъ, своими протестами я всегда нарушалъ ложный покой общины. Объ истинномъ же покоѣ не могло быть и рѣчи, такъ какъ въ общинѣ были люди различно думающіе, а мы никакъ не могли освоиться съ той мыслью, что разномысліе въ обществѣ неизбѣжно и непремѣнно должно быть терпимо.

Мы страдали той болѣзнью, т. е. убѣжденіемъ, которой страдаетъ почти все человѣчество, принимающее активное

участіе въ строительствѣ общественной жизни, что всѣ члены общества непремѣнно должны одинаково мыслить о всѣхъ вопросахъ, относящихся къ общественному домостроительству, строго держась въ рамкахъ своей программы, построенной на строго опредѣленномъ принципѣ.

Сдѣлавшись крайнимъ протестантомъ, я не могъ пользоваться уваженіемъ у всѣхъ членовъ своей общины, да къ тому еще почему то подпалъ подъ немилость благодѣтелей не членовъ общины, дававшихъ матеріальную поддержку нашей общинѣ, пользующихся большими симпатіями у нѣкоторыхъ членовъ нашей общины и имѣвшихъ нѣкоторое вліяніе на общину. Когда я выходилъ съ проповѣдью, то послѣдніе и симпатизирующіе имъ нѣкоторые члены общины демонстративно покидали собраніе. Это, и вообще мой крайній протестантизмъ, заставили стоящихъ во главѣ общины предпринять противъ меня кое-какія мѣры.

Первой изъ этихъ мѣръ явилось то, что меня начали просить, чтобы я воздержался отъ проповѣди и, вообще, отъ своихъ претестантскихъ выступленій при рѣшеніи тѣхъ или иныхъ вопросовъ, проще говоря, этимъ хотѣли лишить меня слова и права голоса въ общинѣ. Согласиться съ этимъ, значило, отказавшись отъ дѣятельности въ общинѣ, превратиться въ покорную и безгласную овечку (къ мѣсту замѣчу, что пресвитеръ нашей общины, наставляя меня, неоднакратно цитировалъ народную пословицу: „покорное теля двѣ матки сосетъ“), что равносильно было оставленію мною общины. Но другого для меня выхода не было. Оставалось избрать одно изъ двухъ: или подчиниться просьбѣ упомянутыхъ членовъ, т. е. превратиться въ покорную безмолвную овцу, или уйти изъ общины. Въ противномъ же случаѣ я могъ быть отлученнымъ, т. е. изгнаннымъ совсѣмъ изъ общины. И я, несмотря на то, что былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что наша община является частью истинной церкви Христовой, оставилъ послѣднюю, чѣмъ, повидимому, она осталась довольна, такъ какъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени никто изъ членовъ ея не заглянулъ ко мнѣ на квартиру; къ тому же я узналъ, что нѣкоторые изъ старшихъ братьевъ предупреждаютъ

меньшую братію въ томъ, чтобы они не общались со мною, какъ съ опаснымъ человѣкомъ.

Послѣ этого я ясно понялъ, какая огромная перемѣна произошла у евангельскихъ христіанъ.

Когда я вошелъ въ общину, послѣдняя дорожила всякимъ своимъ членомъ, кто бы онъ ни былъ, и если членъ общины отпадалъ по какимъ бы то ни было причинамъ, къ нему шли съ братскими увѣщеваніями. А теперь интересовались лишь покорными овечками. Отсюда мнѣ ясно стало, что прежній духъ любви покинулъ называющихъ себя истинными христіанами и дѣтьми Божьими, и мѣсто его занялъ холодный догматизмъ.

Въ настоящее время дома, гдѣ происходятъ собранія баптистовъ и евангелистовъ, украшены вывѣсками, гласящими о томъ, что въ данномъ домѣ происходятъ молитвенныя собранія такихъ то христіанъ, но что творится во внутренней ихъ жизни?!. Да простятъ мнѣ мои братья за то, что я открываю ихъ язвы! Искренно сознаюсь въ томъ, что раньше я былъ озлобленъ на нихъ (сектантовъ) за себя и за то, что они сердца усумнившихся въ прежней своей вѣрѣ заполнили соблазнами и толкнули на путь блужданія; а такихъ очень много. Многихъ я зналъ, какъ самыхъ искреннихъ людей. Въ настоящее же время многіе изъ нихъ потонули въ житейской тинѣ, потерявъ всякое желаніе и надежду когда-либо выбраться изъ нея, какъ я уже объ этомъ сказалъ въ началѣ. Но теперь это озлобленіе прошло. Теперь я рѣшился сдѣлать это разоблаченіе потому, чтобы заставить хотя бы нѣкоторыхъ руководителей сектантства, по истинѣ превратившихся въ книжниковъ и фарисеевъ и называющихъ себя во всеуслышаніе чадами Божьими, а всѣхъ инакомыслящихъ служителями діавола и исчадіемъ ада, задуматься надъ своимъ положеніемъ: на самомъ ли дѣлѣ они то, кѣмъ они себя величаютъ?..

„Вы—соль земли. Если же соль потеряетъ силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою? Она уже ни къ чему не годна, какъ развѣ выбросить ее вонъ на попраніе людямъ. Вы—свѣтъ міра. Не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы. И зажегши свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудъ, но на под-

свѣчникѣ, и свѣтитъ всѣмъ въ домѣ. Такъ да свѣтитъ вамъ свѣтъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославили Отца Небеснаго". (Матѳ. 5 гл. 13—16 ст.).

Такъ говоритъ Христосъ. Но у современнаго сектантства, повидимому, нѣтъ этихъ добрыхъ дѣлъ, которыя могли бы быть свѣтомъ міру, а если есть, то, повидимому, слишкомъ мало ихъ, а потому, чтобы не быть незамѣченными, пришлось вывѣсить вывѣски по примѣру торговыхъ заведеній.

О внутренней жизни баптистовъ я лично мало знаю въ настоящее время, такъ какъ мои отношенія съ ними давно порваны. О томъ же нелестномъ, что мнѣ извѣстно изъ разсказовъ, я не буду говорить, а скажу лишь о самомъ главномъ: пресвитеры и діаконы ихъ, бывшіе ремесленники, давно оставили свои рабочіе станки и живутъ въ настоящее время на окладахъ, получаемыхъ за проповѣдническую дѣятельность, то есть, сдѣлались наемными „служителями слова Божія", за что нѣкогда они же рѣзко осуждали православное и католическое духовенство.

Если же и ихъ, этихъ новыхъ сектантскихъ священнослужителей, кто-либо осмѣливается упрекнуть въ этомъ (въ полученіи ими жалованья), то они съ дерзновеніемъ заявляютъ словами священнаго писанія: „не заграждай рта волу, когда онъ молотитъ" (Второзаконіе, 25 гл. 4 ст.) и „развѣ не знаете, что священнодѣйствующіе питаются отъ святилища, что служащіе жертвеннику берутъ долю отъ жертвенника". (Коринѳ. 9 г. 13 ст.). Затѣмъ приходится отмѣтить второе, болѣе важное явленіе въ сектантскомъ мірѣ, уже никакъ не вяжущееся съ прежнимъ вѣрованіемъ сектантовъ. Въ настоящее время представители баптистовъ и союза евангельскихъ христіанъ, повидимому, нашли недостаточнымъ поучаться у Святого Духа для того, чтобы проповѣдывать евангельскія истины, а потому открыли курсы для подготовки проповѣдниковъ. Можно надѣяться, что эти курсы со временемъ преобразуются въ спеціальное учебное заведеніе, по примѣру существующаго уже у адвентистовъ въ Гамбургѣ, гдѣ будутъ получать званіе проповѣдниковъ и миссіонеровъ безъ всякаго къ тому призванія, а потому лишь, что это будетъ выгодно.

Что же касается прежней вѣры баптистовъ, то имъ придется поставить въ заслугу то, что они ни на шагъ не уклонились въ сторону отъ того убѣжденія, что исключительно они одни составляютъ истинную церковь Христову, знаютъ и соблюдаютъ совершенную волю Божію, за что являются законными наслѣдниками царства небеснаго, а всѣ остальныя христіанскія церкви и всѣ иновѣрцы находятся внѣ истины Божіей и всѣ погибнутъ, коль скоро не увѣруютъ подобно имъ, т. е. пока не увѣруютъ въ то, что Христосъ—единственная и исключительная жертва за грѣхи міра, и что они уже спасены. Само собою разумѣется, увѣровавшіе въ это должны принять существующіе у нихъ, баптистовъ, обычаи.

Жизнь евангельскихъ христіанъ слагается нѣсколько иначе. У нихъ въ настоящее время существуетъ два теченія, благодаря которымъ почти вездѣ, гдѣ только были большія общины, послѣднія раскололись. Разница этихъ теченій выражается въ слѣдующемъ: нѣкоторыя общины евангельскихъ христіанъ, по примѣру баптистовъ, тоже образовали союзъ съ центральнымъ управленіемъ, во главѣ котораго стоитъ инженеръ Ив. Ст. Прохановъ. Нѣкоторыя же общины, желая сохранить свою прежнюю автономность, не вошли въ союзъ, благодаря чему между этими двумя теченіями существуетъ недружелюбное отношеніе.

Въ особенности же выдѣлилась изъ среды евангельскихъ христіанъ своими воззрѣніями та община, которую, по извѣстнымъ уже вамъ причинамъ, мнѣ пришлось оставить.

Нѣкоторые передовые члены только что упомянутой общины, разбираясь въ Священномъ Писаніи, нашли, что въ немъ существуетъ масса противорѣчій, въ особенности между Библіей—книгами Ветхаго Завѣта—и Евангеліемъ, а потому рѣшили, что нельзя такъ думать, какъ они думали до того времени, т. е. что все, написанное въ книгахъ Священнаго Писанія, написано по вдохновенію Св. Духа, и поэтому не все слово Божіе, о чемъ и начали высказываться въ проповѣдяхъ. Сторонники же того убѣжденія, что „все писаніе боговдохновенно“, усмотрѣли въ этомъ ересь и отступничество отъ истинной вѣры, и особенно возмутило послѣднихъ то, что еретическія мысли началъ высказывать вмѣстѣ съ другими ихъ пресвитеръ, противъ котораго, глав-

нымъ образомъ, и было поднято возстаніе. Объ этомъ онъ самъ разсказываетъ слѣдующее: „ревнители древняго еврейскаго закона стали группироваться особо, и ходить по домамъ, чтобы увѣщевать членовъ общины держаться стараго толка; они вооружили многихъ и вселили чувство негодованія. Меня стали называть безбожникомъ и анархистомъ. А нѣкоторые члены общества баптистовъ утверждали, что я драконъ и звали другихъ на борьбу противъ меня. Мнѣ не легко было глядѣть на это грубое невѣжество и духовную темноту, но я надѣялся и вѣрилъ, что будетъ же когда-либо и свѣтъ на мѣстѣ тьмы: люди по времени и опыту дѣлаются лучшими. А потому я терпѣлъ и на все худое отвѣчалъ любовью. Тогда всѣ мои противники стали отъ меня требовать, чтобы я высказался ясно по отношенію ветхаго завѣта и о Богѣ. Имъ казалось, что я все еще чего-то не договариваю. Я на это согласился и предложилъ назначить собраніе на 6-е декабря 1910 года, на которомъ не только я, но и всѣ желающіе могли бы свободно высказаться по вопросу о Библіи; въ назначенный день народа собралось довольно много, были баптисты и адвентисты, явился и одинъ миссіонеръ отъ союза евангельскихъ христіанъ, нѣкто Тростновъ“... (Журналъ „Духовный Христіанинъ“ за 1912 г. №2).

Въ этомъ собраніи сторонники того убѣжденія, что въ Библіи не все слово Божіе, и что не все написано въ ней по вдохновенію Св. Духа, излагая свой взглядъ на книги Священнаго Писанія, главнымъ образомъ подчеркнули то, что Библія и Евангеліе проповѣдуютъ намъ не одного и того же Бога: по ученію Библіи, въ большей ея части, Богъ—грозный, жестокій, ревнивый, мстительный, торжествующій, скорбящій, раскаивающійся въ своихъ поступкахъ; давшій своему (израильскому) народу заповѣдь—„Не убій“, Самъ ее нарушаетъ, посылая тотъ же израильскій народъ для истребленія другихъ народовъ и т. д. Словомъ, по Библіи, тотъ Богъ, Котораго, по словамъ Давида псалмопѣвца, „небо и землю не вмѣщаютъ“ низводится къ ограниченной личности, ничѣмъ не отличающейся по своему нраву и характеру отъ обыкновеннаго смертнаго человѣка.

По ученію же Евангелія Богъ—это, прежде всего, Великая Необъятная Любовь; Онъ является настолько любве-

обильнымъ Отцомъ, что каждаго человѣка—грѣшника хочетъ принять къ Себѣ, хочетъ, чтобы человѣкъ былъ подобенъ Ему. „Будьте совершены, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный", говоритъ Христосъ (Матѳ. 5 гл., 48 ст.).

Существующія противорѣчія въ книгахъ Священнаго Писанія и породили въ христіанствѣ споры, приведшіе къ расколамъ и ко многимъ другимъ очень печальнымъ послѣдствіямъ. Эти противорѣчія служатъ поводомъ все къ новымъ и новымъ расколамъ въ христіанскомъ мірѣ, что и мѣшаетъ христіанству осуществить великій завѣтъ своего учителя Христа—быть едино. Поэтому, говорили вышеупомянутыя лица, христіанину нужно разбираться въ Священномъ Писаніи, что въ немъ дѣйствительно боговдохновенно и полезно для наставленія въ вѣрѣ и праведной жизни, и что не боговдохновенно и не полезно. Для болѣе точнаго ознакомленія съ убѣжденіемъ данной общины евангельскихъ христіанъ, интересующихся отсылаю къ журналу „Духовный Христіанинъ" за 1912 годъ, № 2, въ которомъ помѣщена статья В. Хоменко подъ заглавіемъ „Мнѣніе о Библіи, высказанное В. Хоменко 6-го декабря 1910 года въ Кіевской общинѣ евангельскихъ христіанъ". Здѣсь же я приведу маленькій отрывокъ изъ нея.

„Я думаю, что ученіе Христово и наша христіанская вѣра сами по себѣ такъ сильны и свободны, что не нуждаются ни въ какихъ постороннихъ, т. е. внѣевангельскихъ доказательствахъ. Какъ только человѣкъ начинаетъ сознавать въ себѣ высшее духовное начало, то и вѣра Христова начинаетъ въ немъ крѣпнуть и животворить его. Все это я изложилъ въ силу просьбы многихъ моихъ братьевъ высказаться о Библіи.

Въ задачѣ моей нѣтъ цѣли опровергать или утверждать Библію, а лишь стремленіе разобраться въ великомъ для меня вопросѣ относительно моего духовнаго совершенствованія.

Цѣня все то, что просвѣщаетъ мой умъ, умудряетъ сердце, даетъ мнѣ духовную силу и сообщаетъ о состояніи людей, какъ настоящаго, такъ и прошлаго времени, я хочу опредѣлить свои духовныя свойства, понять, что родственно

и что чуждо Христу и Его ученію, а равно и моей духовной жизни".

Впервые высказанное публично такое имѣніе о Библіи въ сектантской общинѣ вызвало цѣлую бурю негодованія противъ смѣльчаковъ, дерзнувшихъ примѣнить къ Библіи критику ума, какъ среди самыхъ евангельскихъ христіанъ, такъ среди баптистовъ.

Въ общину, въ которой завелись „безбожные еретики", союзъ евангельскихъ христіанъ прислалъ было четырехъ своихъ представителей, повидимому, для того, чтобы безбожниковъ устранить изъ общины, а послѣднюю принять подъ свое покровительство. Но такъ какъ на сторонѣ первыхъ оказалось большинство членовъ общины, то послѣднимъ оставалось лишь удалиться ни съ чѣмъ, а такъ какъ для нихъ это, повидимому, было очень непріятно, то они рѣшили произвести раздѣленіе въ общинѣ; покидая собраніе, которое было собрано ради ихъ, одинъ изъ нихъ обратился къ собранію со словами: „кто за Господа, тотъ иди за нами". Цѣль была достигнута: нѣсколько человѣкъ, демонстративно уйдя изъ упомянутаго собранія вмѣстѣ съ представителями отъ союза, образовали самостоятельную общину, которую и принялъ союзъ подъ свое покровительство, присылая часто своихъ миссіонеровъ для утвержденія ихъ въ истинѣ.

Отъ общины, съ стоящими во главѣ ея людьми, признанными представителями союзовъ евангельскихъ христіанъ и баптистовъ еретиками, всѣ сектанты, исповѣдующіе, что „все Писаніе (книги Ветхаго и Новаго Завѣта) боговдохновенно и полезно" въ ужасѣ отшатнулись. Признавъ самую общину еретической и ужасно вредной, они предупреждали всѣхъ и каждаго избѣгать ее, а въ особенности представителей ея, какъ злѣйшихъ антихристовъ, посланниковъ князя преисподней.

Но община, съ стоящимъ во главѣ ея В. Хоменко, оставшись почти одинокой въ сектантскомъ мірѣ, не унывала. Проповѣдники ея съ воодушевленіемъ начали открыто свою работу въ разборѣ Священнаго Писанія, анализируя послѣднее въ публичныхъ собраніяхъ, что въ немъ священно и полезно для христіанъ и что не священно и не полезно,

не страшась тѣхъ порицаній и осужденій, которыми отовсюду осыпали ихъ.

Въ данной общинѣ начали проповѣдывать самую широкую терпимость къ убѣжденіямъ другихъ, считая священнымъ долгомъ любить всѣхъ. Но спустя нѣкоторое время, въ ней появились люди, которые, не будучи въ состояніи вмѣстить все то, что здѣсь проповѣдывалось, начали мутить жизнь общины; благодаря этому и въ данной общинѣ нѣтъ внутренняго мира, гдѣ измученный душой могъ бы найти отдыхъ.

Прослѣдивъ мой разсказъ, вы видите, что наше современное сектантство не сдѣлало никакихъ новыхъ открытій въ области философіи, ни въ области Божественныхъ истинъ, которыхъ міръ доселѣ не зналъ, а главное: сами сактанты до сихъ поръ не могутъ научиться мирному житью-бытью, чему бы можно было поучиться у нихъ другимъ.

Всѣмъ извѣстно, что люди, недовольные такой общественной жизнью, которая не въ состояніи удовлетворить ихъ тѣлесные и духовные запросы, ищутъ путей къ новой лучшей жизни.

Не знаю, по счастью или по несчастью, я также принадлежу къ этимъ людямъ. Не знаю и того,—потому ли, что я въ слишкомъ скверной жизненной обстановкѣ родился и росъ, или по причинѣ иного, не вполнѣ еще мнѣ понятнаго, закона, я слишкомъ рано началъ принадлежать къ числу искателей новой жизни.

Уже на восьмомъ году жизни я понялъ, что люди не такъ живутъ, какъ слѣдовало бы имъ жить. Уже въ самомъ раннемъ моемъ дѣтствѣ я только и имѣлъ возможность наблюдать худшія стороны жизни, какъ-то: пьянство, ссоры, драки, клевету, ненависть и т. п. Узнавъ же о томъ, что есть Богъ, который злыхъ людей накажетъ, а добрыхъ заберетъ къ Себѣ, я и началъ задумываться надъ жизнью своей и окружающихъ. Кромѣ этого, я видѣлъ и понималъ, что злымъ людямъ нехорошо живется и здѣсь на землѣ. Но что нужно дѣлать, чтобы и здѣсь на землѣ хорошо жилось и чтобы по смерти попасть къ Богу?..

И вотъ этотъ-то простой вопросъ, зародившійся въ моемъ дѣтскомъ умѣ, и толкнулъ меня на путь исканія.

Тогда же, разсуждая еще по-дѣтски, я пришелъ къ тому заключенію, что путь къ лучшей жизни и къ Богу—религіозность и богобоязненность, по которому я и направился.

Но какъ только я сознательно ступилъ на этотъ путь, такъ почти въ тотъ же моментъ увидѣлъ себя на распутьи.

Поскольку я подвигался впередъ намѣченнымъ путемъ, постольку я натыкался все на новые пути; и, наконецъ, мнѣ открылась цѣлая масса путей, которыми по группамъ шли люди; и, къ моему удивленію, каждый изъ идущихъ различными путями утверждалъ, что только тотъ путь ведетъ къ цѣли, которымъ онъ идетъ. Отсюда и начинается моя душевная борьба.

Желаніе самому выбраться изъ ложнаго, по моему мнѣнію, положенія и другихъ вывести изъ послѣдняго и заставило меня метаться въ поискахъ вѣрнаго пути къ истинной жизни. И я искалъ до тѣхъ поръ, пока отъ изнеможенія не палъ. Будучи не въ состояніи идти дальше, я не потерялъ способности думать и наблюдать. И въ то время, во время полнѣйшей пассивности, мнѣ открылась нѣкоторая частица истины. Я замѣтилъ, что почти всѣ ищущіе выхода изъ жизни, не удовлетворяющей ихъ, впали въ крупную ошибку: вмѣсто того, чтобы объединиться для общей и всѣмъ желанной цѣли—достиженія мирной, здоровой и разумной жизни, говоря другими словами—царства Божія на землѣ, они продолжаютъ дробиться на религіозныя и политическія партіи.

А такъ какъ всѣ партіи намѣчаютъ различные пути, то каждая въ свою очередь старается доказать, что только ею открытый путь ведетъ къ цѣли.

И на этой почвѣ страсти людскія разгораются все больше и больше; и въ этомъ ужасно вредномъ спорѣ, омрачающемъ многіе лучшіе умы, люди не замѣчаютъ того, что они уклонились отъ настоящей цѣли; ища мира и любви, они сѣютъ вражду и ненависть; ища истинной жизни, рождаютъ смерть.

Такъ какъ моя рѣчь о сектантахъ, то замѣчу, что современное сектантство, за исключеніемъ очень немногихъ, идетъ давно пройденнымъ другими путемъ и, само собою разумѣется, идя этимъ путемъ, оно ни въ коемъ случаѣ не

можетъ прійти къ намѣченной цѣли, созданія царства Божія на землѣ. Приходится лишь удивляться тому, какъ взрослые разумные люди не видятъ того, что они идутъ тѣмъ путемъ, который такъ еще недавно сами же отмѣчали, какъ путь заблужденія, и проводятъ въ жизнь все то, что раньше порицали и осуждали самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Наши сектанты, считая себя послѣдователями Христа, призывая отъ имени Его всѣхъ къ единенію, продолжаютъ все больше и больше раздѣляться.

Невѣрующимъ проповѣдуютъ любовь и всепрощеніе, а сами враждуютъ между собой, ненавидятъ и презираютъ другъ друга изъ-за того лишь, что неодинаково думаютъ о какихъ либо вопросахъ, или неодинаково понимаютъ какой либо текстъ изъ Священнаго Писанія.

Для подтвержденія справедливости сказаннаго мною о сектантахъ, въ заключеніи приведу выдержки изъ письма сектанта къ сектанту.

„Итакъ, оставимъ этихъ людей (авторъ письма имѣетъ въ виду здѣсь людей, не вѣрующихъ по Евангелію, т. е. не сектантовъ) и не будемъ отъ нихъ требовать того, что для нихъ невѣдомо... но возьмемъ для разсужденія безпристрастнаго тотъ кругъ людей, въ которомъ мы находимся. Ихъ въ настоящее время можно считать тысячами, и всѣ они оставили религію и обычаи своихъ отцовъ, потому что въ нихъ нѣтъ ничего Божьяго, и взяли въ руки Евангеліе Христово и стали изслѣдовать (его), а затѣмъ и увѣровали и признали, что въ Евангеліи заключается вся воля Божія... и стали признавать все за ложь, чего въ Евангеліи не упоминается. Но немного прошло времени, и что же мы видимъ? Евангеліе отъ Бога и одно, послѣдователи (Евангелія) говорятъ, что они его любятъ, но гдѣ же это единство, котораго оно (нужно понимать, что Евангеліе) требуетъ? Гдѣ же эта связь любви, мудрости, терпѣнія, кротости и свѣтлыхъ чувствъ, которыя изъ Евангелія вытекаютъ?! Гдѣ это?...

Димитрій Калиничъ! вы не повѣрите, какъ жаль и прискорбно смотрѣть на всѣ эти явленія. Представьте себѣ хоть бы и такія отношенія: пріѣзжаетъ какой нибудь братъ изъ другого города, и требуютъ отъ него свидѣтельство

бумажное; но не видно, чтобы между ними были такіе, которые имѣли бы духовныя очи, видѣли бы свидѣтельство отъ Бога въ сердцѣ брата, которое много важнѣе, нежели бумажное...

Каждый христіанинъ долженъ быть не только вѣрующимъ, но и (долженъ) имѣть полноту Святого Духа"...*)

Я. Демиховичъ.

*) „Ежемѣсячный журналъ". 1915 г. № 8—9, стр. 127—140.

Открытое письмо секретаря Петроградской баптистской общины Ф. Птицына къ наставнику баптистовъ Б. Фетлеру.

Любезный Братъ, Вильгельмъ Андреевичъ!

Считаю нравственнымъ долгомъ своимъ высказать вамъ то, что накопилось на душѣ у меня. Быть можетъ, это письмо откроетъ вамъ глаза на нѣкоторыя отрицательныя черты вашего характера и побудитъ васъ къ самоусовершенствованію въ этой области. Такимъ образомъ, многіе, быть можетъ, избѣгнутъ той участи, какая постигла меня отъ соприкосновенія съ вами на жизненномъ пути моемъ.

Въ качествѣ наставника петроградской баптистской общины, вы заняли такое положеніе, что многіе, въ томъ числѣ и я, легко довѣрились вамъ, не разсуждая о послѣдствіяхъ такого беззавѣтнаго довѣрія своего.

I.

Обладая гибкимъ умомъ и мягкимъ языкомъ, вы сумѣли уговорить меня, въ іюнѣ 1910 года, поступить къ вамъ на службу въ качествѣ личнаго вашего секретаря, такъ какъ тогда вы очень нуждались въ подходящемъ членѣ общины для этой должности. Я имѣлъ торговое дѣло свое, имѣлъ свой телефонъ; имѣлъ такое дѣло, какое доставляло мнѣ достаточно средствъ для содержанія семьи: сынъ воспитывался въ реальномъ училищѣ, дочь также посѣщала школу. Я не имѣлъ особой нужды, вы это хорошо знаете, такъ какъ въ мартѣ того же 1910 года приняли отъ меня пожертвованіе на постройку молитвеннаго дома 50 рублей, въ чемъ я имѣю отъ васъ квитанцію. Вы предложили мнѣ тогда жалованье 50 рублей въ мѣсяцъ. На эти 50 рублей я долженъ былъ нанимать себѣ квартиру и содержать семью свою. По петроградскимъ цѣнамъ на жизненныя

потребности, я не могъ согласиться ликвидировать торговое дѣло свое и идти къ вамъ на службу на такое жалованье; вѣдь тогда не только нельзя было бы воспитывать дѣтей въ среднемъ учебномъ заведеніи, но и жить, мало-мальски по-человѣчески, невозможно семейному человѣку на такое ничтожное жалованье.

И вотъ, тогда вы пустили въ ходъ вашъ гибкій умъ и вашъ мягкій языкъ. Вы говорили, что мнѣ надо сначала потерпѣть, надо довѣриться вамъ, а ужъ потомъ мнѣ будетъ хорошо служить у васъ, что Господь не оставитъ меня, если я всецѣло отдамся Господу. Тогда же подумалъ я, что служба у васъ за ничтожное содержаніе, не составляетъ, кажется, отдачу Господу. Я продолжалъ колебаться. Вы начали говорить мнѣ, что устроите меня въ домѣ Е. И. Чертковой за 15 рублей въ мѣсяцъ безъ дровъ, а какъ только пріѣдетъ въ Петроградъ Елизавета Ивановна, то тогда и дрова будутъ безплатно отъ Чертковой, и, кромѣ того, вы устроите такъ, что я буду завѣдывать какими-то дѣлами Чертковой, и, вообще, мнѣ будетъ жить очень хорошо. Встрѣчая въ жизни много непостоянства, я продолжалъ еще колебаться, но ваше положеніе наставника и проповѣдника подкупило мое довѣріе къ вамъ, къ тому же вы, видя мою нерѣшительность и высказанныя мною соображенія, что на 50 руб. жалованья не могу я содержать дѣтей въ среднемъ учебномъ заведеніи, объявили мнѣ, что за дѣтей, въ реальное училище и женскую гимназію, будете платить вы сверхъ жалованья, причемъ добавили, что Черткова очень любитъ дѣтей, и для нея ничего не будетъ стоитъ платить за моихъ дѣтей въ учебныя заведенія. Какъ только ликвидировалъ я свою торговлю и поступилъ къ вамъ на службу, вскорѣ же почувствовалъ я полное ваше равнодушіе ко мнѣ. Нужно было мнѣ въ августѣ внести за сына въ коммерческое училище за 1-е полугодіе 70 рублей и за дочь въ гимназію 45 рублей, вы почему-то забыли ваше торжественное обѣщаніе внести плату за дѣтей. Мы съ женою недоумѣвали, что бы это значило. Изъ чувства деликатности я не требовалъ отъ васъ этихъ денегъ, а лишь нѣсколько разъ напоминалъ вамъ, что дѣти приняты и посѣщаютъ школу, но вы продолжали притворяться, что совершенно не пони-

маете, для чего это я все говорю вамъ о дѣтяхъ своихъ. Но вотъ получилъ я повѣстки изъ учебныхъ заведеній о томъ, что если деньги не будутъ внесены за дѣтей къ 15 сентября, то они будутъ исключены. Съ болью въ сердцѣ за ваше невниманіе ко мнѣ, я все-же принужденъ былъ просить васъ уплатить за дѣтей 115 рублей за 1-е полугодіе. О, какъ поморщились вы тогда! Какъ переспрашивали, сколько именно нужно заплатить и почему нужно платить за 1-е полугодіе больше, чѣмъ за 2-е, на 20 рублей. Вы дали мнѣ тогда только 100 рублей и совершенно забыли додать, какъ обѣщали, остальные 15 рублей.

Когда пріѣхала въ Петроградъ Е. И. Черткова, я напомнилъ вамъ о дровахъ, но вы ничего опредѣленнаго не сказали мнѣ на это; вы, по обыкновенію, забыли свое обѣщаніе.

Не знаю, знали ли вы ту квартиру въ домѣ Е. И. Чертковой, куда поселили вы меня, или не знали, но фактъ тотъ, что квартира эта пригодна, быть можетъ, подъ складъ товара, кладовую для провизіи, или что-нибудь въ этомъ родѣ, но никакъ не для жилья съ дѣтьми въ зимнее время. Домомъ этимъ завѣдуетъ престарѣлая М. В. Сергіевская— „вѣрующая". Вотъ я и довѣрился, во-первыхъ, вамъ, а во-вторыхъ, „вѣрующей" Сергіевской, что, молъ, у такихъ ужъ людей все, безъ сомнѣнія, обстоитъ благополучно. Оно и было сначала все благополучно, но когда настала осень, когда наступили холода, то квартира моя оказалась не квартирой, а сущимъ дырявымъ рѣшетомъ: дуетъ въ щели дверей, дуетъ сквозь непроконопаченныя прогнившія стѣны, несетъ холодомъ черезъ щели въ полу... Начинаю усиленно жечь дрова, отчего подъ потолкомъ получается настоящая баня, а на полу—чуть не морозъ и страшная тяга холоднаго сырого воздуха изъ-подъ прогнившаго пола. О, ужасъ! Знаете ли вы, добрѣйшій Вильгельмъ Андреевичъ, какое зло причинила мнѣ эта квартира? О, безъ сомнѣнія, вы знаете это. Но какое вамъ дѣло до семьи моей! Вамъ совершенно некогда. Вы вѣчно заняты спасеніемъ людей, вы такъ прекрасно, такъ сладко говорите о любви братской, когда стоите за каѳедрой. Ну, а когда сходите съ каѳедры, невозможно же и тогда все еще заниматься этой любовью

и участіемъ къ ближнимъ. Надо же имѣть и отдыхъ или въ уютной квартирѣ Е. И. Чертковой и въ ея, весьма приличномъ для васъ, обществѣ, или у себя дома, гдѣ также все обстоитъ благополучно: и ванна, и попеченія В. Я. Гавриловой и М. Н. Ясновской.

Я докладывалъ вамъ объ ужасахъ моей квартиры, что трачу на дрова до 15 рублей въ мѣсяцъ, докладывалъ, что въ этой убійственной квартирѣ заболѣлъ тифомъ сынъ, а затѣмъ получилъ онъ злѣйшій ревматизмъ въ ногахъ; что дочь получила бронхитъ, жена такъ же заболѣла, и я самъ болѣлъ болѣе 2-хъ недѣль; что постоянно всѣ мы чувствуемъ себя скверно въ этой квартирѣ. Дѣти и теперь больны,— они потеряли въ этой квартирѣ здоровье; потеряли черезъ эту квартиру школу и сидятъ теперь дома въ такомъ положеніи, что больно смотрѣть на нихъ. Но вамъ то какое дѣло! Вамъ же, вѣдь, некогда. Вамъ нужно торопиться на каѳедру, чтобы оттуда распѣвать сладкозвучно о любви къ ближнему. Я еще разъ напомнилъ вамъ о дровахъ отъ Чертковой, но вы что-то буркнули въ отвѣтъ, чего я не разобралъ, вотъ и все, что получилъ я отъ васъ. Тутъ и дрова Чертковой, и завѣдываніе какими-то дѣлами ея, и очень хорошая жизнь моя подъ вашимъ покровительствомъ. Сынъ лежалъ почти при смерти. Я, въ чаяніи будущихъ, обѣщанныхъ вами, благъ, израсходовалъ послѣдній рубль на докторовъ, на лѣкарство и проч. и вотъ принужденъ былъ попросить у васъ въ счетъ жалованья 20 рублей на лѣченіе сына. Вы дали, но при первой получкѣ жалованья удержали всѣ 20 рублей. Я въ ужасѣ, я говорю вамъ, что ради Бога не высчитывайте сейчасъ же долга, отсрочьте до весны, когда не нужно будетъ жечь такое количество дровъ, и когда сынъ поправится; что, за вычетомъ 20 руб., изъ остальныхъ 30 руб. я долженъ уплатить „вѣрующей“ Сергіевской за квартиру 15 рублей, кромѣ того, долженъ купить еще дровъ, и тогда у меня не останется и на хлѣбъ и селедку. Не могу же я кормить больныхъ жену и дѣтей только хлѣбомъ и селедкой. Это ужъ я самъ буду такъ кормиться. Такъ умолялъ я васъ тогда. И что же? Вы тогда выкинули мнѣ 10 рублей и ушли въ свой кабинетъ. Я въ страшномъ недоумѣніи. Я не узнавалъ васъ. М. Н. Ясновская, ваша кассирша и во всемъ

правая рука ваша, не зная, что вы дали мнѣ 40 рублей, предлагаетъ мнѣ получить жалованье 50 рублей и расписаться. Я говорю ей: „расписываться я подожду, потому я просилъ „его“ не высчитывать до весны долга; я такъ нуждаюсь теперь; сынъ опасно боленъ: надо лѣчить. Поговорите, пожалуйста, съ „нимъ“, можетъ быть, онъ додастъ мнѣ эти 10 р., тогда я и распишусь“. Но вы не вышли изъ вашего кабинета, а послали Ясновскую, которая, тоже „вѣрующая“, объявила мнѣ: „Вильгельмъ Андреевичъ сказалъ, что онъ расчитался съ вами“. О, съ какимъ величіемъ говорила она эти слова! Она смотрѣла на меня сверху внизъ; видно было по всему, что именно такія порученія пріятно ей исполнять, вѣдь она „вѣрующая“. Затѣмъ вскорѣ случилась такъ, что хотя вамъ вѣчно некогда, все же вы нашли время, чтобы объявить мнѣ, что вы очень сожалѣете, что дѣти мои заболѣли и не посѣщаютъ школу, тогда какъ за нихъ внесено такъ много денегъ. Я не понялъ хорошенько тогда, о чемъ собственно сожалѣли вы тогда. О дѣтяхъ ли моихъ, что они, бѣдныя, заболѣли и потеряли школу, или сожалѣли вы о 100 рубляхъ вашихъ? Затѣмъ вы были такъ милостивы ко мнѣ, что нашли достаточно свободнаго времени, чтобы внушить мнѣ, что неразумно платить такъ много денегъ за дѣтей, въ особенности, когда дѣти болѣютъ и неисправно посѣщаютъ школу; что вѣдь можно отдать дѣтей въ другое ученіе, гдѣ не надо такъ много платить. Я видѣлъ, что сожалѣніе ваше относилось не къ заболѣвшимъ дѣтямъ моимъ, а къ вашимъ 100 рублямъ, внесеннымъ за нихъ.

Какъ острымъ ножомъ, полоснули вы меня тогда вашимъ внушеніемъ отдать дѣтей чуть ли не въ сапожные ученики, чтобы изъ нихъ вышли сапожные подмастерья. Какъ больно и тоскливо сжалось тогда сердце мое отъ такого участливаго отношенія вашего ко мнѣ. Но что могъ подѣлать я? Я былъ въ вашихъ рукахъ, такъ какъ возстановить торговое дѣло для меня уже было невозможно. Вы сознавали и потому не стѣснялись быть жестокимъ въ отношеніи меня.

Я призадумался надъ возникшимъ предо мною вопросомъ: почему, по какимъ причинамъ вы такъ жестоки ко мнѣ? Можетъ быть, къ другимъ вы любезнѣе и добрѣе от-

носитесь. И я сталъ наблюдать васъ. И оказывается, что въ отношеніи меня вы вовсе не измѣнили вашего характера, что вы ко всѣмъ одинаково сухи, жестоки и равнодушны. И, такимъ образомъ, я не составлялъ исключенія для васъ. Впрочемъ, виноватъ, вы, оказывается, очень любезны къ тѣмъ, отъ кого чаете получить какую-либо выгоду. Напримѣръ: чрезвычайно милы, любезны, остроумны и находчивы вы въ отношеніяхъ къ Е. М. Чертковой. О, какъ были вы оживлены на дѣтскомъ праздникѣ въ Ломанскомъ переулкѣ, полтора года тому назадъ, въ присутствіи Е. И. Чертковой! Такъ и сыпали вы тогда остротами, мило и тактично веселили Е. И. во время вашихъ занятій съ дѣтьми. Поминутно обращались вы къ Е. И. съ какимъ-нибудь, приличнымъ обстоятельству и времени, очень забавнымъ словечкомъ. О, вы—великій мастеръ заслуживать вниманіе сильныхъ міра сего! Тогда съ восторгомъ наблюдалъ я васъ, а теперь, вспоминая это обстоятельство, чувствую легкую тошноту...

II.

Позвольте мнѣ, Вильгельмъ Андреевичъ, напомнить вамъ о томъ, какъ вы „облагодѣтельствовали“ члена вашей общины Марину Николаевну Гориновичъ.

Эта дѣвушка—слабое, болѣзненное существо, получала отъ васъ небольшое жалованье за свою корректорскую работу. Физическія силы ея были очень слабы.

Какъ-то разъ присѣла она къ моему столу и говоритъ, что она никакъ не можетъ окончить работу, что голова у нея тяжела и мысли путаются. Я видѣлъ ея помутившіеся глаза.

На этихъ дняхъ, подумалъ я тогда, съ ней были такіе продолжительные и частые припадки на общихъ собраніяхъ,—вотъ и сейчасъ, кажется, не далека она отъ припадка. Я попросилъ ее позволить мнѣ докончить ея работу, но тутъ появились вы и запротестовали, потребовали, чтобы она непремѣнно сама работала. Она взглянула на васъ, безпомощно улыбнулась и сказала, когда отошли вы: „ну, что же, буду сама работать, когда заставляютъ“. Меня поразила тогда ваша жестокость въ отношеніи Гориновичъ. Вы, вѣдь видѣли ея прежніе обмороки; видѣли, что она едва сидѣла

у моего стола. Сердце мое сжалось отъ боли за эту молодую, больную дѣвушку. Предчувствуя что-то недоброе, я въ тотъ же день говорилъ В. Я. Гавриловой, что Гориновичъ надо бы освободить на нѣкоторое время отъ работы.

Ровно черезъ два дня послѣ этого Гориновичъ отравилась нашатырнымъ спиртомъ. Ее отправили въ больницу. Вы всполошились тогда. Въ самомъ дѣлѣ, что скажетъ общество? Только что начало организоваться, подъ вашимъ руководствомъ, „общество спасанія самоубійцъ", членомъ котораго, кажется, записана и Гориновичъ, и вдругъ такое несчастье. Чужихъ собирались спасать отъ самоубійствъ, а вотъ тутъ свою проворонили. Первый блинъ вышелъ даже хуже, чѣмъ комомъ. Надо было подготовить общину принять такое, позорящее васъ, событіе въ болѣе сносномъ видѣ. И вы уже очень постарались въ этомъ направленіи. На другое утро, послѣ самоотравленія Гориновичъ, въ больницѣ сказали вамъ, что она безнадежна. Вы летите тогда на всѣхъ парахъ изъ больницы въ собраніе, это было утромъ 1-го января 1911 года, и въ собраніи начинаете подготовлять собравшихся „братьевъ" и „сестеръ" къ принятію событія въ болѣе выгодномъ для васъ освѣщеніи. Вы начали разсказывать всѣмъ, что умирающая была нехорошая дѣвушка, что она призналась вамъ когда-то, какъ наставнику и пастору, въ томъ, что она имѣла любовную связь, когда жила въ западномъ краѣ; что она отступила отъ Господа, и вотъ, Господь оставилъ ее и допустилъ сатану овладѣть ея душою; что она не послушала какого-то вашего совѣта, и за это оставилъ ее Господь. Много кидали вы всякой грязи въ несчастную умирающую дѣвушку. Все собраніе слушало и удивлялось, что эта самая Гориновичъ, недѣлю тому назадъ, на полуночномъ собраніи, въ Б. Казачьемъ пер., въ вашемъ присутствіи говорила слово Божіе собравшимся тамъ проституткамъ и хулиганамъ, увѣщавая ихъ возвратиться на чистый путь жизни и начать славить Господа и Спасителя нашего. Эта тихая, съ чистыми ясными глазами, слабенькая дѣвушка, оказывается теперь, по вашему свидѣтельству, такою непослушною вамъ и грязною дѣвицею! Вы допускали ее до проповѣди съ каѳедры, какъ достойную, „вѣрующую сестру", а когда очутилась на смертномъ одрѣ, вы же начали утвер-

ждать, что прекрасно знали, что она непокорная Богу и вамъ грѣшница. Всѣ слушали при гробовомъ молчаніи, а вы продолжали закидывать грязью умирающую, выгораживая себя въ глазахъ общины, что вы-де очень хорошій наставникъ и очень заботитесь о паствѣ своей, даже учреждаете „общество спасанія самоубійцъ". Гориновичъ же нечего, молъ, и жалѣть; она, вѣдь, какъ видите, была нехорошая дѣвушка и богоотступница даже. Все-таки, въ концѣ-концовъ, вы предложили помолиться о спасеніи великой грѣшницы—Гориновичъ. Желалъ бы я спросить васъ, Вильгельмъ Андреевичъ, думаете ли вы, что вамъ придется, хотя бы на склонѣ вашей жизни, спасать отъ самоубійствъ хорошихъ, негрѣшныхъ, богобоязненныхъ людей, если грѣшниковъ, отступниковъ вы не считаете для себя достойнымъ спасать.

Гориновичъ, противъ всякаго ожиданія вашего, не умерла. Когда передали ей о томъ, какой некрологъ сочинили вы противъ нее, и, не дождавшись погребенія ея, поторопились прочитать некрологъ этотъ всему честному собранію,—она возмутилась тогда и много плакала, и теперь, навѣрно, плачетъ еще. Сестра ея, Екатерина Николаевна Мордовина, узнавъ, какъ очернили, какъ обидѣли вы ея бѣдную, несчастную сестру, тоже возмутилась и много плакала.

III.

А вотъ еще картинка вашего „братскаго" отношенія къ меньшей братіи. Членъ вашей общины, Екатерина Николаевна Мухина, торгующая духовными книжками, пришла какъ-то въ вашъ книжный складъ за книгами; на ея бѣду вы вышли изъ вашего кабинета и милостиво заговорили съ ней. Бѣдная женщина, часто сурово прогоняемая вами съ лучшихъ мѣстъ для продажи книгъ, на всѣхъ собраніяхъ вашихъ, обрадовалась вашимъ ласковымъ словамъ и по простотѣ своей стала открывать предъ вами все, что думала она. Она покаялась вамъ, что нѣсколько разъ продавала книжки въ близкомъ сосѣдствѣ отъ г-на Глухова, хотя вы этого не любите и запретили ей.

Боже мой, какая произошла съ вами перемѣна тогда! Вы, наподобіе хамелеона, моментально окрасились въ

другой цвѣтъ и ужасно „осерчали“ на Мухину, какъ конкурентку вашему Глухову: тутъ же приказали отобрать отъ нея вашъ значокъ торговли книжками вашего изданія.

Бѣдная Мухина тщетно взывала къ вашему благоразумію, говорила, что вѣдь она сама, при томъ добровольно, покаялась вамъ такъ же, какъ кается она Богу въ грѣхахъ; говорила, что Богъ знаетъ грѣхи прежде покаянія и то прощаетъ, а вѣдь вы не знали бы, если бы она сама не напросилась вамъ со своимъ покаяніемъ; она очень просила васъ простить ее. Затѣмъ, видя ваше ожесточеніе, говорила, что вѣдь Богъ не проститъ и вамъ вашихъ грѣховъ, если вы не простите ей, но вы не простили Мухину, надо полагать, потому, что считаете себя безгрѣшнымъ предъ Богомъ. Значокъ отъ Мухиной былъ отобранъ, и она удалилась отъ васъ, не прощенная вами. Я слышалъ, какъ озлобленная Мухина, уходя отъ васъ, говорила: „вишь ты, какой заграничный ястребъ, налетѣлъ сюда обижать тутъ насъ, русскихъ“.

IV.

Не менѣе интересна и слѣдующая исторія вашего „соломонова“ суда надъ меньшими братьями вашими. Въ декабрѣ минувшаго года дворникъ собственнаго дома баптистовъ, по 24-й линіи Васильевскаго Острова, № 11, крестьянинъ Тимофей Семеновъ, имѣлъ неосторожность, по своему дворническому неразвитію и незнанію всѣхъ правилъ свѣтскаго обращенія съ „высокопоставленными лицами“, прямо и просто попросить кассира общины, „вѣрующаго“ брата И. П. Дайдера, выдать причитающееся ему жалованье за истекшій мѣсяцъ. Дайдеръ, бывшій землекопъ, затѣмъ младшій дворникъ, потомъ лакей, кондукторъ, старшій дворникъ, а теперь г. управляющій домами Епифанова въ Горсткиной улицѣ, обидѣлся на Семенова за фамильярное къ нему обращеніе и „приказалъ“ Семенову ожидать до тѣхъ поръ, пока онъ окончитъ разговаривать съ другими. Бѣдный дворникъ Семеновъ привыкъ на собраніяхъ пожимать руки духовныхъ братьевъ своихъ, стоящихъ гораздо выше Дайдера на общественной лѣстницѣ; пожималъ онъ по-братски даже руку и самого „наставника“ В. А. Фетлера. На собраніяхъ этихъ такъ хорошо проповѣдуется равенство,

братство и даже служеніе старшихъ младшимъ братьямъ. Семеновъ, по своей неразвитости, чистосердечно повѣрилъ этимъ проповѣдямъ, которыя вы такъ хорошо произносили съ каѳедры. Но вотъ „братъ“ Дайдеръ окрысился на него. Семеновъ слышалъ отъ васъ, что каждый изъ „вѣрующихъ“, если увидитъ согрѣшающаго въ чемъ-либо „брата“ своего, обязанъ обличить такого брата. Ну, вотъ Семеновъ, исполняя долгъ свой, „обличилъ брата“ Дайдера, назвавъ его при этомъ гордецомъ. „Братъ“ Дайдеръ обличенія не принялъ и еще больше окрысился тогда на него, совсѣмъ прогналъ его отъ себя, а затѣмъ сказалъ вамъ, что дворникъ Семеновъ, и при томъ младшій еще дворникъ нашего молитвеннаго дома, страшный грубіянъ, такой грубіянъ, что даже съ нимъ Дайдеромъ, какъ со старшимъ братомъ, членомъ совѣта и казначеемъ общины, не умѣетъ обращаться „какъ слѣдуетъ“, что какъ же можно держать такого невозможнаго дворника? Вѣдь онъ всѣхъ „вѣрующихъ„ и невѣрующихъ отучитъ отъ посѣщенія молитвеннаго дома.

Дайдеръ—человѣкъ богатый, онъ много жертвуетъ на молитвенный домъ и на нужды общины; даже на постройку молитвеннаго дома пожертвовалъ единовременно 500 руб., ну, а Семеновъ, однимъ словомъ, бѣдный человѣкъ,—такъ чего же еще церемониться съ нимъ? И вотъ вы совершили мудрый судъ, т. е. вы не пожелали провѣрить жалобу „брата“ Дайдера, а съ мѣста въ карьеръ объявили бѣдному Семенову безапелляціонный приговоръ, что онъ увольняется отъ должности. У васъ не нашлось другого наказанія для него, напримѣръ: выговора, штрафа, отеческаго, въ качествѣ наставника, вразумленія. Это случилось на минувшемъ праздникѣ Рождества Христова. И вотъ, едва прошелъ праздникъ, какъ несчастный Семеновъ съ женою своею очутился въ суровую зиму на улицѣ. Говорятъ, что въ суровую зиму хорошій хозяинъ и собаку не выгонитъ на улицу. Семеновъ и жена его, хотя и не собаки, а „вѣрующіе“, состоящіе въ числѣ членовъ вашей общины; тѣмъ не менѣе, они были выброшены на улицу среди зимы. Но что до этого? Вѣдь вамъ и „вѣрующему брату“ Дайдеру тепло и очень даже уютно въ вашихъ квартирахъ. Вы, по изгнаніи Семенова, навѣрное, съ особымъ чувствомъ „брат-

ской любви" говорили съ вашей каѳедры о прощеніи другъ друга, о милосердіи, о состраданіи и т. д. Вѣдь у васъ все это выходитъ такъ гладко и складно. Вы вѣдь мастеръ своего дѣла. А бѣдный Семеновъ и по сейчасъ болтается безъ дѣла и, навѣрное, все еще не разрѣшилъ себѣ трудный вопросъ: „И за что это „братецъ" Дайдеръ такъ окрысился на меня?"

Еще нѣсколько словъ о Гориновичъ. Какъ-то спросили васъ, добрѣйшій Вильгельмъ Андреевичъ, о томъ,—зачѣмъ же это вы такъ обидѣли несчастную М. Н. Гориновичъ, опорочивъ ее предъ собраніемъ. Вѣдь, учреждая „общество спасанія самоубійцъ", вамъ слѣдовало бы начать дѣятельность этого общества съ М. Н. Гориновичъ, такъ какъ она жила подъ одной съ вами крышей, она работала на васъ; много разъ говорила проповѣди на вашихъ собраніяхъ; вы ежедневно проводили съ нею за работою по нѣсколько часовъ; вы видѣли ея частые обмороки; видѣли ея чрезвычайную слабость и духа и тѣла. Вы, чрезъ ваши увлекательныя проповѣди, заставили добрыхъ людей пожертвовать для спасаемыхъ въ будущемъ самоубійцъ подушки, одѣяла, матрацы, кровати и проч. Всѣ эти вещи вы получили, но при всемъ этомъ просмотрѣли, что около васъ самихъ страдаетъ душа и не находитъ сочувствія къ себѣ. Нашлись люди, которые поинтересовались узнать о томъ, для чего понадобилось вамъ разсказывать собранію о грѣхахъ Гориновичъ, если бы таковые въ дѣйствительности и были у нея,—разсказывать, когда она находилась еще въ живыхъ, такъ какъ это является жестокостью съ вашей стороны въ отношеніи Гориновичъ. Вы пренаивнѣйшимъ образомъ отвѣтили: „развѣ я зналъ, что она останется въ живыхъ? Я думалъ, что она умретъ".

V.

Вотъ еще интересный эпизодъ, о которомъ хочу напомнить вамъ теперь. К. А. Перфильевъ, баптистскій проповѣдникъ, въ декабрѣ 1910 года пріѣхалъ изъ Ревеля къ вамъ въ гости. Съ первыхъ же дней пребыванія своего около васъ Перфильевъ замѣтилъ ту фальшь и то лицемѣріе, которыя царятъ среди „вѣрующихъ", васъ окружающихъ; сре-

ди этихъ „женъ мvроносицъ“, которыя гнутъ въ „бараній рогъ“ служащихъ въ домѣ общины бѣдныхъ „вѣрующихъ“ братьевъ и сестеръ, и чуть ли не заставляютъ этихъ современныхъ рабовъ своихъ пятки себѣ чесать, какъ это любила въ крѣпостническія времена гоголевская Коробочка. Перфильевъ, какъ прямой и честный человѣкъ, не пожелалъ болѣе оставаться среди этихъ „вѣрующихъ“ и возвратился въ лоно православной церкви, заявивъ вамъ, что спастись христіанинъ можетъ не тѣмъ, что онъ, какъ это любятъ дѣлать баптисты, будетъ всѣмъ разсказывать: „я вѣрующій, я спасенъ, я омытъ Кровью Христа“, но тѣмъ, что будетъ исполнять волю Господню, при вѣрѣ своей. А вотъ этого послѣдняго условія спасенія Перфильевъ и не нашелъ ни въ Ревельской баптистской общинѣ и ни среди петербургскихъ баптистовъ; не замѣтилъ онъ этого же и у васъ, Вильгельмъ Андреевичъ, о чемъ, при прощаніи со мною, говорилъ мнѣ. Много разъ при мнѣ и при другихъ „вѣрующихъ“, отвѣчая на любопытные разспросы публики о разницѣ между православнымъ и баптистскимъ исповѣданіями, вы говорили, что въ Царствѣ Небесномъ будутъ члены какъ православной, такъ баптистской и другихъ христіанскихъ церквей, и, наоборотъ, что въ адъ попадутъ члены тоже отъ всѣхъ христіанскихъ церквей. Когда же Перфильевъ, учинивъ пребольшущій среди С.-Петербургскихъ баптистовъ переполохъ уходомъ своимъ въ православіе, поколебалъ устои баптизма и тѣмъ самымъ заставилъ вновь васъ постараться позакрѣпить поколебленные устои эти, вы, собравъ всѣхъ членовъ Совѣта общины и членовъ особаго пріемнаго комитета, объявили намъ, что Перфильевъ предался сатанѣ чрезъ уходъ свой въ православіе. Когда услышалъ я такой вашъ приговоръ о Перфильевѣ, то подумалъ, что вы и сами не вѣрите въ этотъ приговоръ вашъ, такъ какъ просто, лишь только для укрѣпленія поколебленныхъ Перфильевымъ баптистскихъ устоевъ, пустили такой духовный туманъ предъ нашими глазами, какъ передовыми братьями общины. Но когда всѣ мы преклонили колѣни для молитвы, я услышалъ вашу молитву, въ которой вы дерзнули предъ всѣми нами громко просить Бога, чтобы Господь „встрѣтилъ Перфильева на его пути“ за то, что онъ подчинился сатанѣ, черезъ

переходъ въ православіе. Вы просили Бога о мщеніи Перфильеву. Тогда увидѣлъ я все лицемѣріе ваше и фарисейство какъ передъ нами, такъ и передъ Богомъ.

VI.

Вотъ вы, добрѣйшій Вильгельмъ Андреевичъ, очень любите вытягивать изъ кошельковъ членовъ общины копѣечки и рублики. Для этой цѣли вы учредили особые конверты, такъ что если прибывшій на собраніе членъ не спуститъ въ кружку конвертикъ съ лептой, то распорядители не пропускаютъ его въ собраніе. Не довольствуясь этою мѣрою взысканія денегъ съ братьевъ и сестеръ, вы стали посылать особыя повѣстки тѣмъ членамъ, которые, по вашему понятію, маловато пожертвовали деньжонокъ. Безъ согласія совѣта на повѣсткахъ ставился вами особый штемпель съ текстомъ, что, по мнѣнію совѣта, адресатъ повѣстки за истекшую четверть года мало усердствовалъ деньгами для дѣла Божія. О, сколько огорченія доставили эти повѣстки многимъ братьямъ и сестрамъ!

Вѣдь они клали въ конверты послѣднюю, можетъ быть, копѣйку, отказывали дѣтямъ своимъ въ булочкѣ, а тутъ, какой стыдъ! Получаютъ повѣстку, что они лѣнивые рабы Господни, что мало работали для Господа. Многіе изъ насъ совѣтовали вамъ отмѣнить эти повѣстки, которыя дѣлаютъ уже раздоръ среди общины, но вы обладаете удивительно „твердымъ“ характеромъ, такъ что никакіе резонные доводы не въ силахъ побороть эту твердыню. Наконецъ, дѣло дошло почти до скандала. Помните, какъ въ совѣтѣ вамъ начали доказывать, не стѣсняясь вашимъ наставническимъ достоинствомъ, что чрезъ эти недоимочныя повѣстки касса общины не увеличивается, но зато озлобленіе среди „вѣрующихъ“ возрастаетъ. Вамъ говорили,—какъ можете вы послать такую недоимочную повѣстку, когда вы ни разу, ни одного разу, не посѣтили этого брата или сестру. Вы не знаете ихъ достатковъ. Они, можетъ быть, не имѣютъ копѣйки, чтобы соли купить; у нихъ, быть можетъ, дѣти голодныя и больныя. Вы отвѣчали, что не имѣете времени для посѣщеній братьевъ и сестеръ, но что въ средствахъ община очень нуждается; что эти „вѣрующіе“ — теперь

братья и сестры— до „обращенія“ своего относили же всѣ свои деньги въ кабакъ и тому подобныя мѣста. Такъ что, если человѣкъ, по вашему мнѣнію, искренно „вѣрующій“, то каждый изъ такихъ вѣрующихъ найдетъ средства, чтобы дать на дѣло Божіе, а эти братья и сестры, навѣрно, не искренно „вѣрующіе“, когда они по недѣлямъ не опускаютъ въ кружку конвертики. Можетъ быть, вы смотрите на русскаго человѣка такъ же, какъ смотрѣлъ на него управляющій „изъ нѣмцевъ“ одного помѣщика на родинѣ моей.

Онъ бывало говаривалъ, что русскій мужикъ „швійнь“,— русскій мужикъ ничего не „понимайтъ“,—а потому можно ли „цириймойниться“ съ нимъ. И онъ дѣйствительно не церемонился съ русскимъ мужикомъ; онъ, при крѣпостномъ правѣ, преисправно поролъ этихъ „швійнъ“ на конюшнѣ и розгами и плетьми. Ну, а вамъ—то надо бы быть поснисходительнѣе къ русскому человѣку, хотя бы во имя христіанской любви.

VII.

Вотъ еще другая довѣрчивая душа нашлась, которую вы такъ же, какъ и меня, побѣдили вашимъ гибкимъ умомъ. Въ Москвѣ у „вѣрующаго“ Павла Христофоровича Мордовина была своя типографія. Онъ, какъ и многіе честные труженики, работалъ себѣ понемножку, пріобрѣтая съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе заказчиковъ для своей типографіи.

Но вотъ на жизненной дорогѣ г. Мордовина повстрѣчались вы. Вы задумали открыть книгоиздательство и издавать журналъ „Гость“. Вамъ захотѣлось имѣть и типографію въ своемъ домѣ. Какъ сумѣли вы склонить г. Мордовина отдаться вамъ вмѣстѣ съ типографіею своею,—я не знаю; полагаю, и ему, какъ и мнѣ, наговорили вы много очень хорошаго. Въ сентябрѣ 1910 года г. Мордовинъ переѣхалъ къ вамъ съ семьею и съ типографіею своею, а черезъ три мѣсяца онъ уже искалъ случая разойтись съ вами. Вы понимаете, добрѣйшій Вильгельмъ Андреевичъ, что г. Мордовинъ, ликвидируя налаженное въ Москвѣ типографское дѣло

свое, теряя тамъ заказчиковъ, перевозилъ громоздскія типографскія машины, тратилъ большія деньги на перевозку типографіи не для трехмѣсячнаго только пребыванія своего подъ одною съ вами крышею. Очевидно, что изъ того „очень хорошаго", какое вы обѣщали ему въ Москвѣ, онъ ничего не нашелъ, когда пріѣхалъ къ вамъ въ Питеръ. Онъ искалъ продать типографію и поскорѣе уѣхать отъ васъ, но подходящаго покупателя не нашлось, а отдавать типографію за безцѣнокъ не хотѣлось ему. И теперь онъ уже не компаніонъ вашъ, не редакторъ „Гостя", каковымъ пробылъ въ теченіе двухъ лишь мѣсяцевъ; а невольный арендаторъ помѣщенія подъ типографію, хотя такое положеніе для него, быть можетъ, весьма убыточно. Мордовинъ даровитый проповѣдникъ. Вы, съ первыхъ дней, называли его вашимъ первымъ помощникомъ и товарищемъ, и всѣмъ намъ казалось, что дружбѣ вашей и конца не будетъ. На всѣхъ собраніяхъ вы появлялись тогда всегда вмѣстѣ съ нимъ. Мордовинъ былъ зачисленъ вами членомъ вашей общины, какъ желанный и очень полезный братъ-проповѣдникъ. Я занесъ его въ списки общины. Но вотъ, ни съ того ни съ сего, черезъ какіе-нибудь три мѣсяца, братъ Мордовинъ заявилъ, что онъ не желаетъ болѣе быть членомъ вашей общины. Я вычеркнулъ тогда имя его изъ списковъ. Г. Мордовинъ не ушелъ въ другое исповѣданіе, нѣтъ; онъ перешелъ только въ другую общину, туда, гдѣ наставникомъ не вы. Онъ не можетъ, очевидно, болѣе сидѣть въ собраніяхъ, такъ сказать, на одной скамейкѣ съ вами.

Смотрите, какъ бѣгутъ отъ васъ тѣ, которые познакомились съ вами поближе!

За № 1-мъ бѣжалъ отъ васъ Перфильевъ, *) подъ № 2-мъ значится Мордовинъ, 3-й нумеръ принадлежитъ студенту Григорьеву, о которомъ я буду писать ниже, а мнѣ достается ужъ 4-й нумеръ. И это бѣгство произошло въ теченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Я болѣе чѣмъ увѣренъ, что 4-мъ нумеромъ бѣгство это не кончится.

---

*) Его письмо смотри въ концѣ книги.

VIII.

Отравившаяся Марина Гориновичъ сверхъ всякаго чаянія не умерла еще. Ее потребовалось отправить въ Западный край, къ матери ея. При отъѣздѣ Гориновичъ вы пожелали окончательно смыть то позорное для всей общины петербургскихъ баптистовъ пятно, которое Гориновичъ, какъ членъ общины, какъ „вѣрующая", нанесла своимъ самоотравленіемъ. Вы сдѣлали такъ, что чахоточная теперь, почти умирающая Гориновичъ, сознающая свой близкій отходъ въ міръ иной и простившая теперь всѣмъ и за все, эта отходящая отсюда Гориновичъ, подъ внушеніемъ, отъ васъ исходящимъ, написала письмо на имя общины, въ которомъ проситъ простить ее за то огорченіе, какое причинила она общинѣ самоотравленіемъ своимъ.

Вы устроили экстренное собраніе братьевъ и сестеръ общины въ день отъѣзда Гориновичъ, и на этомъ собраніи торжественно прочитали письмо ея, при чемъ начали, въ противовѣсъ вашему же грязному некрологу о ней, который вы читали предъ этимъ же собраніемъ въ день самоотравленія ея, утверждать, что Марина Гориновичъ до самоотравленія была хорошая „вѣрующая" душа.

Конечно, вы были довольны тѣмъ оборотомъ, какой приняли обстоятельства по этому дѣлу.

Изъ только что прочитаннаго письма Гориновичъ община видитъ, что бѣдняжка Гориновичъ не винитъ васъ, она все, рѣшительно все, принимаетъ на себя. Эта страдалица, Марина Гориновичъ, успокоила вашу совѣсть. Вы предложили общинѣ простить Маринѣ Гориновичъ ея покушеніе на собственную жизнь и попросили членовъ высказаться по этому дѣлу. Одни говорили, что если Господь простилъ ее, то и мы должны простить и съ миромъ теперь проводить ее изъ Петрограда. Одинъ братъ даже сказалъ, что мы не можемъ не простить ее, такъ какъ мы плохо заботимся, вообще, о слабыхъ и бѣдныхъ членахъ нашей общины, поэтому — продолжалъ братъ — въ данномъ случаѣ и къ намъ относится тотъ библейскій вопросъ Бога: „Каинъ, гдѣ братъ твой Авель?" Вы, кажется, поморщились тогда отъ такого

заявленія брата, но ничего, оправились себѣ и продолжали гордо и высоко держать свою голову. Но вотъ поднимается торговецъ старымъ желѣзомъ въ Александровскомъ рынкѣ, 60-лѣтній старикъ Тимоѳей Валуевъ, и заявляетъ слѣдующее: „Вы говорите, Гориновичъ была вѣрующая, а я говорю вамъ, Вильгельмъ Андреевичъ, что вовсе она не была вѣрующая, потому что вѣрующій человѣкъ не приметъ яду". Вы начали было доказывать противное, но вашъ оппонентъ изъ Александровскаго рынка воспользовался рыночными пріемами, за неимѣніемъ при себѣ иныхъ, болѣе изысканныхъ манеръ, и началъ съ ожесточеніемъ доказывать вамъ, что вѣрующій ни за что не приметъ яду для „себяубивства". Этотъ рыночный оппонентъ вашъ твердо вѣдь запомнилъ ваши же проповѣди о терпѣніи и страданіяхъ безъ ропота, потому онъ, такъ сказать, съ пѣною у рта, убѣждалъ васъ предъ всѣмъ честнымъ собраніемъ, что вѣрующій человѣкъ не приметъ яду для „себяубивства". Быть можетъ, Валуевъ вспомнилъ тогда тотъ „некрологъ" вашъ, какой вы читали тому же собранію о Гориновичъ въ день самоотравленія ея, гдѣ выставляли ее грѣшницей и даже богоотступницею, а теперь вдругъ утверждаетѣ совершенно противное о ней. И простое сердце старика возмутилось противъ такого явнаго лицемѣрія наставника своего. И вотъ онъ началъ читать вамъ проповѣдь о непоколебимой вѣрѣ.

Такая оригинальная проповѣдь, лично къ вамъ направленная, не понравилась вамъ, и вы, вашею папскою, то бишь наставническою властью, „осерчавъ" зѣло на старика Валуева, вздумали отстранить его отъ дѣловыхъ собраній общины на 6 мѣсяцевъ. Когда начали вы чрезвычайно торжественно объявлять невольному проповѣднику вашему, проповѣдывавшему вамъ о твердости и непоколебимости вѣры, не допускающей принятія яда для „себяубивства", наложенную на него эпитимію, то духъ несогласія и раздора, овладѣвшій собраніемъ съ момента вашей рѣчи о Гориновичъ, побудилъ Валуева сказать: „не только на 6 мѣсяцевъ, а хоть навсегда; вы отлучите, а Господь видитъ,—Онъ не отлучитъ".

На рынкѣ, среди стараго ломанаго желѣза, Валуевъ научился однимъ манерамъ, а въ той „Лондонской коллегіи", гдѣ воспитывались вы, вы, навѣрно, научились другимъ, не похо-

жимъ на валуевскіе, пріемамъ. Но когда сразились вы со старикомъ Валуевымъ предъ всѣмъ собраніемъ, то вы горячились не менѣе Валуева, называли его нахаломъ и, въ концѣ концовъ, вашею папскою, то бишь наставническою властью, вышвырнули старика Валуева, отлучивъ его отъ вашей церкви навсегда. Такое моментальное, безъ малѣйшаго даже обсужденія этого вопроса совѣтомъ или общиною, отлученіе Валуева отъ церкви является, смѣю надѣяться, единственнымъ случаемъ среди всѣхъ христіанскихъ церквей и общинъ всего міра. О, вы—замѣчательный папа, то бишь администраторъ.

IX.

Случилось такъ, что до непріятности съ Валуевымъ въ этомъ же собраніи былъ принятъ вами и общиною новый членъ, студентъ Юрій Васильевичъ Григорьевъ, проживающій въ Гавани, по Карташихиной ул., д. № 8, кв. 8. Тутъ же вы сообщили собранію, что на Григорьева вы возлагаете большія надежды, какъ на образованнаго человѣка, въ дѣлѣ проповѣди, почему всѣ съ большою радостью приняли его.

Григорьевъ сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ бурной сцены съ Валуевымъ и безпримѣрно жестокой и въ высшей степени несправедливой вашей расправы съ нимъ. Его поразило въ особенности то обстоятельство, что община не замѣчала вашего рѣзкаго, непозволительнаго отношенія и ругани вашей, направленной съ каѳедры по адресу Валуева. Онъ видѣлъ, что община, какъ натуральное стадо животныхъ, именуемыхъ баранами, шла за вами, своимъ кумиромъ, своимъ идоломъ, какъ зачарованная. Онъ искалъ церкви, гдѣ люди имѣютъ духъ любви другъ къ другу, а встрѣтилъ на первомъ же шагу ужасную вражду и несправедливость. Онъ отказался быть членомъ такой церкви. Вы написали ему письмо, въ надеждѣ вернуть молодого, „неопытнаго“, какъ писали вы ему, брата, но онъ не внялъ вашему письму: онъ больше повѣрилъ своимъ ушамъ, своимъ глазамъ и своему сердцу.

Какъ-то разъ въ собраніи, въ д. Чертковой, вы съ каѳедры говорили собранію о томъ, что „вѣрующимъ“ слѣ-

дуетъ относиться другъ къ другу искренно и откровенно, что человѣкъ не искренній и не чистый въ своей жизни узнается вами по тому, что при встрѣчѣ съ такимъ человѣкомъ „духъ“ подсказываетъ вамъ, что человѣкъ этотъ не чистъ, и вы не находите о чемъ говорить съ такимъ братомъ или сестрой. Вы чувствуете, что собесѣдникъ вашъ не чистъ, и вы оставляете его.

Не знаю, какой это „духъ“ запрещаетъ вамъ бесѣдовать съ грѣшниками. Полагаю, что „духъ“ этотъ не Христовъ, т. к. изъ слова Божія я вижу, что Спаситель любилъ бесѣдовать въ особенности съ грѣшниками. Онъ находилъ темы для разговоровъ съ ними. За любовь Его ѣсть и пить съ грѣшниками Его осуждали гордые фарисеи. Съ женщиной, которую хотѣли побить камнями за прелюбодѣяніе, Спаситель милостиво бесѣдовалъ; Онъ говорилъ ей: „Я не осуждаю тебя, женщина, иди и впредь не грѣши“. Такимъ участливымъ и милостивымъ отношеніемъ къ грѣшникамъ Спаситель привлекалъ къ Себѣ этихъ грѣшниковъ. А вотъ вашъ „духъ“ гонитъ васъ подальше отъ грѣшниковъ.

X.

Позволяю себѣ, пользуясь случаемъ, сказать вамъ, Вильгельмъ Андреевичъ, нѣсколько словъ о вашемъ неосторожномъ поступкѣ, имѣвшемъ мѣсто 28 февраля сего года. 28 минувшаго февраля въ вечернемъ, закрытомъ, исключительно для членовъ общины, собраніи въ Б. Казачьемъ пер., вы начали, между прочимъ, склонять всѣхъ братьевъ и сестеръ устраивать по вторникамъ въ своихъ квартирахъ неоффиціальныя собранія. Тогда нѣкоторые стали разсказывать о тѣхъ препятствіяхъ, какія полиція чинитъ за такія неразрѣшенныя правительствомъ собранія, но вы съ пренебреженіемъ отнеслись къ власти. Когда же одна сестра стала разсказывать, какъ одинъ разъ околоточный зашелъ къ ней въ квартиру на такое тайное собраніе и строго-на-строго „приказалъ“ больше не допускать такихъ собраній, вы возразили, что надо устраивать собранія такъ, чтобы околоточные не знали объ этомъ. На этотъ совѣтъ та же сестра

сказала, что дворникъ у нихъ человѣкъ строгій, говоритъ, что если соберется болѣе 5 человѣкъ, то онъ непремѣнно пойдетъ и скажетъ объ этомъ околоточному и что, въ крайнемъ случаѣ, онъ, этотъ строгій дворникъ, допускаетъ безъ околоточнаго собраніе менѣе 15 человѣкъ.

Вы были тогда въ хорошемъ настроеніи. Вы шутили. Вы посовѣтовали всему собранію поменьше обращать вниманія на полицію, такъ какъ, по вашему убѣжденію, всѣ околоточные вообще очень глупый народъ, при этомъ шутя предложили сестрѣ, имѣющей строгаго дворника и такого же околоточнаго, послать къ вамъ этого околоточнаго, и вы сдѣлаете ему „разъясненіе“, чтобы онъ не безпокоился болѣе о нашихъ собраніяхъ.

Вы-то шутили, Вильгельмъ Андреевичъ, потому что вы, человѣкъ образованный, умѣете шутить, а слушатели ваши не всѣ вѣдь такъ ужъ образованы; есть между ними и совсѣмъ не образованные, которые и въ самомъ дѣлѣ вообразятъ себѣ, послѣ подобныхъ шутокъ вашихъ, что нечего, молъ, подчиняться и исполнять законныя требованія правительственной власти, потому, скажутъ они, что всѣ околоточные вообще „весьма глупый народъ“.

Пишу объ этомъ вамъ, потому что вижу, что вы забыли ученіе апостола Павла, который говоритъ, что всякая власть отъ Бога на землѣ. И Спаситель велитъ отдавать „кесарево кесареви“. Ваши неумѣстныя шутки съ проповѣднической каѳедры въ особенности не къ лицу вамъ и могутъ оказаться вредными для чадъ вашей церкви.

Вотъ, за непротивленіе злу толстовцы были ссылаемы на Кавказъ, потому что они отказывались отъ исполненія воинской повинности. Ну, а хотя ваши шутки и не похожи на толстовское ученіе, все же не слѣдовало бы вамъ смущать добрый и вѣрный своему ГОСУДАРЮ русскій народъ.

Прощаясь съ вами, Вильгельмъ Андреевичъ, этимъ письмомъ, искренно желаю вамъ быть искреннимъ.

О себѣ скажу весьма искренно, что 3½ года тому назадъ пашковскія и баптистскія проповѣди захватили меня. Я, не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, потянулся всѣмъ существомъ своимъ въ сектантскій міръ. Я сдѣлался

баптистомъ и даже проповѣдникомъ баптистскаго вѣроученія. Но скоро затѣмъ я сталъ ощущать какой-то недостатокъ въ духовной жизни своей. Все, кажется, было благополучно, а вмѣстѣ съ тѣмъ чего-то не хватало. Наконецъ, понялъ я, что, проживъ 42 года въ Православіи и получивъ воспитаніе въ православномъ духовномъ учебномъ заведеніи, не могъ не скучать я о родной вѣрѣ отцовъ моихъ.

Первый духовный пылъ сектантскаго подъема поулегся во мнѣ, и я началъ замѣчать недостатки, отступленія отъ Священнаго Писанія и самозванство сектантскаго вѣроученія. Съ другой стороны, гулъ колоколовъ съ православныхъ храмовъ, доносящійся до моего слуха, въ особенности въ праздничные и высокоторжественные дни, сталъ будить во мнѣ чудныя, святыя воспоминанія далекаго дѣтства и отрочества. При звукахъ этихъ вспоминается родное село, родная изба съ иконами и лампадами; вспоминаются родители... Въ особенности ярко встаетъ въ памяти отецъ. Онъ въ послѣдніе годы жизни своей былъ настоящимъ подвижникомъ и ревностнымъ сыномъ Православной Церкви. Я вѣрю, что онъ получилъ отъ Господа жизнь вѣчную. Слезы застилаютъ глаза мои при воспоминаніяхъ этихъ...

Хотя среди баптистовъ я пользовался до сего времени особымъ почетомъ и состоялъ въ числѣ передовыхъ братьевъ общины, а именно: два года тому назадъ единогласно избранъ былъ я всею общиною членомъ совѣта, а затѣмъ и секретаремъ общины; назначенъ проповѣдникомъ и, какъ проповѣдникъ, завѣдующимъ и руководителемъ молитвенныхъ собраній въ собственномъ молитвенномъ домѣ баптистовъ на Вас. остр. по 24-й линіи; выѣзжалъ для проповѣди въ Дудергофъ, Ораніенбаумъ, Лигово, Лѣсной и другія мѣста; завѣдывалъ кассою общины; состоялъ секретаремъ книгоиздательства „Полезной Литературы“ и журнала „Гость“ и личнымъ вашимъ секретаремъ.

Но, несмотря на все это, я томлюсь, потому что колокольный звонъ православныхъ храмовъ зоветъ меня обратно; зоветъ въ дорогое сердцу моему лоно Матери Православной Церкви.

Я жажду работать въ дѣлѣ проповѣди на нивѣ Божіей среди родныхъ мнѣ по духу православныхъ братьевъ и се-

стеръ. Мнѣ хочется съ проповѣднической каѳедры засвидѣтельствовать истинность православнаго исповѣданія и обличить заблужденія баптистовъ, среди которыхъ я находился почти 4 года. Мнѣ хочется разсѣять тотъ сектантскій туманъ, занесенный къ намъ изъ чужихъ странъ, который затемняетъ духовныя очи чадамъ Православной Церкви.

Мнѣ уже не хочется болѣе находиться среди чуждыхъ мнѣ по плоти и по духу баптистовъ.

Итакъ, несмотря на то, что въ послѣднее время вы увеличили мое жалованье и предложили безплатную квартиру въ строящемся молитвенномъ домѣ, все же я не могу оставаться баптистомъ, потому что я стремлюсь къ истинному и вѣчному свѣту. Я возвращаюсь къ вѣрѣ отцовъ моихъ. Возвращаюсь въ Православіе и молю Господа Бога освѣтить и вашъ путь, чтобы и вы, уча другихъ любви, приняли и сами эту Божественную любовь въ сердце ваше и не считали бы окружающихъ васъ вашихъ ближнихъ только средствомъ для удовлетворенія вашего честолюбія.

Вашъ бывшій сотрудникъ

Ф. Птицынъ.

Краткая исповѣдь заблужденій бывшаго новоизраильскаго „лжеапостола“ Ивана Васильевича Навроцкаго *).

— „Развѣ я хочу смерти беззаконника? говоритъ Господь Богъ. Не того-ли, чтобы онъ обратился отъ путей своихъ и былъ живъ?“ (Iезек. 18, 23).

Въ виду того, что присоединеніе къ Церкви Христовой вожаковъ сектантства явленіе сравнительно необычное, съ одной стороны, а „исповѣдь человѣка, бывшаго 10 лѣтъ въ дебряхъ сектантства, смѣло обнародывающая то „постыдное“, что творится въ сектантскихъ общинахъ, можетъ оказаться полезной для точной характеристики сектантства, съ другой стороны,—считаю необходимымъ привести здѣсь полностью „исповѣдь“ Навроцкаго. Вотъ ея содержаніе.

***

— „Предки мои были потомственными дворянами“, такъ начинаетъ свою „исповѣдь“ И. В. Навроцкій. Родители мои умерли уже давно. Въ 1880 году я окончилъ двухклассное училище, а потомъ поѣхалъ въ Одессу къ своему дядѣ, такъ какъ онъ человѣкъ богатый и состоитъ редакторомъ газеты „Одесскій Листокъ“. Дядя на меня не обратилъ вниманія, и я поступилъ на работу въ магазинъ. Оттуда я писалъ письмо о помощи къ другому дядѣ въ городъ Ромны, который также богатъ, но и оттуда не получилъ никакого отвѣта, несмотря на то, что онъ могъ бы за меня похлопо-

*) Куб. обл. Вѣдомости №№ 97 и 99, 1911 г.

тать относительно ученія моего на казенный счетъ, такъ какъ онъ былъ предводителемъ дворянства. Затѣмъ я обращался въ городъ Галичъ, гдѣ живетъ тоже дядя—священникъ, но и отъ него не получилъ отвѣта. Обращался я и въ городъ Ченстоховъ еще къ одному родственнику, который былъ командиромъ 24-го драгунскаго полка, но желаннаго отвѣта также не получилъ. Тогда я остановился въ г. Одессѣ у одного купца, гдѣ и прослужилъ нѣсколько лѣтъ до отбыванія воинской повинности. Послѣ этого я поѣхалъ опять въ г. Одессу. Прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ. Ходилъ тамъ на монастырскія службы почти ежедневно. Тамъ есть подворья Св. Пантелеимона, Св. Андрея и пророка Иліи. Я былъ въ то время ревнителемъ православія и богомольнымъ христіаниномъ, у меня было сильное желаніе поступить въ монашескую братію. Но что же произошло въ моей жизни? Встрѣчаюсь я съ одной сосѣдкой баптисткой. Начала она меня спрашивать: „Есть у васъ Евангеліе?“ отвѣчаю: „Есть“. „А вотъ прочитайте, — указываетъ она мнѣ, — нѣкоторые стихи“. Я ихъ съ жадностью прочелъ. Тогда она предложила мнѣ пойти въ ихъ баптистское собраніе. Я пошелъ. Мнѣ понравилось тамъ. Былъ я неопытенъ въ духовной жизни и я началъ посѣщать баптистскія собранія часто. Удивило меня у нихъ то, что люди они не ученые, а такъ хорошо проповѣдуютъ, такъ сильно просятъ Господа и ведутъ жизнь, повидимости, будто бы и хорошую, нравственную, трезвую, не сквернословятъ, не пьянствуютъ. И показалось мнѣ, несравненно лучше противъ той жизни, что я велъ раньше. Я присоединился къ баптистской общинѣ. Затѣмъ поѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ я встрѣтилъ баптистское собраніе до 800 душъ. Былъ въ городѣ Севастополѣ. Тамъ я уже принялъ баптистское крещеніе и началъ выходить на проповѣдь. Потомъ переѣхалъ въ Екатеринодаръ и увидѣлъ среди баптистовъ много разнаго рода неправдъ. Я имѣлъ пекарню. Былъ у меня мастеръ, бывшій баптистъ. Часто мы вели разговоръ о религіи. И вотъ онъ предложилъ мнѣ пойти въ собраніе къ „Новому Израилю“. Тамъ меня начали убѣждать по писанію, что новоизраильская вѣра—самая истинная. Они говорили: „Съ кѣмъ Богъ заключалъ союзъ, съ Израилемъ? Чей называется Богъ? Богъ Израиля,—къ

тому же сказано: „народъ Божій Израиль". Мнѣ казалось, что я нашелъ еще болѣе лучшую религію, чѣмъ баптизмъ. Затѣмъ я поѣхалъ въ г. Севастополь, гдѣ горячо взялся проповѣдывать и защищать названную общину. Благодаря усердію и старанію, а также скромности въ образѣ своей жизни, мнѣ удалось организовать не малое новоизральское собраніе, куда вошли православные, баптисты, субботники и проч. Несмотря на то, что тамъ еще не было регистраціи сектантскихъ общинъ, собраніе наше слишкомъ процвѣтало. Къ намъ приходили часто православные миссіонеры на бесѣду и призывали къ себѣ. Кончилось тѣмъ, что его преосвященство, мѣстный епископъ, настоялъ предъ г. градоначальникомъ о выдвореніи меня изъ предѣловъ Таврической губерніи. Я выѣхалъ въ г. Екатеринодаръ. Прожилъ я здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ и вдругъ получилъ увѣдомленіе, что меня В. С. Лубковъ назначилъ въ городъ Тифлисъ настоятелемъ Новоизраильской общины и поручилъ мнѣ вести бесѣды съ православными миссіонерами. Тамъ я много потрудился для новоизральской общины. Устроилъ регистрацію членовъ общины и завелъ метрическія книги. Совершалъ обряды: браки, похороны, крестины. Но когда В. С. Лубковъ началъ заселять Закавказье „Новоизраильтянами", то онъ поручилъ мнѣ покупку земли. Когда-же при этомъ заселеніи я увидѣлъ „дѣла" В. С. Лубкова и грязные поступки его и всякую его неправду, я началъ просить Бога Творца, началъ молиться ему: „Господи, гдѣ-же правда? Я жажду ея". И вотъ по дѣламъ Новоизраильтянъ пріѣхалъ я въ г. Екатеринодаръ. Здѣсь мнѣ пришлось бесѣдовать съ православнымъ миссіонеромъ о. Николаемъ Розановымъ. Его доказательства сильно повліяли на мою душу. А когда я здѣсь побывалъ на православныхъ вечернихъ собраніяхъ (собесѣдованіяхъ), гдѣ проповѣдывалъ Слово Божіе о. Николай Розановъ, то я началъ сильно скорбѣть и часто плакать о своей судьбѣ. Единственное утѣшеніе въ то время я имѣлъ: это частое чтеніе Священнаго Писанія. Я видѣлъ изъ Слова Божія, что Господь меня не оставитъ, такъ какъ только тотъ и можетъ быть сиротой предъ лицомъ Божіимъ, кто уходитъ отъ Отца, Сына и Святаго Духа. Я-же стремился къ тому, чтобы непремѣнно найти истину. И я ее вскорости нашелъ и имен-

но въ Церкви Православной. Меня потянуло послѣ публичной бесѣды на Дубинкѣ къ о. Николаю Розанову, и я началъ бесѣдовать съ нимъ на дому. Затѣмъ я подалъ о. Николаю заявленіе о желаніи присоединиться къ Церкви Православной. И онъ, испытавши меня, совершилъ мое присоединеніе къ Матери, Церкви Божіей. Благодарю Господа, призвавшаго меня отъ тьмы къ свѣту и отъ мертвыхъ дѣлъ къ Богу Живому и Истинному. Теперь я могу сказать и о томъ, что дѣлается въ сектантскихъ общинахъ. Нѣкоторые думаютъ, и даже пишутъ, что тамъ есть истина и правда Христова. Нѣтъ! Не вѣрьте! Это говорятъ тѣ люди, которые не знаютъ сектантовъ по ихъ жизни, а если и знаютъ ихъ, то только по книгамъ. Скажу о сектѣ „Новоизраильской", для которой я и самъ такъ много потрудился.

Сектанты „Новый Израиль" считаютъ себя первымъ и достойнымъ народомъ предъ Богомъ. Въ доказательство этого они указываютъ на Священное Писаніе, гдѣ сказано: „Богъ Израилевъ" и „Израиль—народъ Божій". Дѣйствительно, Писанія Ветхозавѣтныя писали Св. Пророки, которые и сами были израильтянами. Но нужно понять, что такое „израиль". Св. Апостолъ Павелъ говоритъ, что не тотъ израиль, который имѣетъ обрѣзаніе по наружности (плотское), а тотъ, который сердцемъ обрѣзанъ, т. е. кается предъ Богомъ и исполняетъ заповѣди Христовы. А „Новый Израиль" всѣ заповѣди отвергаетъ. Укажу, во-первыхъ, на то, что Христосъ сказалъ: „Кто разведется съ женою, тотъ прелюбодѣйствуетъ". А чего въ сектѣ „Новый Израиль" болѣе всего и встрѣтите, какъ не блуда? Напримѣръ, Новоизраильскій „богъ" или „христосъ" — Василій Семеновичъ Лубковъ, — повелѣлъ всему подданному своему народу Новоизраильскому разрушить законъ, т. е. супружескую вѣрность и семейную жизнь. Такъ и совершилось. А почему же г. Лубковъ и для чего именно это совершилъ? Все это было хитро обдумано. Лубковъ предложилъ мужчинамъ брать въ жены молодыхъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ, а старушки, несчастныя судьбою своею, остались „дѣвственницами", такъ, какъ приказалъ Лубковъ. Этимъ онъ сумѣлъ удовлетворить какъ однимъ, такъ и другимъ. Мужчины живутъ съ молодыми женами, а старушки утѣшаютъ

себя тѣмъ, что онѣ несутъ званіе „дѣвственницъ“. Что же касается положенія дѣтей, то должно сказать, что дѣти остались безъ матерей. Молодая мать не можетъ воспитать чужихъ дѣтей малютокъ, а взрослыхъ тѣмъ болѣе, потому что она не радѣетъ къ нимъ, а они также къ ней. Дѣти зовутъ ее не мамой, а по имени,—да ихъ и винить невозможно, потому что у молодой матери явились дѣти постарше ея самой. Далѣе, что-же получается? Молодая мать тяжело борется со своей судьбой и всѣ подобныя невзгоды переноситъ на себѣ. Но вотъ, наконецъ, она выбивается изъ силъ и уходитъ отъ мужа. Мужъ жалуется „папашѣ, т. е. названному „богу“ В. С. Лубкову, или его властямъ, кто ближе къ нему: „евангелисту“, или „апостолу“, или „архангелу“, или „пророку“, и проситъ ихъ, чтобы разрѣшили ему взять другую жену. Женщина выходитъ за другого мужа и такимъ образомъ часто подобная мѣна происходитъ нѣсколько разъ. Нѣкоторыя женщины по 10 разъ выходили замужъ, потому что „богъ“ Ново-израильскій не считаетъ этого дѣла грѣхомъ. Люди-же Новоизраильскіе убѣждены въ истинности его ученія, что человѣкъ есть не больше, какъ кусокъ мяса, который сгніетъ, а душу спасаетъ онъ, Новоизральскій лжебогъ. Какое суевѣріе! Какое кощунство! Какой развратъ! Какое несправедливое „божество“! И несется плачъ и стонъ изъ Новоизраильскихъ семей. Да развѣ можно считать подобныя мерзости за дѣла Божества? Развѣ можно посчитать такія скверныя поступки за велѣнія Спасителя Христа?

Далѣе, наблюдая жизнь вожака Новоизраильской общины В. С. Лубкова, мы видимъ скверные поступки того самого, котораго Новоизральтяне называютъ „Господомъ Новоизральскимъ“. Во-первыхъ онъ, оставивъ свою жену, взялъ себѣ другую, которую назвалъ „мамашей“ и горою „Θаворъ“, потомъ оставилъ ее и взялъ себѣ другую помоложе и и назвалъ ее горою „Синаемъ“. Оставилъ и эту и взялъ себѣ еще моложе, которую назвалъ горою „Сіономъ.“ Всѣхъ „мамашъ“ (попросту наложницъ) бралъ изъ дѣвицъ. Настоящая — „мамаша“ при немъ, а остальныя бѣдныя и несчастныя опозорены передъ „Новоизраильскимъ народомъ“. В. С. Лубковъ изъ такого почета, въ какомъ онѣ были у него, выбросилъ ихъ изъ своего дома, какъ собакъ,

и называетъ ихъ разными нецензурными словами. Весь „Новоизральскій народъ“ смѣется надъ ними, а ему это нравится. Да развѣ это „божество“? Да развѣ это справедливость? Развѣ бываетъ такая истина? Да сохранитъ Господь всѣхъ православныхъ христіанъ отъ такой истины...

Далѣе, что еще мы видимъ. У „Новоизраильтянъ“ ихъ лжегосподь всегда съ укоромъ говоритъ на служителей Православной Церкви, что священники—молъ „берутъ взятки“ за бракосочетаніе, за погребеніе и проч. Но что-же дѣлается у „Новоизраильтянъ“? Мы остановимся на самомъ „Новоизраильскомъ“ „богѣ“, Василіи Семеновичѣ Лубковѣ. И спрашиваемъ. Откуда онъ пріобрѣлъ въ городѣ Ростовѣ домъ? Откуда онъ пріобрѣлъ въ городѣ Таганрогѣ домъ въ 2½ этажа, который продалъ за 22 тысячи рублей? А вотъ откуда. Онъ ѣдетъ въ станицы, ѣдетъ въ города, гдѣ и собирается много „Новоизральскаго народа“. И ему даютъ, какъ „богу“, жертву: кто рубли, кто три рубля, кто пять, кто десять и болѣе. Подходятъ къ нему на собраніи, цѣлуютъ въ обѣ руки, и онъ не успѣваетъ брать деньги. Да развѣ такимъ должно быть „божество“? Развѣ истинный Богъ нуждается въ деньгахъ?..

Чтобы нажиться еще болѣе, В. С. Лубковъ началъ покупать землю въ Закавказьѣ и переселять туда свой „народъ“, якобы для того, чтобы тамъ совершить чудеса: устроить тамъ „брачный пиръ“. И вотъ много „Новоизральскаго народа“ двинулось въ Закавказье. Переѣхали, разорились тамъ. Земля оказалась неудобной для хлѣбопашества. Лихорадки мучаютъ людей. Стали уѣзжать обратно, оставляя Лубкову свои земли, свои постройки,—кто за 100 руб., кто за 150 руб., лишь бы какъ-нибудь добраться до стараго мѣста. А онъ вмѣсто отъѣзжающаго приглашаетъ другого сектанта и съ него, какъ и съ перваго, снова получаетъ 1000 и болѣе руб. Вотъ какая нажива!.. Развѣ такъ можетъ поступать „божество?“ В. С. Лубковъ нажилъ себѣ экономіи въ 4-хъ мѣстахъ, а людей обидѣлъ. Да развѣ истинный Богъ нуждается въ земляхъ, въ экономіяхъ, въ земномъ богатствѣ? Люди плачутъ, люди разорены, а онъ, Лубковъ, ихъ невинныхъ проклинаетъ. Кого же проклиналъ истинный Господь?.. О, со-

храни, Господи, и помилуй всякую душу человѣческую отъ такого „божества", какъ В. С. Лубковъ!..

Далѣе, новоизральскій „богъ", В. С. Лубковъ, воспретилъ пить водку, а вино и пиво повелѣлъ пить умѣренно. Самъ-же пьетъ до-пьяна. Его приближенные также пьютъ до-пьяна: лживые „апостолы" и лживые „пророки" напиваются до смерти. Да развѣ истинные Апостолы и Пророки пьянствовали?

Затѣмъ укажемъ и на то, какія насилія бываютъ со стороны Лубкова—„лжебога". Велитъ онъ, чтобы какую-нибудь покрасивѣй изъ дѣвицъ привели къ нему. И удивительно, что такому гнусному распоряженію „новоизраильтяне" безусловно подчиняются. Мать „новоизраильтянка" приводитъ свою дочь къ „лжебогу". И онъ первый насмѣется надъ нею, а потомъ оклевещетъ ее, и тогда она, несчастная, пренебреженная молодыми женихами, бываетъ вынуждена идти замужъ за старика, котораго она любить не можетъ, котораго при первомъ удобномъ случаѣ бросаетъ. Развѣ такого блудника, какъ В. С. Лубковъ, можно считать или называть „божествомъ", какъ считаютъ и называютъ его „Новоизраильтяне?"... Если дѣвушка не рѣшается лишиться чести, то слуги Лубкова держатъ ее за руки и за ноги, а онъ гнусно насилуетъ цѣломудренную, безпомощную дѣвушку. Я знаю много случаевъ и примѣровъ, когда онъ, Лубковъ, такъ поступалъ. Есть и теперь женщины имъ опозоренныя, которыя и до сихъ поръ горько плачутъ и ругаютъ его. И еще есть много гадкихъ мошенническихъ поступковъ В. С. Лубкова.

„Дорогіе братья и сестры! Не ищите нигдѣ никакихъ „боговъ": ни Лубковыхъ, ни Еременковыхъ, ни Грачевыхъ, ни Трубачевыхъ, ни Поповыхъ, а знайте лишь Одного Истиннаго Бога, Котораго проповѣдуетъ и исповѣдуетъ Св. Православная Церковь, Всемогущаго и Вѣчнаго, Долготерпѣливаго и Многомилостиваго Бога, въ 3-хъ лицахъ—Отца и Сына и Святаго Духа, Который можетъ спасти каждаго бѣднаго грѣшника, приходящаго къ Нему съ твердой вѣрой, живой и непоколебимой надеждой. Этотъ Истинный Господь нелицемѣрный. Надо вѣрить въ Него и исполняться страха Божія, соблюдая Его Святыя повелѣнія, которымъ учитъ насъ Святая Православная Церковь. Это и будетъ истинная

христіанская жизнь, ведущая по прямому пути въ загробную вѣчную жизнь, гдѣ всѣ небесныя силы Божіи, гдѣ вѣчная радость и утѣшеніе. Не должно поэтому и искать иной церкви, кромѣ Православной, не нужно искать и „боговъ", кромѣ Единаго, ибо Христосъ Іисусъ сказалъ, что появится много лжехристовъ, которымъ не должно вѣрить. И эти слова Господа теперь исполняются. Надо вѣрить Тому Страдальцу—Іисусу Христу—Назорею, Который пролилъ Свою Божественную Кровь за всѣхъ человѣковъ. Развѣ не писано, что Христосъ пролилъ Свою Кровь однажды и навсегда и при томъ Онъ сказалъ: „Я есмь истинная виноградная лоза, а вы вѣтви". Значитъ, должно и пребывать на этой лозѣ и и не отрываться, не отламываться отъ нея, ибо всякая вѣтвь, оторвавшаяся отъ лозы Христовой—Церкви, засыхаетъ и бываетъ годна на сожженіе. Сохрани, Господи, каждую крещеную душу отъ „новоизраильскихъ" заблужденій, гдѣ одинъ мужъ имѣетъ часто двухъ сразу женъ, гдѣ эти двѣ жены бываютъ родными сестрами, гдѣ бываетъ такъ, что живетъ человѣкъ съ одной женой нѣсколько лѣтъ, а потомъ оставляетъ ее и начинаетъ жить съ своей родной дочерью. Я лично знаю такого, который и по сію пору живетъ съ родной дочерью. Развѣ это дѣло Божье, а не дьявола? О, сохрани, Спасителю мой и Господи Іисусе Христе, насъ отъ лживыхъ новоизраильскихъ „божествъ", отъ такихъ нелѣпостей и такой темноты!

Все сказанное, если нужно будетъ, я засвидѣтельствую и подъ присягой хотя и на судѣ.

Супруга поэта Некрасова и баптисты.

25 января 1915 года въ г. Саратовѣ скончалась вдова и другъ великаго русскаго поэта Некрасова.

По поводу ея смерти „Саратовскій Вѣстникъ“ въ приложеніи къ 25 № газеты помѣстилъ нѣсколько интересныхъ статеекъ подъ заглавіемъ „изъ воспоминаній о Зинаидѣ Николаевнѣ Некрасовой“.

Въ числѣ этихъ статеекъ, принадлежащихъ перу Н. М. Архангельскаго, близко стоявшаго къ покойной и пользовавшагося неограниченнымъ ея довѣріемъ, есть одна, заслуживающая особеннаго вниманія съ нашей стороны, какъ вскрывающая предъ нами закулисную сторону современнаго сектантства и рисующая въ настоящемъ свѣтѣ вождей „религіозныхъ отщепенцевъ“.

Статья озаглавлена такъ: „Зинаида Николаевна и баптисты“.

Приводимъ ее полностью.

* * *

Многихъ интересуетъ вопросъ, какимъ образомъ Зинаида Николаевна сдѣлалась баптисткой?

Отъ нея мнѣ пришлось слышать объ этомъ немного. Видимо, ей были непріятны разговоры на эту тему: съ баптизмомъ у Зинаиды Николаевны были связаны тяжелыя минуты въ ея жизни, въ концѣ концовъ она въ немъ разочаровалась и, какъ я уже упоминалъ въ другомъ мѣстѣ, выразила желаніе быть похороненной, какъ православная; впрочемъ, формально съ православіемъ Зинаида Николаевна никогда не порывала.

Но былъ періодъ въ ея жизни, когда она была горячей сторонницей баптизма.

Стала она интересоваться баптизмомъ еще въ Петроградѣ, вскорѣ послѣ смерти мужа, подъ вліяніемъ своей прислуги-баптистки. Въ это время Зинаида Николаевна переживала тяжелыя минуты одиночества и обидъ, которыя, по ея словамъ, причинили ей нѣкоторые изъ родственниковъ Некрасова. Утверждаютъ, что въ это время у нея явилась даже мысль поступить въ монастырь. Это-то тяжелое нравственное состояніе и явилось хорошей почвой для воспріятія новаго тогда ученія, такъ много обѣщавшаго Зинаидѣ Николаевнѣ и принесшаго ей затѣмъ, на склонѣ лѣтъ, столько разочарованій.

Впрочемъ, тутъ виноватъ не столько самый баптизмъ,—хотя его догматическій формализмъ (основное утвержденіе, напр., что для спасенія достаточно одной вѣры) едва-ли могъ удовлетворить ея дѣйственное, горячее сердце,—сколько нѣкоторые изъ руководителей баптистской общины.

Относясь отрицательно, напр., къ свининѣ,—сами они не брезгали свиноторговлей. Среди нихъ не мало крупныхъ свиноторговцевъ и колбасниковъ, людей, какъ всякіе коммерсанты, очень предпріимчивыхъ, оборотистыхъ.

И вотъ нѣкоторые изъ нихъ стали занимать у довѣрчивой Зинаиды Николаевны деньги. Хотя покойный Н. К. Михайловскій утверждалъ, что Некрасовъ ничего не оставилъ своей вдовѣ, но Михайловскій, повидимому, ошибался: у Зинаиды Николаевны оказалось 25 тыс. р., изъ которыхъ часть она пожертвовала на дѣла баптизма, а остальное роздала баптистамъ-свиноторговцамъ—конечно, безъ всякихъ расписокъ, на слово „брата".

И вотъ, когда у Зинаиды Николаевны изсякли послѣднія средства, она, въ очень деликатной формѣ, напомнила своимъ должникамъ о долгѣ... Послѣдовалъ взрывъ негодованія. Ее обвинили въ томъ, что „сестра Некрасова вноситъ въ общину разладъ" и, по настоянію вліятельныхъ ея должниковъ, Зинаиду Николаевну „отлучили отъ церкви"...

Я помню потрясшую меня и возмутившую до глубины души картину: въ молельнѣ сидятъ „братья и сестры", поютъ баптистскіе стихи, проповѣдникъ говоритъ о путяхъ спасенія, а въ передней, какъ оглашенная, въ слезахъ,

стоитъ сѣдая старушка, вдова и другъ великаго поэта—униженная и оскорбленная возмутительнѣйшимъ образомъ...

Когда объ этомъ начались толки въ мѣстной и столичной печати, братья-свиноторговцы смилостивились: они обратились къ Некрасовой съ примирительными рѣчами, хотя денегъ такъ и не отдали... Впрочемъ, еще до этого эпизода, одинъ изъ нихъ „помогъ“ „сестрѣ Некрасовой“, у которой взялъ 3000 р.: онъ далъ ей мѣсто за прилавкомъ въ своей колбасной...

Это лицемѣріе не могло остаться безъ вліянія на искреннюю, прямую и честную натуру Некрасовой и привело къ тому, что она порвала съ баптизмомъ...

Надо замѣтить, что простые баптисты—сѣрая вѣрующая масса—были не мало смущены исторіей съ „сестрой Некрасовой“ и нѣкоторые изъ нихъ, въ разговорахъ со мной, выражали искреннее негодованіе.

Изъ Петрограда Некрасова со своей прислугой-баптисткой отправилась на югъ, долгое время жила, между прочимъ, въ Кіевѣ, одно время въ Одессѣ, гдѣ въ 1905 году пережила ужасы погромовъ, и, наконецъ, пріѣхала въ Саратовъ, чтобы здѣсь „закрыть свои утомленныя очи“...

Н. Архангельскій.

„ОБЩІЕ".

Впечатлѣніе поѣздки къ общимъ.

Русская коммунистическая секта.

Предлагаемыя строки принадлежатъ Михаилу Саяпину, внуку покойнаго вождя „общихъ", Ивана Антоновича Саяпина. Того самого, котораго въ свое время посѣтилъ Глѣбъ Успенскій, вынесшій о немъ „далеко не розовое впечатлѣніе".

Впечатлѣнія М. Саяпина пріобрѣтаютъ для насъ тѣмъ большую цѣнность и значеніе, что они исходятъ отъ человѣка, выросшаго, такъ сказать, въ самомъ гнѣздѣ „общихъ" и всосавшаго это ученіе, по словамъ автора, съ молокомъ матери.

* * *

Лѣтъ двѣнадцати меня увезли изъ Николаевки въ большой городъ, гдѣ пришлось жить среди общихъ и прыгуновъ. Для тѣхъ и для другихъ Николаевка то же, что „сиротскій домъ" для духоборовъ, „корабль" для хлыстовъ и Мекка для мусульманъ. Мать у меня была одна изъ первыхъ пѣвицъ и начетчицъ, вѣровала неуклонно въ святость Николаевки и больше всего въ жизни боялась умереть въ городѣ на неблагословенной землѣ. Часто въ домѣ у насъ бывали заѣзжіе николаевскіе мужики, разсказывали съ воздыханіями, иногда со слезами, о томъ, что творилось въ „Стой-городѣ" и, словомъ, мы не теряли связи съ селомъ и съ родными. Прожили мы въ городѣ лѣтъ десять и рѣшили опять переселиться въ Николаевку, куда я, кстати, получилъ назначеніе учителемъ въ министерскую школу. Ѣхать мнѣ пришлось одному...

Съ трудомъ я пробрался до города и пошелъ по сонным, тѣнистымъ улицамъ на постоялый дворъ, стараясь

найти его по старой памяти. И хотѣлось попасть скорѣе въ настоящую деревню, о которой такъ тепло и свѣтло думалось. И, помнится, нарочно я выбралъ воскресный день, другой пароходъ отходилъ въ среду. Безъ труда я набрелъ на постоялый дворъ, съ навѣсами—сараями и съ грязными закопченными избушками. У воротъ, на длинной скамьѣ, сидѣлъ понурившись, лѣтъ пятидесяти мужикъ, въ красной рубахѣ навыпускъ, въ широчайшихъ облѣзлыхъ плисовыхъ шароварахъ, босой, косматый и нечесаный. Слегка одутловатое и загорѣлое лицо, обложенное бѣлыми кудельками, застыло въ раздумьи, и на шеѣ, жилистой, тонкой и длинной просторнымъ хомутикомъ свисалъ свалявшійся въ грязный жгутикъ шелковый платочекъ. И сразу по этому хомутику я догадался, что мужикъ изъ общихъ: какъ у духобора синій казакинъ и розетка на фуражкѣ, такъ у общаго платокъ на шеѣ,—отличительный знакъ. Я подошелъ почти вплотную, мужикъ недовѣрчиво осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы.

— Мнѣ фургонъ нуженъ въ Николаевку.

— Нонѣ?

— Да, сейчасъ же.

— Не будетъ. Передневать надо.—Седьмой день.

— А татарина какого-нибудь не найду?

— Можетъ и найдешь... тутъ нѣту...—Помолчалъ и добавилъ нерѣшительно:—И клажа есть?

— Немного, а есть.

— Поѣдемъ...—Мужикъ живо поднялся и почти побѣжалъ подъ навѣсъ, гдѣ густой массой стояли откормленныя лошади. Черезъ минуты двѣ онъ вывелъ породистую четверку лошадей и сталъ впрягать ее въ крайній фургонъ, скоро покончилъ съ постромками и вожжами, побѣжалъ подъ другой навѣсъ, на ходу вынулъ вязаный кисетъ, отсчиталъ деньги, бросилъ на прожженый столъ, постучалъ въ подслѣповатое окно избушки, вернулся къ фургону съ поддевкой и кнутомъ и—остановился въ нерѣшительности. Только что не выговорилъ, недружелюбно посматривая на меня:

— Не поѣду. Убирайся ты къ ляду, не вводи во грѣхъ!

Черезъ нѣсколько минутъ, однако, нашъ фургонъ съ грохотомъ катилъ по тихимъ улицамъ къ берегу, гдѣ выгру-

жали мой багажъ. Все время, пока укладывали вещи, мужикъ воровливо осматривался, и только, когда кончилась нагрузка, и выѣхали на почтовую дорогу, онъ пустилъ лошадей крупной рысью и повеселѣлъ.

— Я, вѣдь, чего, отъ своихъ товарищей стеляляхнулъ. —Онъ повернулся ко мнѣ всѣмъ корпусомъ.—Оно бъ и не годилось ѣхать-то: день седьмой, а у насъ за это наказываютъ строго. А чего ты съ ними, съ галмонами. Собрались— всѣ озорники... Съ вечера задурили всѣ, пьютъ тебѣ, какъ собаки. Объ лошадяхъ и думать забыли, что я покормлю, то и есть... Клажу-то мы военную привезли: ее и подъ Свѣтлое Воскресенье повезешь. И каждый норовитъ тебѣ— абы кого послать. Мнѣ вотъ только некого за себя назначить, ну и повезъ. А тутъ лошадей жалко.

Лошади бѣжали дружно. Дорога шла по густому перелѣску вдоль морского берега, почти сплошь заставленнаго рыбачьими шалашами. Отъѣхали верстъ десять, мужикъ бросилъ поводья, устроилъ мнѣ мѣсто около себя на передкѣ, и мы разговорились.

— Ты по какимъ дѣламъ въ Николаевку то?

— И учительствовать, и жить своимъ домомъ. Я, вѣдь, изъ николаевцевъ.

— О? Чей же ты будешь?

Я назвалъ себя.

— Вона—а! Ну-ну. Здравствуешь, ежели такъ. Ишь ты! И не признаешь. И ты меня не угадалъ? Нѣтъ? А я Савелій Степановичъ Сорокинъ. И не слыхалъ обо мнѣ?

— Нѣтъ, что-то помнится.

— Во. Я и твоего родителя, покойника, знавалъ. Какъ же, дружки были въ мальчатахъ то. Послѣ то мы его все Волчкомъ звали, по нашей глупости, за нелюдимость это... Вѣдь, у насъ, почитай, всѣ съ прозвищами: Манифестъ· Джанаваръ, Тюльки, Кырхъ-огланъ, Ахта, Зорба, Нузулъ*), Иного и не знаешь, какъ по имени зовутъ. Сквернота, а вотъ привыкли къ этому. Ну, родитель твой—извѣстно, былъ

*) Прозвища всѣ татарскія: Волкъ, Лиса, Сорокъ-сыновей, Евнухъ, Высокій, Сборщикъ податей.

городской, избалованный, даже отцу не покорялся, все огрызался съ чинами то, да отмалчивался, вотъ и прозвали Волчкомъ... Потомъ, вѣдь чего—погибъ человѣкъ, запропастился, все покинулъ... Да оно и то сказать: наши храпоидолы хоть кого доведутъ, только не поди подъ ихнюю руку.

— Это чины то храпоидолы?

— Да то не храпоидолы? Они, ежели сказать, и дочь мою довели. Дочь у меня была старшая. Аксюткой звали. За Гришкой Сабзой была. Мужикъ такой, что сказать только: день при днѣ судятъ его за блудодѣйство и за пьянство. Съ супругой жилъ, какъ песъ цѣпной. Ну, не вмоготу ей стало, средь зимы пришла ко мнѣ: „Хушь убей, а не пойду къ лиходѣю". — Говорю, — терпи. — Въ слезы. Такъ и далъ пріютъ. А тутъ чинишки пришли, говорятъ: „гони ее къ мужу, онъ у насъ прощеніе выпросилъ, во всемъ порѣшился". А какъ прогонишь: дочь, кровь мнѣ то. Отнѣкнулся. Такъ съ недѣлю прошло, а тутъ взялся за нее Иванъ Парамоновичъ, недаромъ Бѣльчикомъ зовутъ, человѣку одно бы названіе—Волкъ степной, а видите-ль. Пришелъ:—„Иди къ мужу, сквернавка".—Она въ слезы, синяки ему показываетъ, стыдъ женскій забываетъ.—Ежели упорствуешь, иди въ моленную, чины судить тебя будутъ.—И повели. А тамъ и присудили: „Пока въ покорность не войдешь, носи съ рѣчки песокъ на дворъ моленной". Дали ей мѣшокъ и послали съ ней ребятъ десятниковъ съ лопатами. Мальчишки насыпаютъ, она носитъ на горбу, какъ татарка, песокъ. Для всѣхъ хаханьки, а для ней скорбь. Такъ три дня носила, почернѣла вся... а потомъ и преступила...—Савелій впился глазами въ далекій парусъ и послѣднія слова едва выговорилъ.

— Покорилась?

— Нѣ... Ребята, видно, заигрались... Положила мѣшокъ на берегу и... нырнула. Это, должно, нашинскій рыбакъ-то бѣжитъ: парусъ косой, а у татаръ паруса прямые.—Онъ указалъ кнутовищемъ въ море.

— Нашли ее?

— На четвертый день... на нижней плотинѣ. А что толку то,—нашли... Похоронили по „ослему погребенію",

какъ лошадь какую... Погибла во всѣхъ смыслахъ, и душой, и тѣломъ...

Что же ты не заступился за нее?

— Оно и надо бы... заступиться-то: дочь и кровь мнѣ. А чего подѣлаешь,—старики... Покорность требуютъ. Послѣ то и хватился: надо бы... А ужъ и храпоидолы. Всѣхъ предѣловъ достигаютъ...

И долго молчали мы. Въ душѣ у меня поднималась какая-то муть. Сколько такихъ, какъ Аксютка, смято заскорузлой рукой благонамѣреннаго сектанта во имя общаго блага? Встала въ памяти и мрачная трагедія моего отца, который кончилъ еще хуже Аксютки, не вынесши гнета общины. Вспомнились разсказы матери о другихъ „ожесточенныхъ"; были такіе примѣры, что мужики на колѣняхъ умоляли чиновъ:

— Старички, Бога ради, напишите такой приговоръ, чтобы насъ въ Сибирь угнали...

И чины снисходили къ такимъ просьбамъ строптивыхъ, предлагали только „поводъ создать", который тутъ же создавался: просители на глазахъ стариковъ топтали царскіе портреты, ломали печи и кирпичами высаживали рамы въ сельскомъ управленіи.

И съ такими мыслями я уснулъ въ фургонѣ.

Когда проснулся, было около часу дня. Савелій сидѣлъ ко мнѣ спиной и уныло тянулъ мотивъ молоканскаго псалма. Фургонъ тихо покачивался на пригоркѣ. Слѣва за пригоркомъ показались рисовыя плантаціи, по здѣшнему, „чалтыки". Сотни татарокъ, согнувшись, бродили по колѣно въ грязной водѣ и по одной былинкѣ посаживали разсаду. Все это поле уже давно принадлежитъ общимъ, обрабатывается оно изъ-полу татарами, мужики получаютъ готовый урожай; и на все село приходится рису въ годъ тысячъ на двѣнадцать *).

Скоро фургонъ свернулъ съ дороги и съ грохотомъ покатилъ въ пологій яръ, заросшій по краямъ крапивой и

*) Средній урожай риса—самъ-сто.

бурьяномъ. По извилистому дну, какъ видно, стараго русла рѣчки мы ѣхали минутъ двадцать; мнѣ ужъ стало казаться, что село миновали давно. Но вотъ четверня поползла вверхъ, и фургонъ оказался на узкой полянкѣ. Съ одной стороны подступали и путались въ колесахъ все тѣ же головастые подсолнечники, съ другой—горделиво стояли высокія темныя шелковичницы, а за ними черезъ канаву были видны безконечные виноградники. Мы оказались „за садами". Савелій привсталъ, осмотрѣлся и на секунду замеръ въ нерѣшительности: впереди были толпы ребятъ и дѣвокъ. Мужикъ тронулъ лошадей и потупился, стараясь никого не видѣть и не угадывать. Молодежь стояла и сидѣла съ самымъ невиннымъ видомъ; въ канавѣ полулежали парни, какъ видно было, картежники, на минуту спрятавшіе карты.

Только что мы миновали ихъ, онѣ чему-то засмѣялись, закружились и запѣли вполголоса частушку, помнится:

Милый мой по морю плавалъ,
Утонулъ, паршивый дьяволъ...

Савелій искоса посмотрѣлъ на меня и только усмѣхнулся въ бороду.

Близко между деревьями показались ворота изъ жердей. Фургонъ протащился по узенькой просѣкѣ на гумно. Савелій сталъ отпрягать, а я на минуту замѣшкался за воротами.—Дѣвки выкрикивали: „Ой-дали дали-дали-да да-да", хлопали въ ладоши и неумѣло плясали; парни играли въ орлянку; а на деревѣ высоко краснѣлась рубашка сторожевого мальчишки. И если бы въ это время появился помощникъ видителя верхомъ на откромленномъ жеребцѣ и съ воловьимъ кнутомъ въ рукахъ, его рысь и глазки ничего бы не разглядѣли: довольно одного тихаго свиста, чтобы вся эта молодежь попряталась въ подсолнухахъ. Но если бы какимъ-нибудь чудомъ накрыли ихъ и переловили,—ихъ погнали бы по селу, какъ арестантовъ, въ моленную, загнали бы въ темный подвалъ до прихода чиновъ; потомъ начался бы судъ со слезами и плачемъ; эти беззаботныя дѣвицы ползали бы на колѣняхъ передъ чинами и просили прощенія, а ребята—или тоже покорились бы и опустились на колѣни, или за продерзости попали бы въ холодную.

* * *

Вышелъ на высокую насыпь широкой улицы, больше версты длиной. По обѣ стороны непрерывными валами тянутся великаны-шелковичницы, прикрывая даже двухъ-этажные дома, и черепица, поэтому, подернута грязно зеленой плѣсенью. Вдали, въ концѣ улицы, деревья кажутся темными и приземистыми и какъ бы сходятся черезъ дорогу. Двухъярусные дома выходятъ на улицу и на дворы широкими балконами; на нихъ по семи мѣсяцевъ въ году сосредоточена вся жизнь; стоятъ сундуки, столы и кровати съ пологами.

Время было „въ отдыхѣ", какъ говорятъ здѣсь. На завалинкахъ подъ балконами сидѣли мужики въ длиннополыхъ сюртукахъ и женщины въ кашемировыхъ полушалкахъ, грызли сѣмячки и толковали, казалось, о чемъ то серьезномъ и печальномъ. Изрѣдка встрѣчались группы на серединѣ улицы, съ любопытствомъ осматривали новаго человѣка, нѣкоторые кланялись незнакомому, и проходили, тихо и безъ улыбки переговариваясь.—И въ праздники это село кажется запуганнымъ, унылымъ и торжественнымъ. Всякій смѣхъ, громко сказанное слово и балагурство на виду до сихъ поръ преслѣдуется чинами, какъ поступки позорные и кощунственные.

Попадались дворы бѣдныя и строенія, пришедшія въ упадокъ, попадались и вовсе пустыя помѣстья, съ сиротливо торчавшими деревцами,—вымираетъ село постепенно и до сихъ поръ: на-лицо ужъ не больше семисотъ душъ.

Подошелъ къ моленной. Большой приземистый двухъ-этажный домъ, обнесенный стеклянной галлереей, напоминаетъ неладно сбитую клѣтку для перепеловъ. На лѣстницѣ и на дворѣ стояли подростки въ цвѣтныхъ рубашенкахъ, причесанные и тихіе. Изнутри неслось жидкое, неувѣренное дѣтское пѣніе утомительнаго монотоннаго псалма. Было дѣтское собраніе: мальчики-чины пѣвцы и чтецы подъ руководствомъ помощниковъ словесника совершали весь чинъ богослуженія и, какъ взрослые, судили своихъ провинившихся.

Видное мѣсто на дворѣ моленной занимаетъ кухня, въ которой по временамъ готовятъ обѣды на все село. За ней въ деревьяхъ скрывается большой дубовый амбаръ — въ

своемъ родѣ хлѣбный банкъ въ общинѣ. За нимъ тянется одичалый садъ, насаженный по приказу Михаила Акинфіевича. Въ 1896 году половину этого сада община отвела подъ министерскую школу, и зданіе построило на свои деньги, чѣмъ весьма расположила учебное начальство. Объясняется поступокъ, однако, совершенно иначе: старички все время думали, что они провели начальство, повернувъ выстроенную школу на моленную, и всегда боялись: а вдругъ начальство спроситъ о школьномъ зданіи, вѣдь, чего добраго, закроетъ моленную. Страхи были несбыточны, но вполнѣ понятны у мужиковъ, которые сроднились съ мыслью о томъ, что они за правду гонимые. Пріѣхавшему инспектору такъ понравился старый садъ, что онъ распорядился вырубить самое необходимое количество деревьевъ, лишь бы втиснуть школьное зданіе. И сразу школа потеряла всякій видъ, отошла на задворки, а самымъ виднымъ зданіемъ въ селѣ попрежнему осталась неуклюжая и мрачная моленная.

Мнѣ надо было идти къ судіи, къ Трофиму Фроловичу,—дѣду со стороны матери. Издали увидѣлъ я старика на балконѣ просторнаго дома. Только что вздремнулъ послѣ обѣда; босой, всклокоченный, въ длинной домотканной рубахѣ навыпускъ, онъ сидѣлъ на вѣнскомъ стулѣ и сонно зѣвалъ. Шея у него давно была повреждена болѣзнью, и голова безпрестанно покачивалась слегка на бокъ, что придавало его блѣдному, съ тонкими чертами, лицу особую выразительность: его улыбка была то уничиженной, то заискивающей, то ехидной, а чаще—добродушно-насмѣшливой. Скептикъ онъ въ сущности былъ крайній, но великолѣпно умѣлъ скрывать это.

Старикъ угадалъ меня, привѣтливо закивалъ головой, сказалъ только:

— Ага! Пойдемъ, родной.

И повелъ меня въ просторную, съ низкимъ потолкомъ, комнату на двѣ половины раздѣленную пестрой ситцевой занавѣсью; указалъ мнѣ на диванъ у дверей, а самъ прошелъ за занавѣсъ, откуда слышался тихій говоръ.

— Не управились?—спросилъ онъ тихо.—Скорѣй, гость у насъ.

Вернулся, сѣлъ за столъ, взялся за гребень и какъ будто забылъ обо мнѣ. Я зналъ хорошо, что со мной „до времени“ не заговорятъ рабы традицій, и тоже молчалъ. За занавѣсью между тѣмъ совершался ускоренный судъ чина-тайницы.

— Признавайся, некогда мнѣ съ тобой... — слышался низкій и сердитый голосъ бабки.

— Да въ чемъ признаваться-то ежели я ничего знать не знаю. Голосъ жидкій, сердитый и плаксивый.

— А я говорю, признавайся.

— Все набрехали тебѣ, а ты вѣришь...

— Во-во. Все на тебя врутъ. Кто тебя не знаетъ, ягодку? На всѣ села ославился Стенька-Алмаджанка.

— Мнѣ, тетушка, ты хушь вѣрь, хушь не вѣрь, а я не виновата съ Ванькой-Сычемъ.—Подсудимая заголосила.— Наговорили, на все село ославили. Вчера мужикъ съ моря пришелъ, ужъ наслухался... насилу вырвалась... чуть не убилъ... А ни въ чемъ я не виновата... Она вретъ все... Такъ вотъ я харкну въ бѣльмы ей... Не погляжу.

Судія нахмурился, отложилъ гребень и шагнулъ за занавѣсъ.

— Ты не отбрейхивайся, а проси прощеніе,—сказалъ онъ тихо и внушительно.

— Не виновата я, дядюшка, вотъ хушь скрозь землю провалиться. Все это вотъ Машка мягкая набрехала.

— Нѣтъ, не набрехала, а своими глазами видала,— послышался новый голосъ. Мы тридцать бочекъ вина продаемъ, а чужихъ мужиковъ не привѣчаемъ... Пришла я, дядюшка, а у ней...

— Засыть! Тоже хороша, паскуда!.. Видно, нечего, проси прощеніе.

— Не виновата я, дядюшка.

— Васъ самъ чортъ не разберетъ... Не виновата въ этомъ грѣхѣ,—другой простится. Ну?!.

Старикъ вернулся и снова взялся за гребень. За занавѣсью послышались движенія. Подсудимая опускалась на колѣни, винилась во всемъ, что ей подсказывала тайница. Наконецъ, и отпущеніе.

— Ну, Богъ проститъ. Ходи опять кланяться и жертву клади. А въ другой разъ гляди у меня...

Три разряженныя и нарумяненныя молодки прошли къ двери. Одна держала на рукѣ ребенка, утирала слезы и сморкалась. Она первая выскользнула за дверь и встрѣтила свою обличительницу шипѣніемъ.

— Ну, сучка...

Вышла бабка, тучная старуха, съ властнымъ, расплывшимся лицомъ, съ зеленоватыми глазами навыкатъ, въ черной шелковой, расшитой стеклярусомъ, кофтѣ. Она угадала меня, заплакала, но не сдѣлала ко мнѣ шагу, не вымолвила слова. Трофимъ Фроловичъ молча указалъ мнѣ мѣсто противъ себя, замеръ самъ со скрещенными руками на груди, и ту же позу приняла бабка. По обряду я долженъ былъ прочесть „Отче нашъ", два раза до земли поклониться старику, трижды, послѣ поклоновъ, облобызаться съ нимъ и потомъ тѣ же самыя „метанія" повторить съ бабкой.

— Миръ дому вашему,—сказалъ я послѣ того, какъ въ послѣдній разъ облобызался съ бабкой.

— Миръ входу твоему! Какъ поживали себѣ,—отвѣтили дружно старики.

— Милостью Господней, — опять низкій поклонъ. И только послѣ этого старики сошли съ мѣстъ, лица оживились, начались распросы о матери, о городскихъ старцахъ и т. д.

За столомъ засиживаться не стали: старики торопились въ моленную. Мнѣ предложили остаться дома, отдохнуть, но это была только деликатность съ ихъ стороны: не пойти нельзя было.

Мы поднялись по широкой лѣстницѣ на галлерею моленной, гдѣ стояло человѣкъ десять мужиковъ и женщинъ, видимо, поджидая судію. Трофимъ Фроловичъ кивнулъ на ихъ низкій поклонъ, повѣсилъ на гвоздь шапку, расправилъ обѣими руками проборъ похожихъ на гриву сѣдыхъ волосъ и заглянулъ въ отворенную широкую дверь моленной. Съ галлереи была видна сплошная масса головъ, въ моленной было не менѣе шестисотъ человѣкъ. Судія съ нѣмымъ вопросомъ обернулся къ намъ.

— Управились, иди,—сказала ему бабка. И онъ рѣшительно шагнулъ за порогъ, поклонился и выровнялся, скрестивъ на груди руки. Точно также вошли и мы.

— Привста-а-аньте, дру-у-уги, — послышался протяжный возгласъ невидимаго распорядителя.

И все собраніе, какъ одинъ человѣкъ, дружно поднялось и стояло все время, пока судія почти вслухъ читалъ „Отче нашъ". Трофимъ Фроловичъ поклонился, поклонились и мы всѣ. И опять послышалась распѣвная команда.

— Садитесь, други.

Собраніе сѣло. Трофимъ Фроловичъ кивнулъ молодому помощнику распорядителя, указалъ ему на меня и пошелъ прямо къ столу. Помощникъ распорядителя, похожій на цыгана, взялъ меня за рукавъ, провелъ къ самымъ заднимъ рядамъ, указалъ на свободное мѣсто, сказалъ почти вслухъ:

— Пока тутъ будешь сидѣть,—и отошелъ.

Сталъ осматривать моленную.

Комната полутемная, длинная, съ низкимъ потолкомъ и въ четыре свѣта; шестнадцать оконъ и всѣ завѣшаны расшитыми полотенцами; стѣны, конечно, голыя, оклеены сѣрыми обоями. Посединѣ у стѣны, противъ дверей, длинный столъ, на которомъ горкой сложены старинныя книги; вокругъ стола девять стариковъ и три женщины, всѣ—чины. Направо отъ стола половину комнаты занимали мужики, налѣво—женщины. На переднихъ скамьяхъ сидѣли и старики, и люди молодые; лицомъ къ лицу—мужики и женщины. Это пѣвцы и помощники чиновъ. У стѣны, гдѣ посадили меня, сидѣли молодые ребята, дѣти и нѣсколько стариковъ изъ захудалыхъ и отлученныхъ. На новаго человѣка здѣсь обратили вниманіе и стали перешептываться, подошелъ помощникъ распорядителя, и всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ стали вслушиваться въ слова бесѣды. Можно стало и мнѣ кое что разслышать.

За столомъ рыжій, еще не старый словесникъ читалъ заключительную главу Апокалипсиса, останавливаясь послѣ каждаго стиха. Безбородый, лысый старикъ, съ лицомъ евнуха, съ глубоко сидящими въ орбитахъ маленькими глазками, хриплымъ женскимъ голоскомъ объяснялъ прочитанное. Когда пришелъ судія, онъ пересѣлъ было на вторую скамью, но Трофимъ Фроловичъ указалъ ему на прежнее мѣсто, а самъ скучающе откинулся къ окну.

Словесникъ слегка нараспѣвъ прочиталъ: „И духъ, и невѣста говорятъ: прійди. Жаждущій пусть приходитъ, и желающій пусть беретъ воду жизни даромъ".

Помощникъ судіи повторилъ все прочитанное наизусть и нескладно сталъ говорить что-то объ упованіи старцевъ-страдальцевъ. Отъ страдальцевъ онъ перешелъ къ пророчествамъ и пространно сталъ объяснять, что такое „духъ и невѣста".

— Невѣста — община вѣрныхъ упованіемъ старцевъ-страдальцевъ; духъ—разумѣніе того, что въ мірѣ семъ все временное и все разсѣется, какъ лукавое зарево въ пустынѣ.

Видно было, что всѣ эти толкованія собраніе слышало тысячу разъ. На лицахъ у всѣхъ было не вниманіе разумныхъ существъ, а привычная готовность слушать что угодно. Я не могъ разслышать при всемъ желаніи половины словъ и обрадовался, когда словесникъ дочиталъ главу и закрылъ книгу, не дожидаясь толкованій. А толкователь медленно сталъ наизусть повторять прочитанное. Многіе тяжело вздыхали и перешептывались. Голосъ старика совсѣмъ затерялся, и я могъ услышать только заключительное восклицаніе его:

— Други, стойте твердо и непоколебимо! Не внимайте рѣчамъ...

Но ему не далъ договорить словесникъ. Онъ поднялся и на всю моленную возгласилъ нараспѣвъ съ паузами:

— И показалъ мнѣ... чистую рѣку... воды живо-ой... свѣтлой, какъ кристаллъ... исходящую отъ престола Бога и Агнца-а!

Еще не замолкъ этотъ голосъ, какъ поднялась рослая хорошо сохранившаяся красавица — чинъ духовница, приложила щепоть правой руки къ губамъ и запѣла свѣжимъ, почти мужскимъ голосомъ довольно монотонный псаломъ. Черезъ секунду поднялось все собраніе и хоромъ подхватило пѣніе. Сталъ выдѣляться только голосъ духовницы, пѣвшей „передомъ", и два женскихъ подголоска красиво играли надъ сдержанными, рыдающими нотами. Хотѣлось закрыть глаза, ни о чемъ не думать и не улавливать словъ.

Словесникъ среди пѣнія выкрикивалъ нараспѣвъ слова и разрывалъ своими возгласами ровную, гудящую ткань псалма. Собраніе сводило на-нѣтъ одинъ „взводъ". Еще не

затихли мужскіе голоса, какъ духовница запѣвала, и собраніе подхватывало другой громче и одушевленнѣе. Конецъ псалма уже пѣли полными голосами, лица оживились, на нѣкоторыхъ показался нездоровый румянецъ. Кончился псаломъ, какъ мнѣ показалось, довольно скоро. Собраніе замолкло, но, кажется, готово было еще пѣть и пѣть безъ конца, усиливая и учащая темпъ псалма. Но послышалась команда:

— Садитесь, други.

Стали садиться, гремя скамьями. Чины стали по одному выходить на галлерею. За столомъ остался только одинъ рыжій чтецъ, который сталъ читать главу изъ книги Даніила и толковать ее самъ. Помощники распорядителя зашмыгали по моленной, высылая на галлерею до двухъ десятковъ мужиковъ и женщинъ. Ко мнѣ подошелъ молодой парень въ длинной поддевкѣ, прошепталъ на ухо:

— Выдь на балконъ, зовутъ.

На галлереѣ меня ждалъ Савелій, причесанный, одѣтый въ новенькую поддевку. Онъ поздоровался со мной за руку, какъ будто давно не видѣлись, отвелъ въ сторону и зашепталъ:

— Открылось, что я пріѣхалъ-то. Пока ничего не сказали, а судить будутъ... Ну и тебя спросятъ. Тутъ ложь не въ спасеніе, все скажи. А только знай, денегъ я съ тебя не возьму, нѣтъ.

— Почему?

— Хоть и не познатью посадилъ... а ты нашъ оказался. У насъ со своихъ брать не годится. — Савелій замолчалъ и вытянулся.

Съ ехидной усмѣшкой подходилъ Трофимъ Флоровичъ.

— Небось, упрашиваешь, чтобы не говорилъ всего?

— Нѣ... Я такъ... ничего...—едва выговорилъ Савелій.

Судія прошелъ за перегородку на галлереѣ; оттуда слышались всхлипыванія и тихій говоръ.

— Ну, теперь начнутъ терсучить, — зашепталъ Савелій. —Люди такіе. Имъ только это и осталось: пса за хвостъ водить, людей судить. Вся духовность у нихъ давно изничтожилась, осталась обуховность одна, силомъ все норовятъ... Трофимъ Флоровичъ еще все-таки за насъ стоитъ... А еще ты вотъ что: не скажи, что дѣвокъ тамъ видалъ. Пусть сами глядятъ, а намъ нечего...

Запѣли. Изъ-за перегородки прошли чины и заняли свои мѣста въ моленной. Мы съ Савеліемъ пробрались къ заднимъ рядамъ. Мужика еще не отлучили, но онъ самъ не пошелъ на свое мѣсто въ одиннадцатомъ ряду: мѣсто у всякаго свое.

Началась церемонія „свиданія“, въ которой принимали участіе только „небесные“—чины и ихъ помощники.

У стола образовался небольшой кругъ. Трофимъ Фроловичъ сталъ спиной къ столу и выровнялся. Распорядитель возгласилъ:

— Приступайте, други и другини.

Къ судіи подошелъ высокій старикъ-жертвенникъ, похожій на еврейскаго раввина, дважды поклонился ему, облобызался трижды и опять поклонился дважды и сталъ съ нимъ рядомъ справа. Къ судіи подошелъ словесникъ, продѣлалъ „метанія“ съ нимъ, потомъ съ жертвенникомъ и сталъ третьимъ. Слѣдующему, видителю, пришлось цѣловать троихъ и стать четвертымъ и т. д. Кланялись, конечно, и цѣлуемые. Ряды кланяющихся постепенно удлинялись. Прошли чины-мужики, потомъ чины-женщины, потомъ помощники мужиковъ и за ними помощницы женщинъ. Пошла „видаться“ послѣдняя женщина, и всякій, кого она поцѣловала, шелъ къ мѣсту. Поцѣловала послѣднюю, осталась одна въ кругу и нырнула въ толпу.

Пѣніе, радостное и торжественное сразу оборвалось. Въ наступившей тишинѣ послышался голосъ судіи:

— Миръ вамъ, други.—И всѣ чины тихимъ хоромъ отвѣтили:

— Миръ церкви Господней.

— Садитесь, други, — всему собранію скомандовалъ распорядитель.

Сѣли. Слѣдующая бесѣда продолжалась не болѣе десяти минутъ, и раздалась команда:

— На моленіе, други.

Собраніе поднялось, запѣло заунывный псаломъ вполголоса. Помощники чиновъ стали убирать скамьи, нагромождали ихъ одна на одну у стѣны до потолка. Какъ только спѣли первый „взводъ“, мужики по старшинству одинъ за другимъ потянулись къ столу класть жертву; звяканье денегъ

продолжалось все время, пока пѣли псаломъ. За мужиками пошли женщины, потомъ дѣвки и мелкая дѣтвора. Шли всѣ, кромѣ отлученныхъ, которые стыдливо жались къ стѣнѣ. Каждый, подходя къ столу, низко кланялся, клалъ деньги въ кучу, опять кланялся и отходилъ другой дорогой. Отошелъ послѣдній мальчишка, — пѣніе сразу оборвалось. Чернобородый помощникъ распорядителя снялъ съ полки у дверей особые священные коврики, безъ которыхъ не приступитъ къ моленію ни одна сектантская община, старательно растелилъ ихъ у ногъ чиновъ, и распорядитель возгласилъ нараспѣвъ:

— Управились, други.

Высокій сѣдой патріархъ ступилъ на коврикъ, поднесъ къ подборку руки со скрещенными пальцами, закрылъ глаза и сталъ читать со своеобразными ритмическими интонаціями псалмы Давида и нѣкоторыя „избранныя“ молитвы,—составленныя Михаиломъ Акинфіевичемъ. Первая молитва была прочитана стоя, потомъ все собраніе опустилось на колѣни, и была прочитана другая молитва, третью прочли стоя и т. д. Читалъ вслухъ только одинъ молитвенникъ, остальные или шептали, или просто дремали, машинально опускаясь на колѣни и поднимаясь.

Восемь разъ все собраніе тихо вздыхало: „аминь“, на девятый — „аминь“ было произнесено полнымъ голосомъ, собраніе поднялось, и распорядитель возгласилъ:

— Къ поклоненію, други.

Запѣли довольно оживленный „голосъ“ на слова изъ Евангелія:—„Привѣтствуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ“..

Началось поклоненіе—иначе „миръ“—та же церемонія, что и „свиданіе“, только здѣсь принимали участіе поголовно всѣ, кромѣ отлученныхъ и меня, конечно. Началась церемонія опять съ судіи и въ томъ же порядкѣ. Пошли „на двѣ руки“: первый „поклонившійся“ съ судіею сталъ направо отъ него, второй—налѣво, и слѣдующіе шли поочереди—одинъ направо, другой налѣво. Ряды кланяющихся растянулись шпалерами вдоль всѣхъ стѣнъ, вышли на галлерею и тамъ завернули за углы. Пѣніе постепенно слабѣло по мѣрѣ того, какъ люди входили въ цѣпь, подъ конецъ пѣли только три человѣка. Пошли кланяться двѣ восьмилѣтнія дѣвочки;

становились на пальчики, чтобы поцѣловать кого-нибудь, свертывались въ комочки у ногъ стариковъ и опять вскакивали, а за ними ряды таяли и распадались. Въ этомъ была своеобразная красота. Скоро образовалась опять толпа въ моленной, вошли всѣ съ галлереи. Распорядитель возгласилъ:

— Управились, други.

Собраніе опустилось на колѣни, была прочитана коротенькая молитва.

— „Хвалите Господа, всѣ народы, похвалите Его, всѣ люди"...

Поднялись и запѣли бойкій, ликующій „голосъ". Сначала длинная нота, какъ начинается „комаринская", потомъ сразу мотивъ переходитъ въ плясовой. Пѣлась только одна фраза:

— Святъ, святъ, святъ Господь Богъ Вседержитель, и исполнится славой Его вся земля.

И фраза эта повторялась разъ двѣнадцать, при чемъ мотивъ при каждомъ повтореніи усиливался и красиво варьировался. Лица почти у всѣхъ горѣли неподдѣльнымъ вдохновеніемъ; какая-то женщина плакала навзрыдъ, нѣсколько стариковъ пьяно покачивались, съ поднятыми вверхъ руками и лицами. Казалось, если эту пѣсню повторить еще раза два,—все собраніе окажется „въ духѣ", разразится слезами, затопаетъ, запрыгаетъ и закричитъ въ изступленіи.

Оборвался „Святъ-Святъ" на необыкновенно высокой нотѣ. Собраніе притихло; нѣсколько минутъ слышался только сдержанный женскій плачъ, и звякали деньги у стола. Но вотъ выступилъ впередъ чинъ-жертвенникъ и слегка нараспѣвъ произнесъ:

— Други, нонѣ за весь день вы принесли жертвы пятьдесятъ три рубля и двѣнадцать копеекъ. Спаси Господь за усердіе.—Старикъ низко поклонился на всѣ четыре стороны и добавилъ также нараспѣвъ:—Радѣйте о жертвѣ, други.

Выступилъ видитель со словами:

— Други, слѣдите другъ за другомъ, обличайте, не щадите и чинамъ доносите неуклонно. Кто не донесетъ,—участникъ въ грѣхѣ.

— Тайну въ сердцѣ не держите, други-и,—послышался глухой голосъ невидимаго тайника.

— Кайтесь непрестанно во всѣхъ дѣлахъ и помышленіяхъ!—возгласилъ мысленникъ.

— Обѣды устрояйте, яко жертвы сожженія, поминки не забывайте учинять,—наставлялъ распорядитель.

— Дѣтокъ въ учебную посылайте, — требовалъ словесникъ.

Другіе чины на этотъ разъ не выступили почему-то съ своими наставленіями. Трофимъ Фроловичъ закрылъ библію, кивнулъ распорядителю, и тотъ скомандовалъ:

Свободны, други.

Изъ моленной я пошелъ показаться своимъ тетушкамъ и къ старицамъ своимъ вернулся уже затемно. Въ прежней горницѣ, у настежь отвореннаго окна, Зенка, такъ звали дѣвушку татарку, накрывала на столъ; неумѣло налитая лампа „молнія“ дышала свѣтомъ и готова была вспыхнуть при каждомъ шагѣ. За занавѣсью на диванѣ сидѣла бабка и шепталась съ двумя откуда-то взявшимися бабенками. Тяжелой поступью вошелъ Трофимъ Флоровичъ и грузно опустился у стола. Пришлыя женщины поднялись, поклонились ему въ поясъ и выскользнули за дверь.

— Доносить приходили?—старикъ криво усмѣхнулся и повернулся въ сторону бабки. Онъ былъ сильно не въ духѣ, какъ послѣ я узналъ, въ этотъ вечеръ у него была перепалка съ чинами.

— Доносить,—отвѣтила безразлично тайница, подошла къ столу и взялась за чайникъ.

— Поганючки. Только одно у нихъ. Всѣ перепачкались, и ты вотъ съ ними возись. Ваньку-Сыча бабенка поцѣловала, судить ее,—цѣловала ай нѣтъ? Ну, цѣловала. Сама за это и отвѣтитъ, если это грѣхъ.

— По твоему все не грѣхъ?

— А какой въ этомъ грѣхъ?

— Ты эти слова чинамъ скажи.

— Да-то, не говорилъ я имъ. Тоже—бабы. Только на одно и горазды—пустяки перетрясать да грѣхи выдумывать...

— Довольно тебѣ! Молись!

Старикъ посмотрѣлъ на столъ, стаканы чаю были налиты, оставалось молитву прочесть. Поднялся и помолился вслухъ, какъ ни въ чемъ не бывало. За ужиномъ,

однако, все время сурово молчалъ и, какъ видно было, за что-то досадовалъ на себя. Было бы тягостно, если бы старуха поминутно не поглядывала на него добродушно-насмѣшливо. Наконецъ, она не выдержала, обратилась ко мнѣ:

— Знаешь, зачѣмъ онъ надулся, какъ мышь на крупу?

— Зачѣмъ?

— Голову намылили. Повѣнчалъ самовольно обрусѣлаго татарина на русской; татаринъ прожилъ съ мѣсяцъ, обокралъ жену и опять ушелъ къ своей арваткѣ *). Баба къ чинамъ, чины и насѣли на него. А вѣдь это не впервой ему. Разъ десять нарывался.

Съ улицы стало доноситься отчетливое пѣніе духовныхъ пѣсенъ. Пѣли на завалинкахъ ребята и дѣвки, слышались и низкіе мужскіе голоса. Когда-то пѣніе псалмовъ и пѣсенъ по вечерамъ на улицѣ было повинностью: каждый вечеръ на четырехъ концахъ села пѣли четыре хора. И послѣ этого вошло въ привычку, поощряемую чинами. Но ни одной пѣсни за всѣ года я не слышалъ безъ нелѣпыхъ вставокъ и искаженій, даже мотивы измѣнялись, и самобытныя пѣсни походили на „Чудный мѣсяцъ“, который давно занесенъ сюда николаевцами-рыбаками. Осталась только любовь къ нѣкоторымъ „голосамъ“. Пѣлся на этотъ разъ одинъ изъ вопросоотвѣтныхъ псалмовъ Михаила Акинфіевича.

— Ой, вы голуби, ой, вы сизые.
— Мы не голуби, мы не сизые,
А мы ангелы, мы архангелы.
— Гдѣ-жъ вы, ангелы, летали?
— Мы летали по всему свѣту бѣлому.
— Чего-жъ, ангелы, вы искали?
— Мы искали правду сокровенную,
Мы искали любовь небесную.
— Гдѣ нашли вы любовь сокровенную,
Гдѣ любовь нашли небесную?
— Правда сокровенная у Господа,
А любовь небесная въ людскихъ сердцахъ.

*) По-татарски жена.

— Принесите вы, ангелы, намъ правду сокровенную,
Разбудите въ сердцахъ любовь небесную.
— Правду сокровенную мы несемъ къ людямъ,
Мы зовемъ ихъ къ свѣтлымъ пажитямъ...

Говорилъ сердцу въ этомъ псалмѣ только красивый мотивъ, а слова давно полузабыты, безъ толку повторяются, и, кажется, никто на нихъ не обращаетъ вниманія—вмѣсто „пажитямъ“ поется нажитымъ, вмѣсто „побѣда“ поется—пообѣдать и т. д.

Послѣ ужина мы вышли съ судіей на балконъ. Медленно сгущался туманъ, за деревьями стояла луна, и безформенныя тѣни деревьевъ пятнами ложились на сѣрую дорогу. Трофимъ Фроловичъ послалъ Зенку сказать, чтобы пѣвцы спѣли псаломъ „О, Великій Державный“. И черезъ двѣ минуты грудной дѣвичій голосъ мягко-звенящей нитью поплылъ паутиной въ влажномъ воздухѣ. Небольшой, хорошо спѣвшійся хоръ подхватилъ „ковычку“, поднялъ ее высоко, какъ бы улетѣть пытаясь съ нею въ безконечное, но упалъ и сталъ ропотно и низкими нотами повторять ту же „ковычку“; а наверху остался сочный, полный силы подголосокъ, долго онъ еще плавалъ въ воздухѣ и, наконецъ, исчезъ, растворился, улетѣлъ.

А дѣвичій голосъ снизу поднималъ уже новую „ковычку“, и опять хоръ подхватилъ ее, унесся съ нею вверхъ, и опять сорвался съ высотъ, а „ковычку“ унесъ подголосокъ.

Медленно и необъятно развертывался псаломъ въ вечерней тишинѣ, подъ мощными шелковичницами. Какъ бы пытался вдохновенный „голосъ“ разбудить, встряхнуть и взволновать засыпающую деревню, звалъ ее къ свѣту, къ правдѣ сокровенной, къ вѣчному и горячему солнечному свѣту.

А сверху ниже и ниже безформенными облаками спускался сырой и мозглый туманъ, какъ дыханіе умирающаго хаоса... Подъ снѣговыми горами, гдѣ стоитъ этотъ „Стой—городъ Сіонъ“, это удивительное созданіе нашего народнаго генія, всегда туманъ. И не здѣсь на чужбинѣ, въ мозгломъ и гниломъ климатѣ, родилась эта пѣсня. Не эти остывшіе и „поумнѣвшіе“ люди исторгнули ее изъ глубины души. Они

даже и не знаютъ, какими камнями драгоцѣнными тѣшатся, какъ дѣти...

„Когда-то и гдѣ-то"...—быть можетъ, безхитростный поселянинъ, въ лунную безоблачную ночь, пришелъ одинъ съ своей тоской на высокій берегъ Волги. Безумно сталъ глядѣть на матовую гладь безконечнаго простора. И темныя мысли-чувства предразсвѣтнымъ туманомъ встали въ измученной душѣ, обремененной повседневными заботами и нуждой.

И вотъ въ бездыханномъ полумракѣ, въ его душѣ зардѣлась внутреннимъ огнемъ новая вѣра въ лучшее будущее и вспыхнула со стихійной силой. Явился геніальный моментъ, когда человѣкъ поднялся надъ всѣми мыслями и нашелъ великую мысль о томъ, что какая-то правда неземная когда-нибудь огнемъ испепелитъ всѣ заклятые узлы безысходности житейской. Нѣтъ правды для бѣдняка на этой землѣ, такъ земля должна сгорѣть. Придетъ часъ, когда содрогнется грудь земная, напоенная неправдой, потомъ и слезами, и съ небеси сойдетъ Судія Праведный, соберетъ къ Себѣ всѣхъ измученныхъ и униженныхъ, и печаль ихъ обратится въ радость.

И при этой мысли, быть можетъ, подслушанной гдѣ-нибудь на бесѣдѣ раскольниковъ, грудь наполнилась такимъ восторгомъ и такой тоской, что больно стало, и вдругъ вырвалась наружу душа рыдающимъ звукомъ. Но еще не донесся звукъ до середины рѣки, какъ вырвалась другая нота, менѣе жалобная, болѣе гибкая, вдумчивая и проникновенная, а третья—ужъ была радостная, торжествующая и все благословляющая:

О, Великій Державный Господи.
Благословенны дѣла Твои великія.
Благослóвенна вся земля...

Человѣкъ до того проникся вѣрой въ жизненную гармонію,—что изъ того, что онъ отродясь и словъ-то не слышалъ такихъ,—проникся до того, что забылъ о своей тоскѣ и ужъ дальше не повторилъ тоскливой жалобы. Не льстивый и униженный рабъ въ этой пѣснѣ славословилъ Творца. Нѣтъ, полной грудью хвалитъ все человѣкъ, напоенный

чувствомъ гармоніи, въ геніальномъ мгновеніи создавшій себя свободнымъ и счастливымъ любовью къ себѣ Бога Вседержителя. Такъ стихійная вѣра предвосхитила величественный строй пѣсни Апокалипсиса:

— Велики и чудны дѣла Твои, Господи Боже Вседержитель. Праведны и истинны суды Твои, Царь святыхъ...

. . . . . .

Оборвался длинный псаломъ самымъ нелѣпымъ образомъ: кто-то, кого-то грубо и сердито черезъ улицу позвалъ спать. Какая-то пѣвица передъ кѣмъ-то визгливо оправдывалась:

— Дядюшка Трофимъ заставилъ...

И черезъ минуту пѣвицы, какъ тихіе призраки, бѣжали по улицѣ, мелькали, какъ нежити, въ туманѣ. Трофимъ Фроловичъ поднялся и медленно пошелъ къ своему пологу, тутъ же на балконѣ. Кажется, онъ плакалъ. Мнѣ приготовили постель въ другомъ концѣ балкона, но проститься со старикомъ я не нашелъ удобнымъ.

На этомъ я и кончу свою статью. Чувствую, что я въ долгу передъ читателемъ, который можетъ спросить:

— Гдѣ же современные общіе? Что съ ними сталось? Какъ они пережили революцію? и пр.

Но описывать жизнь общихъ за послѣдніе десять лѣтъ, жизнь, которая прошла на моихъ глазахъ,—и очень трудно, и очень не интересно: почти все время придется копаться въ мелочахъ и въ дрязгахъ, которыми только и живутъ эти отрезвившіеся экстатики. Правда, общинная организація еще крѣпка и по внѣшности еще высоко ставитъ николаевца надъ другимъ сектантскимъ мужикомъ, который дичаетъ по всей линіи; но все же—и Николаевка теперь тихая заводь, гдѣ погибаетъ все жизненное подъ заскорузлой и нивелирующей рукой бездушнаго формалиста-мужика, который только и знаетъ одно: ни на пядь не отступать отъ завѣтовъ старцевъ.

Скажу только, что Трофимъ Фроловичъ давно умеръ, нѣтъ въ живыхъ и его властной супруги. Въ судіяхъ теперь „стоитъ“ богатый бакинскій домовладѣлецъ, казенный под-

рядчикъ и николаевскій крупнѣйшій винодѣлъ Иванъ Парамоновичъ Минниковъ, который самъ и спаиваетъ мужиковъ своимъ виномъ, и за пьянство ихъ судитъ немилосердно. Чинамъ же, задавленнымъ его капиталомъ и тщательно подобраннымъ, при случаѣ, онъ великолѣпно умѣетъ доказывать на писаніи, что „не укоризно вино, а укоризно пьянство“ и что торговать виномъ всякое начальство разрѣшаетъ*).

Михаилъ Саяпинъ.

*) „Ежемѣсячный журналъ“ 1915 г. № 2, стр. 60—69.

О сектантскихъ пророкахъ.

Что такое представляютъ собою „сектантскіе пророки“, какъ они предсказываютъ будущее и къ какимъ нечистоплотнымъ пріемамъ прибѣгаютъ они въ дѣлѣ своихъ пророчествъ,—объ этомъ чистосердечно сознается одинъ, такъ сказать, „заядлый“ сектантъ А. Д. Мироненко, навсегда порвавшій съ православіемъ и питающій къ нему непримиримую вражду.

Его разоблаченія мы заимствуемъ изъ „Матеріаловъ“ Бончъ-Бруевича (Выпускъ 3-й, СПБ. 1910 г. стр. 105—106), которыя во всемъ идеализируютъ сектантовъ и представляютъ ихъ чистыми, непорочными и неповинными предъ Господомъ Богомъ и всѣми людьми.

* *
*

„Я, пишетъ А. Д. Мироненко, пробылъ три года въ сектѣ „духовныхъ скопцовъ“ въ полномъ самоотверженіи, постѣ и молитвѣ, не ослабѣвая духомъ и не чувствуя въ своемъ тѣлѣ никакого сопротивленія духу, и превзошелъ всѣхъ ихъ пророковъ и толкователей всего въ духовномъ смыслѣ.

Я сталъ строго преслѣдовать всякую неправду, сталъ обличать пророковъ въ томъ, что они переспрашивали у однихъ про другихъ и потомъ говорили объ этомъ въ своихъ пророчествахъ, якобы по откровенію Духа Божія. Я сталъ обличать ихъ словами пророка Іереміи, (гл. XXIII, 30, 31, 32): „Посему вотъ я—на пророковъ, говоритъ Господь, которые крадутъ слова мои другъ у друга и дѣйствуютъ своимъ языкомъ, а говорятъ „Онъ сказалъ“; вводятъ народъ мой въ заблужденіе своими обманами и обольщеніемъ, тогда какъ я не посылалъ ихъ, и не повелѣвалъ имъ, и они никакой пользы не приносятъ сему, говоритъ Господь. И еще, (Іеремія XIV, 14): „Господь говоритъ: я не посылалъ ихъ и

не давалъ имъ повелѣнія и не говорилъ имъ; они возвѣщаютъ вамъ видѣнія ложныя и гаданіе пустое, мечты сердца своего".

Тогда на меня стали говорить, что я книжникъ и фарисей и хулитель Духа Святого, но я не боялся обличать, потому что замѣтилъ, какъ они, поставляя новыхъ пророковъ, обучаютъ ихъ какъ цыганки молодыхъ цыганокъ гадать; бываетъ, что изъ массы сказанныхъ словъ попадаютъ въ тактъ и тѣмъ укрѣпляютъ вѣру въ неразумныхъ людяхъ. Я замѣтилъ, что и сами пророки были прелюбодѣи хотя и не всѣ, но многіе изъ нихъ. Тогда я началъ путешествовать по деревнямъ Валковскаго, Волчанскаго и Богодуховскаго уѣздовъ. Былъ въ городѣ Краснокутскѣ и другихъ селахъ, провѣряя пророковъ и людей. Я нашелъ, что эта секта вредна тѣмъ, что хотя вступающіе въ нее пожилые люди и спокойны, но они имѣютъ у себя дѣтей, которыхъ пріучаютъ также къ своему собранію. Они начинаютъ катать на кругу, подобьютъ ноги, какъ почтовыя лошади, а ходя по ночамъ черезъ садъ тѣ же молодые люди, которыхъ привели сюда отцы, сами не имѣютъ призванія и нѣтъ у нихъ духовной силы, а потому происходитъ слѣдующее: позвольте васъ, сестрица, поцѣловать; потомъ беременность; ребенка въ сортиръ закопаютъ; потомъ замужъ; къ труду не способна: „охъ, ноги болятъ", „животъ болитъ и голова кружится"...

Былъ даже такой случай, что Евтихій изъ Ковягъ, тотъ, который первый принялъ меня въ свой домъ, схватился ночью съ постели, выбѣжалъ на дворъ, затѣмъ на улицу, и упалъ въ колодезь.

Старшій въ сектѣ—Викторъ Ивановичъ, харьковскій цеховой, съ малыхъ лѣтъ находился въ этой сектѣ. Онъ былъ неграмотнымъ, 60 лѣтъ отъ роду, былъ пророкомъ; и я слышалъ, какъ онъ пророчествовалъ, якобы на иномъ языкѣ: „бара-пара"; навѣрно заучилъ когда школьники учили склады. Онъ же за три года до смерти оскотинѣлъ, какъ волъ.

Мой главный пророкъ Лазарь Васильевичъ тоже познался сестрицу, и она родила ему дочку. Тутъ я увидѣлъ, какъ гибнутъ люди".

Открытое письмо*) предетавителю Екатеринодарекой общины Григорію Акимовичу Бойченко и всѣмъ его единомышленникамъ.

„Въ № 4 журнала „Баптистъ“ (за февраль мѣсяцъ 1912 г.) напечатано было письмо „Предостереженіе“ общины русскихъ баптистовъ гор. Екатеринодара отъ 5 февраля с. г., которые отъ имени Екатеринодарской баптистской общины сообщаютъ въ редакцію названнаго журнала, что „въ гор. Екатеринодарѣ отлученъ отъ церкви на строгихъ основаніяхъ Герасимъ Борисовычъ Кнышъ, который пошелъ противъ ученія Христа и братьевъ“.

При этомъ авторы „предостереженія“ прибавляютъ къ послѣднему еще и слѣдующее:—„Предупреждаемъ всѣхъ братьевъ во Христѣ, дабы никто не былъ участникомъ съ нимъ впредь до нашего извѣщенія“.

Въ виду того, что названное „предостереженіе“, не только касается моей личности, но и безчеститъ меня самымъ наглымъ безсовѣстнымъ образомъ, я не въ силахъ дальше молчать и, противъ фарисейской лжи Екатеринодарскаго совѣта русскихъ баптистовъ, рѣшилъ написать мое настоящее вынужденное открытое письмо. И прежде всего спѣшу заявить не только гор. Екатеринодару и всѣмъ его окрестностямъ, но и всему міру, что я отлученъ Екатеринодарскимъ совѣтомъ общины баптистовъ не „на строгихъ основаніяхъ“, какъ пишетъ совѣтъ общины, а на крайне шаткихъ, ложныхъ и несправедливыхъ. Разсмотримъ же эти „основанія“.

Совѣтъ общины пишетъ обо мнѣ:—„Герасимъ Борисовычъ Кнышъ пошелъ противъ ученія Христа и братьевъ“...

---

*) Кубанскія Областныя Вѣдомости 1912 г. № 78.

На это заявляю, что я ученіе Христа признаю за истину и отъ него не отказывался, и противъ него не шелъ. Но „ученія братьевъ" баптистовъ я никакого не знаю и знать не желаю. Обвиненіе противъ меня, что я пошелъ противъ ученія Христа, совершенно лживо отъ начала и до конца. Поэтому стыдно господамъ баптистамъ, которые привыкли считать и называть себя святыми, подражать во лжи отцу лжи—діаволу (Іоанн. 8, 44).

А что представители Екатеринодарскаго совѣта баптистовъ—П. Шакуль, А. Кучерявый и члены его—Димитрій Павлусенко, Филиппъ Иваненко, Иванъ Семеновъ и др. суть лжецы, а совѣтъ ихъ есть „совѣтъ нечестивыхъ" по Слову Божію (Псал. 1, 1),—это я сейчасъ докажу фактами и документами.

Я пошелъ не противъ ученія Христа, какъ пишутъ всенародно въ журналѣ „Баптистъ" вышеназванные лицемѣры, а противъ представителя Екатеринодарской баптистской общины Григорія Акимовича Бойченко и именно потому, что этотъ Бойченко допускаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ массу несправедливостей и подлостей. Одно изъ такихъ „дѣлъ" Г. А. Бойченко состоитъ въ слѣдующемъ. Онъ принялъ въ Екатеринодарскую общину одного бывшаго православнаго человѣка, блудника—Захара Бородина, который жилъ незаконно съ дѣвицею Серафимой Хариной. Сдѣлалъ это принятіе новаго члена въ общину г. Бойченко, не спросивши членовъ общины, хотя по правиламъ баптистскаго вѣроученія долженъ былъ это сдѣлать.

Мало этого, не сообщивши членамъ общины о недоброй жизни Бородина, Григорій Бойченко сочеталъ по обряду баптистовъ этого Захара Бородина съ его сожительницей Серафимой Хариной, не взирая на то, что прекрасно зналъ, что Захаръ Бородинъ имѣетъ живую жену, съ которой онъ остается и донынѣ сочетаннымъ по закону Православной Церкви. А крещеніе надъ Бородинымъ совершалъ незаконно уже послѣ бракосочетанія, при чемъ не извѣстилъ членовъ общины во время принятія Бородина о его безнравственной жизни.

Совершивши это двойное, и церковное и государственное, преступленіе, Григорій Бойченко струсилъ и, когда дѣло

объ этомъ дошло до свѣдѣнія г-на Начальника Кубанской области, то сталъ отказываться и, какъ истинный лицемѣръ и обманщикъ, сталъ научать въ своемъ баптистскомъ собраніи членовъ общины, чтобы, если молъ будетъ у васъ спрашивать начальство по поводу моего незаконнаго повѣнчанія, то вы не говорите правды. При этомъ г. Бойченко сказалъ съ каѳедры, въ присутствіи многихъ, слѣдующее, сославшись на 21 главу I-й книги Царствъ изъ Библіи:

— „Давидъ, когда попалъ къ одному царю и боялся, чтобы его не убили, то притворился безумнымъ и этимъ спасся. Вотъ и мы такъ сдѣлаемъ, чтобы не попасть подъ судъ.

Вотъ насколько безчестенъ проповѣдникъ Екатеринодарскихъ баптистовъ г. Бойченко.

Вотъ какой безсовѣстной лжи научаетъ онъ на баптистскихъ собраніяхъ своихъ единомышленниковъ. Какъ примѣнимо къ г. Бойченко слово Апостола Павла:

„Лжеапостолы, лукавые дѣятели принимаютъ видъ апостоловъ Христовыхъ. И не удивительно, потому что самъ сатана принимаетъ видъ Ангела свѣта, а потому не великое дѣло, если и служители его принимаютъ видъ служителей правды; но конецъ ихъ будетъ по дѣламъ ихъ". (2 Кор. 11, 13, 14, 15). И лживое сѣмя, посѣянное г-мъ Бойченко, дало сторичный плодъ. Когда начальство стало оффиціально допрашивать по дѣлу о незаконномъ повѣнчаніи г-мъ Бойченко Захара Бородина и его незаконной сожительницы Серафимы Хариной, то эти брачующіеся отреклись отъ правды Божіей и обманули начальство, утверждая, что Бойченко не совершалъ надъ ними брака. При этомъ нѣкоторые Екатеринодарскіе баптисты, наученные г-мъ Бойченко безумствовать, тоже показали безумно, по примѣру блудствующихъ Бородина и Хариной, форменную ложь и явились, такимъ образомъ, не христіанами, а язычниками и не дѣтьми Божіими, какъ они любятъ хвалиться, а дѣтьми дьявола. Такими лжецами и клятвопреступниками показали слѣдующія лица: П. Шакуль, А. Кучерявый, Анна Кучерявая, Матрона Кривоколесская, Акилина Кучерявая. Но другіе, наоборотъ, показали предъ начальствомъ всю правду и выяснили, какъ на ладони, всѣ хитрости и плутни Григорія Бойченко. Это

слѣдующіе: Данцовъ, Михаилъ Бѣлецкій, Евдокія Конькова, Ѳеодосія Важинская, Владиміръ Овраменко, Димитрій Ермачъ и Сергѣй Маликовъ. Но замѣчательно, насколько г. Бойченко научилъ Екатеринодарскихъ баптистовъ лгать, что, напримѣръ, предсѣдатель Екатеринодарскаго совѣта Шакуль заявилъ начальству, что сожительство Захара Бородина съ Серафимой Хариной нисколько не противно и не вредно баптистскому вѣроученію. Выходитъ такъ, что баптистское вѣроученіе оправдываетъ явный блудъ... Всѣ эти показанія и все дѣло о незаконномъ повѣнчаніи г-мъ Бойченко Бородина и Хариной въ настоящее время находится въ рукахъ правительства и православнаго духовенства.

Какъ отъ Бога, такъ и отъ начальства, Богомъ поставленнаго, Григорій Бойченко получитъ возмездіе. Но мнѣ желательно указать причину, за что Бойченко обозлился на меня и отлучилъ меня отъ баптистской общины Екатеринодарскихъ лицемѣровъ—Шакуля, Кучеряваго, Павлусенко, Иваненко, Семенова и имъ подобныхъ религіозныхъ фарисеевъ.

Г. Бойченко, какъ старшій братъ и пресвитеръ, предложилъ нѣкоторымъ членамъ баптистской общины, а въ томъ числѣ и мнѣ, вопросъ:—„можно-ли сочетать бракомъ Захара Бородина и сожительницу Харину?“. На этотъ вопросъ я отвѣчалъ: „Дѣло грязное, и намъ „святымъ“ не слѣдовало бы вмѣшиваться въ него. А ты, Григорій Акимовичъ, смотри въ оба, потому что будетъ соблазнъ между братьями и тебѣ грозитъ опасность“. Г. Бойченко на это отвѣчалъ: „А вы должны написать и подписать протоколъ“. Я спросилъ: „А для чего тебѣ протоколъ, если это дѣло дойдетъ до властей, то нашъ протоколъ не можетъ помочь“. Тогда Бойченко сказалъ: „Протоколъ мнѣ вотъ въ чемъ поможетъ: когда меня посадятъ въ тюрьму, то вы должны моихъ жену и дѣтей кормить“.

Отсюда видно, что г. Бойченко прекрасно самъ зналъ, что онъ дѣлаетъ незаконное дѣло, сочетая незаконнаго мужа съ его блудницей. Зналъ онъ также и о томъ, что посредствомъ этого незаконнаго бракосочетанія онъ надѣваетъ на себя тюремный хомутъ. Когда я протестовалъ на засѣданіи противъ вышеуказанныхъ словъ Бойченко, то онъ уда-

лилъ меня изъ совѣта. Я тогда же заявилъ, что и самъ не могу оставаться въ такомъ незаконномъ засѣданіи.

Вскорѣ послѣ этого въ домѣ родителей Захара Бородина г-нъ Бойченко тайно сочеталъ его съ Серафимой Хариной, такъ что мало кто изъ членовъ общины и зналъ объ этомъ. Тутъ же между членами общины распространился слухъ, что г. Бойченко неправильно поступилъ и что какъ бы не пришлось сидѣть въ тюрьмѣ. Обозленный Бойченко, думая, что эти слухи распространяю я, пригрозилъ мнѣ местью. — „Я не боюсь ничего — говорилъ онъ мнѣ при свидѣтеляхъ. — У меня есть бумага на бракъ Бородина съ Хариной. Я даже спрашивалъ у Дѣя Ивановича Мазаева объ этомъ, и онъ сказалъ, что можно вѣнчать". Послѣ этого г. Бойченко сталъ употреблять надъ многими братьями насиліе, требуя отъ нихъ, чтобы они запретили мнѣ проповѣдывать и участвовать въ хорѣ. Я протестовалъ противъ этого и публично заявилъ г-ну Бойченко, что если я не имѣю права проповѣдывать, то тѣмъ болѣе Бойченко, потому что онъ, Бойченко, былъ уличенъ въ гор. Ростовѣ въ прелюбодѣяніи. Этого г. Бойченко не могъ мнѣ простить и 1 января на собраніи, когда я отсутствовалъ, настоялъ, чтобы я былъ исключенъ изъ общины „на строгихъ основаніяхъ". Такъ вотъ они, эти „строгія основанія". Г-нъ Бойченко, какъ самъ прелюбодѣй, принимаетъ въ общину прелюбодѣевъ, а Кнышъ является отвѣтственнымъ за ложь, несправедливость и фарисейство г-на Бойченко, дѣлающаго всякія мерзости, а на собраніяхъ во время своихъ глупыхъ проповѣдей проливающаго хитрыя, лукавыя крокодиловы слезы.

Это-ли не наглая безсовѣстность со стороны Бойченко и его неразумныхъ лживыхъ приспѣшниковъ, что я пошелъ противъ неправды г-на Бойченко, а они пишутъ въ журналѣ „Баптистъ", что противъ ученія Христа. Да развѣ Бойченко есть Христосъ?.. Это всесвѣтный возмутитель, который и въ въ Ростовѣ дѣлалъ много зла до прелюбодѣянія включительно, и тутъ своими грязными руками прикасается къ святому дѣлу и мажетъ его своего нечистоплотностью.

Въ своемъ глупомъ „предостереженіи" члены „Екатеринодарскаго" баптистскаго „Совѣта" пишутъ:

„Желаемъ всѣмъ братьямъ всякаго мира и благословенія отъ Господа".

Зачѣмъ-же господа, члены совѣта, вы такъ лжете и лицемѣрите?.. Желаете всѣмъ мира, а сами вносите раздоръ въ нашу жизнь. Желаете „благословенія отъ Господа", а сами ненавидите, говорите неправду, злобствуете противъ неповинныхъ людей. Считаете себя „святыми", а сами терпите въ своей средѣ лжеца и прелюбодѣя Бойченко, да и другихъ блудниковъ снова къ себѣ принимаете. Неправильно доносите всему міру, что Кнышъ пошелъ противъ ученія Христа, а сами за кѣмъ идете?.. Не за тѣмъ-ли, который былъ „человѣкоубійцей" отъ началъ и не устоялъ въ „истинѣ". Хороши вы „святые", вмѣстѣ съ прелюбодѣемъ Бойченко, поступающіе хуже злыхъ язычниковъ.

Въ настоящемъ письмѣ я сказалъ одну правду и боюсь только одного Бога. А Бойченко пусть обратится къ Слову Божію и пусть пойметъ, насколько онъ подло, лживо и безчестно поступаетъ и какъ онъ далекъ отъ Христовой истины. Поистинѣ оправдывается и на немъ, и на его лживыхъ и лицемѣрныхъ приспѣшникахъ Слово Священнаго Писанія:

— „Нѣкоторые уклонились въ пустословіе, желая быть законоучителями, но не разумѣя ни того, о чемъ говорятъ, ни того, что утверждаютъ" (1 Тим. 1. 7). Да будетъ же тебѣ стыдно предъ лицемъ Христовой правды за всю твою неправоту и фарисейское лицемѣріе. Я же отряхаю прахъ отъ своихъ ногъ и не желаю имѣть съ тобою ничего общаго согласно Слову Божію:

— „Выйдите изъ среды ихъ и отдѣлитесь, говоритъ Господь, и не прикасайтесь къ нечистому" (2 Кор. 6, 17).

Г. Кнышъ.

Открытое пиьмо креетьянина Бойко православнымъ христіанамъ о томъ, какъ онъ совратилея въ баптизмъ и позналъ потомъ ложь этого ученія.

— „Я—крестьянинъ Алексѣево-Орловской волости, Таганрогскаго Округа, Евѳимій Даниловъ Бойко. Въ 1906 г., когда мнѣ исполнилось 18 лѣтъ, я переѣхалъ изъ своей деревни въ Ростовъ н/Д. и вскорѣ поступилъ кучеромъ къ одному зажиточному хозяину. Прожилъ я на мѣстѣ около двухъ недѣль и вижу, что хозяева жалѣютъ меня, какъ своего сына. Одно меня смущало: хозяева говорятъ по-русски, вспоминаютъ часто имя Господа нашего Іисуса Христа, а сами не крестятся, въ домѣ не имѣютъ иконъ и, не смотря на Великій постъ, ѣдятъ мясо. Подходитъ праздникъ Пасхи. Хозяинъ и говоритъ мнѣ: „Евфимъ! Сегодня—пятница; пойдемъ въ баню. Я согласился. Когда мы раздѣлись, хозяинъ увидѣлъ у меня на шеѣ крестъ и говоритъ: „Скажи, пожалуйста, Евфимъ, какую онъ тебѣ приноситъ пользу, — только шею третъ".— А почему-же крестъ носятъ всѣ православные христіане— отвѣтилъ я.—„Они—люди темные и не знаютъ Писанія, а въ Писаніи запрещено поклоняться кресту".— Ну хорошо, сказалъ я, можно крестъ и продать.—„Какой-же ты послѣ этого будешь христіанинъ?—замѣтилъ хозяинъ.—Слово Божіе говоритъ: чего не желаешь себѣ, того не желай и другимъ". Послѣ этого снялъ съ меня крестъ и бросилъ его въ отхожее мѣсто, а меня началъ водить въ собранія баптистовъ, гдѣ онъ былъ старшимъ пресвитеромъ. По своей юности и темнотѣ, я увлекся сладкими рѣчами и жалобными напѣвами баптистовъ и принялъ ихъ крещеніе. Такими хорошими и добрыми показались мнѣ новые мои братья. И цѣлыхъ пять лѣтъ пребывалъ я въ ихъ средѣ. Благодареніе Господу, скоро открывшему мнѣ глаза, постепенно сталъ я замѣчать,

что благочестіе и набожность баптистовъ—лицемѣрныя и наружныя. Они, по слову Апостола, „имѣли только видъ благочестія, силы же отверглись“ (2 Тим. 3, 5). Обвиняя православное духовенство въ томъ, что оно за свой трудъ получаетъ вознагражденіе, сами на своихъ собраніяхъ обременяли членовъ всякими общинными взносами и своимъ пресвитерамъ и проповѣдникамъ выдавали большое жалованье. Изображая изъ себя людей трезвыхъ, баптисты не прочь сами покутить въ ресторанахъ и прокатиться на автомобиляхъ... Проповѣдуя цѣломудріе и воздержаніе, въ то же время баптисты бросали своихъ законныхъ женъ и вступали въ связь съ посторонними женщинами. И кто-же это дѣлалъ? Не рядовые только братья, а самъ—пресвитеръ баптистовъ Вотъ до чего доходитъ двуличіе и фарисейство баптистовъ, такъ жалобно распѣвающихъ свои псальмы.

Разочаровавшись въ ростовской общинѣ, я въ 1911 году переѣхалъ въ Одессу, гдѣ поступилъ на работу по ремонту дома въ 120 тысячъ рублей—пресвитера Макаренко. Работа была очень тяжелая; я надорвался, заболѣлъ и слегъ въ больницу, гдѣ и пролежалъ 19 дней. Выписавшись изъ больницы, ослабѣвшій силами, нищій и убогій, я обратился къ пресвитеру Макаренко съ просьбой—занять мнѣ пять рублей. Но Макаренко, со слезами говорящій на собраніяхъ о помощи бѣднымъ, сухо мнѣ отвѣтилъ: „у меня не заемный банкъ“. Слава Богу, вразумившему меня обратиться въ одесскій епархіальный домъ. Здѣсь меня согрѣли и по-христіански обласкали, какъ заблудшаго брата. Здѣсь я только понялъ, какой тяжелый грѣхъ взялъ на свою душу, оставивъ родную Православную Церковь. Со слезами и чувствомъ искренняго раскаянія обратился блудный сынъ къ одесскому владыкѣ, который и разрѣшилъ принять меня снова въ Православную Церковь.

Все это написалъ я, дорогіе братья и сестры, не ради пустого тщеславія, а дабы предостеречь васъ отъ волковъ въ овечьихъ шкурахъ. „Не всякому духу вѣрьте, но испытывайте: отъ Бога-ли они, потому что много ложныхъ пророковъ появилось въ мірѣ (I Іоанн. IV, I). Истину вамъ говорю: всѣ вожаки сектантовъ — Мазаевы, Бойченки, Фетлеры, Одинцовы, Павловы, Макаренки и другіе—только совращаютъ

православныхъ на путь погибели. Зорко слѣдите за ними и не поддавайтесь льстивымъ рѣчамъ лицемѣровъ. Молитесь и за меня Господу Богу, чтобы Онъ утвердилъ меня въ вѣрѣ, въ любви, въ кротости и смиреніи. Мое неизмѣнное желаніе—принести возможную пользу Св. Православной Церкви. И потому не буду пребывать въ молчаніи, но имѣю намѣреніе обличать и увѣщевать баптистовъ, выставляя на видъ ихъ ложное благочестіе. Если кто изъ православныхъ пожелалъ бы мнѣ написать, то обращайтесь въ Ростовъ н/Д, въ Ротонду, гдѣ я нахожусь.

Присоединившійся къ прав. церкви
Евфимъ Даниловъ Бойко.

Правда о духоборахъ.

(Предисловіе автора).

Петръ Веригинъ во время своей поѣздки въ Россію, при помощи Ивана Трегубова и другихъ довѣрчивыхъ людей, помѣстилъ нѣсколько статей въ русскихъ газетахъ, гдѣ восхваляетъ общину канадскихъ духоборовъ, высказывая, что община вытекаетъ изъ религіознаго міровоззрѣнія и что она управляется комитетомъ выборныхъ духоборовъ, и что онъ, Веригинъ, обыкновенный членъ духоборской общины и такъ далѣе.

Люди, интересующіеся духоборскимъ вопросомъ, читаютъ сіи статьи съ восхищеніемъ, завидуя общинѣ духоборовъ, и не замѣчаютъ, что они имѣютъ ложное представленіе о духоборахъ.

Мы же, сибирскіе духоборы, прочитавъ сіи статьи, увидѣли, что тамъ мало правды, а больше лжи, а потому почли своимъ долгомъ вывести публику изъ заблужденія и, чтобы возстановить истину, рѣшили описать всю правду, не скрывая того, что всегда скрываютъ духоборы отъ постороннихъ людей.

* * *

Скажемъ, хотя вкратцѣ, о духоборскомъ руководителѣ Петрѣ Васильевичѣ Веригинѣ. Чтобы лучше уяснить происхожденіе и воспитаніе Петра Веригина, я начну съ его отца. Отецъ его, Василій Веригинъ, жилъ въ селѣ Славянкѣ въ Елисаветпольской губерніи. Будучи одинъ сынъ у своего отца, онъ, по смерти его, получилъ немалое наслѣдство: нѣсколько десятковъ тысячъ рублей денегъ и богатое хозяйство,—нѣсколько тысячъ барановъ и много лошадей и рогатаго скота. Василій Веригинъ имѣлъ семь сыновей и двѣ дочери. Какъ самъ Василій Веригинъ, такъ и всѣ сыновья его очень большого роста, и отличаются особенной физической силой, а еще болѣе они отличаются своей гордостью

и властолюбіемъ. А такъ какъ всѣ духоборы занимаются сельскимъ хозяйствомъ и ведутъ самый простой образъ жизни, то Веригинъ со своими сыновьями не находили равныхъ себѣ среди духоборовъ. Имъ приходилось искать друзей на сторонѣ. Вокругъ Славянки живетъ очень много кавказскихъ татаръ, самое отчаянное племя, которые часто производятъ покражи и грабежи. Среди тѣхъ татаръ есть много потомственныхъ мелкихъ князей, которые владѣютъ землей, какъ и всѣ русскіе помѣщики, и всѣ тѣ татары, которые живутъ на княжеской землѣ, находятся въ полномъ подчиненіи у тѣхъ князей, чья земля. Василій Веригинъ со своими сыновьями считали себя равными татарскимъ князьямъ, а потому они вели съ ними самую близкую дружбу, приглашая ихъ къ себѣ въ гости, и сами очень часто бывая у нихъ. У татаръ вообще многоженство, въ особенности среди князей, а на подчиненныхъ имъ людей князья смотрятъ, какъ на рабочій скотъ и за малыя сопротивленія жестоко наказываютъ ихъ. В. Веригинъ съ сыновьями, вращаясь въ кругу татарскихъ князей, охотно усваивали себѣ тѣ же пріемы, которые не замедляли осуществлять на дѣлѣ. Однажды В. Веригинъ былъ выбранъ волостнымъ старшиной, и онъ сразу настолько поработилъ подчиненныхъ ему людей, что они не разъ раскаивались, что выбрали сами для себя палача. Онъ безъ плети не выходилъ никуда изъ дому. Какъ кто сказалъ слово не по немъ, такъ плетью черезъ лобъ. Кто, не видя его, не скинетъ шапки и не поклонится ему,—тоже плетью. Разъѣзжая верхомъ по селу, противъ чьего дома увидитъ пустячную нечистоту,—позоветъ хозяина дома, и—плетью. До того дошло, что стали прятаться люди, когда онъ ѣдетъ по улицѣ, и очень были рады всѣ, когда онъ кончилъ срокъ своей службы.

Такъ мнѣ разсказывали старички, жившіе въ селѣ Славянкѣ, когда я съ ними зимовалъ въ Александровской тюрьмѣ на пути въ Якутскъ. Самъ В. Веригинъ былъ безграмотный. Старшіе сыновья — Иванъ, Ѳеодоръ, Прокофій и Лукьянъ мало жили дома. Они болѣе находились со скотомъ въ горахъ между татаръ. Всѣ они хорошо могутъ говорить по-татарски, и всѣ они славились особенной храбростью. Ружье и палка было любимое ихъ занятіе. Какъ ни отчаян-

ны кавказскіе татары, но Веригиныхъ сыновей они боялись. Гдѣ находились со скотомъ Веригины, никто не осмѣлился приблизиться, въ особенности ночью, а если кто приблизится, хотя нечаянно,—то не проси милости. Это разсказывали мнѣ сами старшіе сыновья Веригины въ той же тюрьмѣ. Они съ наслажденіемъ разсказываютъ про свои многочисленные подвиги и придаютъ имъ особое значеніе. А меньшихъ трехъ сыновей,—Василія, Петра и Григорія В. Веригинъ задумалъ выучить грамотѣ, подготовляя ихъ къ коммерческимъ дѣламъ. Онъ нанималъ учителя и училъ ихъ дома у себя. Какъ только сыновья Веригина научились читать и немного писать, то отецъ ихъ думалъ, что они получили полное образованіе и потому не сталъ болѣе учить ихъ, и какъ только они подросли, то Веригинъ завелъ торговлю: открылъ въ своемъ селѣ лавку съ краснымъ товаромъ. Меньшій сынъ, Григорій, былъ еще молодъ, а главными торговцами были Василій и Петръ. Поторговавъ не долгое время, отецъ захотѣлъ провѣрить торговлю. При провѣркѣ въ лавкѣ оказались большія нехватки въ товарѣ. При дознаніи отца оказалось, что грамотные сыновья, по примѣру татарскихъ князей, вели обширное знакомство съ женщинами и дѣвушками... Еще у Веригина есть зять Иванъ Конкинъ*), также грамотный. Они составили компанію съ сыновьями Веригина и начали покупать овечью шерсть у своихъ односельчанъ и продавать съ пользой. Но на этотъ разъ они ужъ не хотѣли проторговаться, а хотѣли наверстать и то, что проторговали раньше, но опять потерпѣли неудачу въ торговлѣ. Старшихъ 4-хъ сыновей В. Веригинъ видѣлилъ. Они вели каждый свое хозяйство отдѣльно отъ отца. А грамотные сыновья Веригина были неспособны ни къ скотоводству, ни къ хозяйственнымъ работамъ, да и въ торговлѣ имъ какъ то не удавалось, а потому богатство В. Веригина съ каждымъ днемъ стало незамѣтно истекать и черезъ недолгое время дѣдовское наслѣдство приходило къ концу. Но грамотные сыновья Веригина, несмотря ни на что, продолжали чисто одѣваться, умываться пахучимъ мыломъ и аккуратно причесывать волосы, а потому по наружности казались много красивѣе и деликатнѣе противъ другихъ

*) Женатъ на сестрѣ Веригина, Варварѣ Васильевнѣ. (А. Ч.).

чернорабочихъ мужиковъ, которые ходятъ въ простой одеждѣ, съ загорѣлыми лицами.

У духоборовъ издавна существовалъ общественный сиротскій домъ съ большими капиталами и богатымъ хозяйствомъ. Въ то время, какъ сиротскимъ домомъ, а также всѣми духоборами управляла духоборская руководительница, вдова Лукерья Васильевна Калмыкова, которая обладала рѣдкимъ умомъ и особеннымъ добродушіемъ, а потому управленіе ея было настолько разумно, что ее любили не только всѣ духоборы, но и всѣ посторонніе люди, которые знали ее. Въ описываемое нами время Лукерья В. Калмыкова пріѣзжала въ село Славянку; послѣ ея посѣщенія П. В. Веригинъ, оставивъ жену и маленькаго сына, уѣхалъ въ село Горѣлое къ Л. В. Калмыковой и съ тѣхъ поръ въ теченіе пяти лѣтъ П. В. жилъ въ сиротскомъ домѣ, не занимая никакой опредѣленной должности. Всѣ порядки велись по старому установленію Лукерьи Васильевны, а потому нельзя было узнать, какого характера Петръ Васильевичъ, хотя придворные Лукерьи Васильевны говорили очень много нехорошаго о его домашнемъ поведеніи, но имъ никто не вѣрилъ, потому что всѣ видѣли П. В. всюду разъѣзжающимъ вмѣстѣ съ Лукерьей Васильевной.

Но по смерти Л. В., несмотря на то, что Л. В. при живости не оставила никакого духовнаго завѣщанія и словесно не утвердила его на свое мѣсто, Веригинъ сразу началъ оказывать свою власть. Еще при погребеніи Л. В. онъ распоряжался надъ людьми, за что всѣ приближенные Л. В. сразу возстали противъ него. Духоборы на столько были перепуганы неожиданной смертью Л. В., что не знали, что имъ и дѣлать. Они такъ привыкли жить подъ ея покровительствомъ, что имъ казалось, что безъ нея и жить нельзя. Они невольно думали, кто бы замѣнилъ ея мѣсто. Они задавали другъ другу вопросы: „Кто же у насъ будетъ вмѣсто Л. В.?“ А другіе говорили: „Да, навѣрно, П. В.: онъ что то смѣло распоряжается. Можетъ, ему Л. В. приказала управлять нами, да можетъ, онъ для того и взятъ въ сиротскій домъ“. А нѣкоторые приходили къ самому П. В. и спрашивали его, кто долженъ занять мѣсто Лукерьи Васильевны. П. В. прямо не говорилъ, что онъ, а только дѣлалъ доводы.

Онъ заявлялъ имъ пророчески, что вотъ приходитъ время второго пришествія Христова и наступаетъ день страшнаго суда его, а потому вы должны молиться Богу, чтобы Богъ далъ вамъ разумѣніе познать Христа, явившагося къ вамъ во плоти, и еще много говорилъ въ этомъ родѣ. Духоборы эти слова его разносили всюду и толковали кто какъ попалъ. Вокругъ П. В. скоро образовался кружокъ людей, которые внушили всѣмъ духоборамъ, что они знаютъ именно, что П. В.—Христосъ. Одни изъ нихъ говорили, что слышали, что Л. В. говорила, что П. В. будетъ судить весь міръ, а другіе говорили, что они видѣли чудо, сотворенное Петромъ Васильевичемъ, а одному старику, Савелію Чулкову, было приказано говорить народу, что онъ помнитъ день рожденія П. В. Будто онъ, Чулковъ, въ то время былъ въ селѣ Славянкѣ, и въ ту ночь, когда родился П. В., онъ видѣлъ, какъ звѣзда съ неба упала на домъ Веригина и разсыпалась и будто ему, Чулкову, было сказано, что родился Христосъ и приказано молчать до времени, а теперь пришло время говорить. Старикъ и сейчасъ живъ въ Канадѣ и теперь разсказываетъ духоборамъ объ упавшей звѣздѣ на домъ Веригина.

Изъ всего этого видно, что въ то время духоборы находились въ такомъ настроеніи, что П. В-чу не надо было имѣть особаго разума и большой энергіи, чтобы сдѣлаться вождемъ духоборовъ, а ему надо было только одно, это—подавить голосъ совѣсти, чтобы онъ не обличалъ его въ притворной святости. Это ему удалось. Властолюбіе одержало побѣду надъ совѣстью.

II.

Первое поклоненіе Веригину произошло въ нашемъ селѣ Богдановкѣ. Я все это помню какъ сейчасъ. Мнѣ тогда было 17 лѣтъ. У духоборовъ были установлены трехдневные праздники, въ каждомъ селѣ въ разное время. Въ то село, гдѣ былъ праздникъ, съѣзжались со всѣхъ селъ родственники и знакомые. Часто приглашали на праздникъ Лукерью Вас-ну и другихъ живущихъ въ сиротскомъ домѣ. Въ нашемъ селѣ, Богдановкѣ, праздновался новый годъ. Вскорѣ послѣ

смерти Лукерьи Васильевны наступилъ нашъ праздникъ. Наши старики по обыкновенію послали двухъ человѣкъ пригласить живущихъ въ сиротскомъ домѣ, а болѣе П. В. На другой день пріѣхалъ П. В. въ наше село въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ мужчинъ, его прислужниковъ. А такъ какъ духоборы въ то время пили еще водку, то самъ П. В. и его прислужники пріѣхали полупьяными, потому они были очень смѣлы и веселы. П. В. заѣхалъ въ тотъ домъ, куда заѣжала Л. В. Туда собирались люди со всего села. Я все время присутствовалъ при П. В., зорко слѣдилъ за каждымъ его словомъ и движеніемъ. Наши сельчане приглашали пріѣзжихъ въ гости, каждый къ себѣ въ домъ. П. В. держалъ себя совсѣмъ отдѣльно отъ другихъ людей. Онъ былъ очень распорядителенъ и показывалъ видъ, что въ немъ что-то есть и люди должны просить его. Онъ придумывалъ разныя шутки и черезъ прислужниковъ давалъ понять народу, что это онъ творитъ чудо. Первымъ долгомъ онъ приказалъ своимъ прислужникамъ снять овчинныя шубы и выворотить ихъ на обратную сторону, вверхъ шерстью, и надѣть на себя и такъ ходить по селенію, что было моментально исполнено. Старики истолковывали эти чудеса всякъ по-своему. Одни изъ нихъ говорили, что это чудо противъ малой партіи, которая не признала его святости. Это онъ показываетъ, что онъ можетъ ихъ выворотить, какъ шубу, и силой заставить покориться ему. А другіе говорятъ, что это онъ показываетъ, что онъ будетъ судить весь міръ и установитъ новую жизнь въ другомъ видѣ и т. д. Перейдя въ другой домъ, П. В. началъ задавать людямъ непонятные для нихъ вопросы.

Въ нашемъ селѣ былъ очень набожный старичекъ, Вася Махонинъ. Онъ стоялъ неподалеку отъ П. В. П. В. подошелъ къ нему и громко спросилъ старика: „Скажи мнѣ, старикъ, если бы тебѣ понадобилось разрушать старый домъ, съ чего бы ты началъ ломать, съ крыши или со стѣнъ?“ Старикъ былъ перепуганъ неожиданнымъ вопросомъ, упалъ на землю, кланяясь П. В. и прося его пояснить заданный вопросъ. Это былъ первый поклонъ Веригину. Черезъ миниту П. В. приказалъ старику встать. Старикъ, вставая, наклонился поцѣловать П. В. руку. Я замѣтилъ, что лицо П. В. очень покраснѣло, и онъ какъ будто сконфузился.

Очевидно совѣсть обличила его, и онъ, не отнимая руки отъ губъ старика, окинулъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ. Видя, что всѣ смотрятъ съ благоговѣніемъ, онъ успокоился и поблагодарилъ старика. Послѣ этого всѣ слѣдовали примѣру старика Махонина. Перейдя еще въ другой домъ, П. В. хотѣлъ было показать еще новое чудо, да какъ то дѣло не не вышло ладомъ. Онъ шумнулъ: „Подайте мнѣ дѣвку". Но прислужники не поняли его. Захватили первопопавшуюся молодую женщину и привели къ нему, за что П. В. осердился и выругалъ приведенную женщину и прислужниковъ и объяснилъ, что онъ словомъ дѣвка хотѣлъ сказать что-то другое, очень важное. Я слышалъ разговоръ стариковъ: „Это онъ проситъ отъ насъ дѣло, а они не поняли и притащили женщину". И еще П. В. продѣлывалъ много шутокъ въ этомъ родѣ, а на другой день П. В. съ прислужниками уѣхалъ домой. Наши сельчане очень рады были, что они первые поклонились Христу, и объ этомъ слухъ распространился по всѣмъ селамъ.

У духоборовъ принято черезъ 6 недѣль поминать покойниковъ. Вскорѣ послѣ новаго года подошло время поминать Лукерью Васильевну. Въ село „Горѣлое", гдѣ былъ сиротскій домъ, собралось очень много духоборовъ. И были посторонніе люди, и была Ахалкалакская полиція. Когда духоборы окончили всѣ поминальные обряды и по обыкновенію пообѣдали, и послѣ обѣда собрался весь народъ въ одно мѣсто, тогда П. В. вышелъ и сталъ передъ народомъ, какъ вождь, ожидая поклона; тогда всѣ духоборы, за исключеніемъ малой партіи, упали на землю и поклонились П. В. Этотъ общій поклонъ былъ утвержденіемъ П. В. на мѣсто освященное еще духоборскими предками. А разъ онъ завладѣлъ этимъ мѣстомъ, то власть его надъ духоборами стала безгранична и поведеніе безконтрольно.

Родственники Л. В., родной братъ Михаилъ Губановъ и дядя Игнатій Губановъ, а также Алексѣй Зубковъ, прослужившій 25 лѣтъ волостнымъ старшиной у духоборовъ, и всѣ тѣ люди, которые управляли общественными дѣлами при живности Л. В. и жившій въ сиротскомъ домѣ, всѣ они очень не любили П. В. Имъ очень не нравилась его пятилѣтняя жизнь въ сиротскомъ домѣ, а потому они всѣми

силами старались не допустить его до управленія духоборами, и когда они увидѣли, что большинство духоборовъ на сторонѣ П. В., и что они сами не могутъ ничего сдѣлать, то они донесли правительству, что П. В. выдаетъ себя за Христа и хочетъ завладѣть деньгами и имуществомъ, оставленнымъ Лукерьей Васильевной. Они представили брата Л. В., Михаила Губанова, какъ законнаго наслѣдника, имѣющаго право на имущество покойной его сестры Л. В. А большая Веригинская партія духоборовъ заявила правительству, что сиротскій домъ и имущество все принадлежитъ обществу духоборовъ и что они хотятъ поставить за управителя П. В., и потому дѣло о сиротскомъ домѣ перешло въ судъ. А такъ какъ изъ-за П. В. и шла тяжба между двумя партіями духоборовъ, то правительство сначала предложило П. В. уѣхать на родину въ Елисаветпольскую губернію, село Славянку, а духоборамъ приказали, чтобы они выбрали себѣ другого управителя по желанію обѣихъ партій. Но Веригину, какъ видно, не хотѣлось уѣзжать на родину... Дѣдовское богатство было прожито, и ему на родинѣ пришлось бы работать. За неисполненіе требованія правительства П. В. сначала посадили въ тюрьму, а потомъ сослали въ Архангельскую губернію. Одновременно съ П. В. еще было выслано 5 человѣкъ передовыхъ людей изъ большой партіи. Большинство духоборовъ, питая непримиримую злобу къ той части духоборовъ, которые не повѣрили тому, что П. В. Христосъ и старались не допустить его быть вождемъ, всѣми силами старались отомстить имъ всѣмъ, чѣмъ могли. Ссылаясь на распоряженіе Веригина, бывшаго въ ссылкѣ, духоборы большой партіи собрались всѣ въ назначенный день въ сиротскій домъ и самоуправно выбросили изъ дома всѣхъ живущихъ тамъ людей, не принадлежащихъ къ ихъ партіи, и, не смотря на правительство, завладѣли сиротскимъ домомъ. Но духоборы изъ малой партіи, узнавъ объ этомъ, донесли правительству, которое помѣшало большой партіи исполнить приказъ П. В., послѣ чего въ село Горѣлое (гдѣ былъ сиротскій домъ) правительство прислало солдатъ для охраны сиротскаго дома отъ большой партіи и для усмиренія послѣдней. Солдаты самоуправно брали всѣ продукты отъ духоборовъ большой партіи. Послѣ

этого духоборы большой партіи прекратили всякое сношеніе съ малой партіей; они не здоровались съ ними и не разговаривали, и если у кого была жена, не признававшая святости П. В., такихъ женъ прогоняли изъ дому; пусть онѣ идутъ въ малую партію, хотя бы у нихъ было много дѣтей, а тѣ жены, которыя жили въ малой партіи и признавали святость П. В., тѣ должны были бѣжать отъ своихъ невѣрующихъ мужей въ большую партію. Умершихъ не хоронили на одномъ кладбищѣ. Духоборы большой партіи, ссылаясь на приказанія П. В., запирали кладбища и выходили навстрѣчу, когда несли покойника изъ малой партіи, и не пускали ихъ на кладбища. Объ этомъ донесли правительству. Правительство выслало стражниковъ, которые разгоняли духоборовъ большой партіи, карауливщихъ кладбище, ломали замки на воротахъ кладбища и хоронили покойниковъ.

А у тѣхъ мужей изъ большой партіи, которые прогоняли своихъ женъ, правительство приказало оцѣнить ихъ имущество и выдавать на прокормъ ихъ женамъ и дѣтямъ; а тѣхъ женъ, которыя убѣгали отъ своихъ мужей изъ малой партіи въ большую, правительство силой водворяло ихъ въ семьи. Каждый день были новые разводы мужей съ женами. Нашлись цѣлыя сотни осиротѣвшихъ дѣтей. Вездѣ были слышны слезныя рыданія и проклятія. Всѣ духоборы со слезами вспоминали мирную и спокойную жизнь, прожитую ими при покойной Лукерьѣ Васильевнѣ.

Духоборы большой партіи называли духоборовъ малой партіи жидами и христопровдацами за то, что они отвергли Веригина, а сиротскій домъ, вмѣсто прежняго названія—городъ Іерусалимъ, когда Петра Васильевича не стало тамъ, они стали называть городомъ Вавилономъ, а живущихъ въ немъ—халдеями. Такимъ образомъ, П. В. поселилъ вѣчную злобу между двумя партіями духоборовъ. Между ними завязалась тяжба изъ-за сиротскаго дома и изъ-за П. В. Дѣло дошло до суда. Начальство пользовалось ихъ разстройствомъ, брало съ обѣихъ сторонъ и, такъ какъ общественныя деньги съ сиротскаго дома попали въ руки малой партіи, то они давали денегъ больше, чѣмъ большая партія, и по-

тому начальство притѣсняло болѣе большую партію: ставило имъ правительственныхъ старшинъ и присылало нѣсколько разъ солдатъ и казаковъ въ виду экзекуціи.

Петръ Васильевичъ приказалъ большой партіи нанять адвоката, который бы защищалъ ихъ сторону на судѣ и назначить повѣренныхъ. Главными повѣренными выступили братья П. В.—Иванъ и Василій Веригины и зять Веригина—Иванъ Конкинъ. Въ помощь было выбрано еще нѣсколько человѣкъ изъ среды духоборовъ. Главные повѣренные безпрестанно разъѣзжали на счетъ большой партіи. Они проживали большую часть времени въ городѣ Тифлисѣ и израсходовали нѣсколько десятковъ тысячъ рублей общественныхъ денегъ. А адвокаты были наняты съ обѣихъ сторонъ и согласно оттягивали духоборское дѣло, старались насколько можно больше вытянуть денегъ съ духоборовъ, такъ что духоборамъ большой партіи приходилось дѣлать денежные сборы чуть не каждый день. Тогда П. В. приказалъ духоборамъ большой партіи прекратить дѣло въ судѣ и отступить совсѣмъ отъ сиротскаго дома, объяснивъ имъ, что сиротскій домъ только тогда бы былъ дорогъ, когда была бы въ немъ Божья благодать, то есть тогда, когда бы онъ, Веригинъ, жилъ въ немъ, а теперь онъ ничего не стоитъ. И всѣ духоборы большой партіи охотно согласились забыть про сиротскій домъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ П. В. предупредилъ духоборовъ, чтобы они со страхомъ молились Богу и ожидали каждую минуту того времени, когда онъ, П. В., будетъ перечищать духоборовъ и отдѣлитъ вѣрующихъ отъ невѣрующихъ, и вѣрующимъ даруетъ вѣчную радость, а невѣрныхъ осудитъ на погибель. Духоборы, вставая утромъ рано, собирались молиться Богу, а потомъ разъѣзжались на полевыя работы. Вечеромъ, по возвращеніи съ работы, опять собирались на молитву. Кромѣ того, каждый у себя дома, стоя на колѣняхъ, со слезами молился, чтобы получить награды, обѣщанныя имъ Петромъ Васильевичемъ.

Самъ же П. В. половину времени своей ссылки жилъ въ городѣ Шенкурскѣ, Архангельской губерніи. Не видя конца въ общественныхъ деньгахъ, онъ велъ самый роскошный образъ жизни, занимая самую большую дорогую квар-

тиру и велъ знакомство съ богатыми людьми, съ уѣзднымъ исправникомъ и другими. Вокругъ него всегда было не мало своего народа, напримѣръ, постоянно жилъ Василій Объѣдковъ, а то пріѣзжали его родные братья и другіе его любимцы, и попеременно проживали тамъ... Съ Кавказа привели ему также трехъ самыхъ лучшихъ иноходныхъ жеребцовъ и хорошую верховую сбрую, сѣдло и другія принадлежности съ серебряной отдѣлкой, стоющія нѣсколько сотъ рублей, и еще ему отвезли хорошее ружье, стоющее 150 рублей, и шелковыя одѣяла, и много другихъ бездѣлушекъ. Когда П. В. катался по городу, то всѣ жители города любовались кавказскими рысаками *). Петръ Васильевичъ тамъ устраивалъ всевозможныя увеселенія и одновременно съ этимъ П. В. присылалъ посланниковъ и поучительныя письма, въ которыхъ говорилъ духоборамъ, что приблизилось царство Божье и предупреждалъ духоборовъ, что путь въ царство тѣсенъ и труденъ, усѣянъ терніемъ и шиповникомъ, но въ концѣ этого пути разстилаются поля вѣчнаго покоя, гдѣ ликуютъ ангелы, и потому онъ совѣтовалъ духоборамъ не жалѣть своего тлѣннаго имѣнія, а отдавать все во славу Божью. Одновременно съ этимъ П. В. назначилъ съ духоборовъ денежный сборъ стотысячнаго капитала. Этотъ сборъ онъ представилъ духоборамъ въ видѣ святыни, такъ чтобы каждый духоборъ долженъ былъ раздѣлить до копѣйки имѣющіяся у него деньги и половинную часть отдать въ распоряженіе П. В., а кто утаитъ хоть одну копѣйку, тотъ уподобится Лотовой женѣ и другимъ богоотступникамъ. Духоборы со страхомъ раздѣлили все до гроша и набралось денегъ болѣе ста тысячъ рублей. Сначала духоборы думали, что этотъ капиталъ замѣнитъ бывшій у нихъ когда-то сиротскій домъ, то-есть, будетъ служить для поддержанія бѣдныхъ, сиротъ и калѣкъ и такъ далѣе. Но на дѣлѣ вышло совсѣмъ не такъ. Деньги изъ того капитала расходовались на разныя

*) Всѣ эти подробности мы узнали отъ тѣхъ людей, которые подолгу проживали съ П. В. въ Шенкурскѣ, Пономарева и Объѣдкова, и отъ братьевъ Веригиныхъ, съ которыми находились въ Тифлисской тюрьмѣ. Они съ восторгомъ разсказываютъ всѣ мелочи изъ жизни П. В. въ Шенкурскѣ и придаютъ каждому его поступку особо важное значеніе. (В. П.).

прихоти... Кромѣ того, родные братья Веригина, и другіе его любимцы, разъѣзжали на эти деньги и много разъ ѣздили къ П. В., въ г. Шенкурскъ. Предполагалось, что если его отпустятъ изъ ссылки на Кавказъ, то онъ устроитъ свое постоянное мѣстожительство среди духоборовъ въ Карской области, въ селѣ „Терпѣніе", а потому онъ и приказалъ своимъ родителямъ и двумъ братьямъ, Василію и Григорію, переселиться изъ Елисаветпольской губерніи, въ село „Терпѣніе", гдѣ и велѣлъ выстроить себѣ дворецъ, стоющій нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Деньги же на постройку дворца тратили съ упомянутаго капитала, такъ что этого капитала не хватило, и пришлось духоборамъ дѣлать еще нѣсколько сборовъ. Стотысячный капиталъ у духоборовъ въ каждой губерніи хранился отдѣльно нерушимо, какъ святыня. Никто изъ простонародья не имѣлъ права прикасаться къ нему. Только Веригина фамилія не боялась расходовать тѣ деньги, а потому въ Карской и Елисаветпольской губерніяхъ, гдѣ были братья и отецъ Веригина, очень скоро кончили тѣ деньги, а въ Тифлисской губерніи среди духоборовъ не было никого изъ Веригиныхъ, а потому та часть стотысячнаго капитала, которая находилась у нихъ, уцѣлѣла до переселенія въ Канаду.

Братья Веригина, Иванъ и Василій, играли роль временныхъ намѣстниковъ его: Иванъ среди духоборовъ въ Елисаветпольской губерніи, а Василій въ Карской области, а къ духоборамъ, жившимъ въ Тифлисской губерніи, они пріѣзжали только по временамъ. Василій Веригинъ сильнѣе показывалъ свою власть надъ духоборами, во-первыхъ потому, что онъ грамотный, а во-вторыхъ потому, что онъ много разъ ѣздилъ къ П. В. въ Шенкурскъ и передавалъ важныя распоряженія отъ него, а потому его духоборы слушали безпрекословно. По его распоряженію духоборы выстроили ему большой домъ, въ которомъ онъ жилъ со своимъ семействомъ, и его родители и братъ съ семействомъ, и духоборы доставляли имъ деньги и продукты—все, что имъ было нужно. Василій Веригинъ разъѣзжалъ по селамъ въ сопровожденіи пѣвчаго хора, состоящаго изъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ и нѣсколькихъ мужчинъ. Въ то время духоборы пили водку, а потому, куда пріѣзжалъ В. В., туда

доставляли сотни бутылокъ пива и другихъ напитковъ. Однажды зять Веригина, Иванъ Конкинъ, пріѣхалъ отъ Петра Васильевича и передалъ духоборамъ, что П. В. совѣтуетъ ночью выходить на поля и молиться тамъ Богу; въ особенности не пропускать утреннюю зарю, такъ какъ въ то время Богъ раздаетъ таланты. Тогда Василій Веригинъ еще больше набралъ молодежи и по цѣлымъ ночамъ ходили по полямъ и изъ этого вышло безобразное распутство. А съ тѣми духоборами, которые говорили противъ него хоть одно слово, В. В. расправлялся по-своему. Вотъ примѣръ: у одного молодого духобора, Василія Ремезова, жена была въ хорѣ пѣвчихъ. В. В. постоянно бралъ ее съ собою собирать таланты и всюду возилъ съ собою. Однажды В. В. собирался ѣхать по селамъ и приказалъ, чтобы жена Ремезова ѣхала съ нимъ. Но Ремезовъ сказалъ женѣ своей, чтобы она не ѣхала съ В. В., потому что онъ понялъ, что В. В. ведетъ развратную жизнь. Объ этомъ донесли В. В. Онъ разсердился и приказалъ женѣ Ремезова собираться и ѣхать съ нимъ помимо воли мужа, а у самого Ремезова приказалъ связать назадъ руки и привязать крѣпко спиной къ задку кавказскаго фургона и приказалъ гнать быстро лошадей по мерзлой пашнѣ. Ремезова такъ сильно трясло, что онъ кричалъ, сколько было силъ, а послѣ той расправы онъ почувствовалъ внутри себя сильную боль, отъ которой мучался около двухъ лѣтъ и, попавъ въ тюрьму за сдачу ополченскаго билета, тамъ померъ... Такъ же В. В. поступилъ съ старикомъ Горьковымъ и со многимн другими.

Не меньшею властью пользовался зять Веригина, Иванъ Конкинъ. Онъ все то время разъѣзжалъ всюду на счетъ большой партіи. Его Петръ Васильевичъ посылалъ путешествовать съ полякомъ Ясинскимъ по Сибири до Владивостока. Въ то время въ Сибири не было желѣзныхъ дорогъ, а потому путешествіе Конкина и Ясинскаго стоило духоборамъ нѣсколько тысячъ рублей.

П. В. ожидалъ каждую минуту, что правительство его отпуститъ на волю, но правительство и не думало его отпускать. Когда кончился срокъ его ссылки, то ему еще прибавили.

Въ то время въ руки Петра Васильевича попали книжки послѣдняго сочиненія Льва Николаевича Толстого, гдѣ

было написано о преступности войны и объ отказѣ отъ воинской службы. Это чтеніе сильно повліяло на П. В. Онъ сразу сократилъ свою роскошь и всѣ приказанія его духоборамъ получили другое направленіе. П. В. вполнѣ основывался на ученіи Л. Н. Толстого, но только всѣми силами старался показать людямъ, что это онъ самъ выработалъ себѣ такія понятія*). Петръ Васильевичъ по своей природной натурѣ очень далекъ отъ человѣколюбія, но на языкѣ онъ старался показать себя человѣколюбивымъ. Онъ передалъ духоборамъ повелѣніе, чтобы они всѣ оставили пить водку и курить табакъ, черезъ недолгое время онъ передалъ, что нельзя лишать жизни человѣка и животныхъ, а потому онъ приказалъ не употреблять въ пищу мяса. Но ему было мало того, что онъ передалъ духоборамъ изъ ученія Л. Н. Толстого, ему еще хотѣлось самому придумать что-либо новое, чего еще никто никогда не дѣлалъ. Онъ приказалъ духоборамъ, чтобы никто изъ молодыхъ людей обоего пола не вступалъ въ бракъ, а находящимся въ супружествѣ велѣлъ измѣнить образъ супружеской жизни, то есть, жить съ женами, какъ братъ съ сестрой. Этимъ онъ доказывалъ чистоту брака и непорочность души, приказывая духоборамъ очиститься и приготовить себя для встрѣчи Христа, указывая на десять дѣвъ въ евангельской притчѣ. Но изъ этой его затѣи ничего хорошаго не вышло, кромѣ того, что духоборы большой партіи раздѣлились на двое: половина духоборовъ совсѣмъ отказалась отъ П. В. и отвергла и тѣ его приказанія, гдѣ онъ не велѣлъ пить водку, курить табакъ и ѣсть мясо, а потому эту половину Веригины называли „мясниками". Это тѣ духоборы, которые живутъ и теперь на Кавказѣ. А другая половина духоборовъ пыталась исполнять этотъ приказъ П. В., но картина получилась очень печальная. Они, подозрѣвая одинъ другого въ этомъ преступленіи и угрожая великимъ грѣхомъ, до того доходили,

---

*) Бывшіе тамъ въ то время духоборы разсказываютъ, что П. В. съ большимъ интересомъ читалъ имъ книжки сочиненій Л. Н. Толстого и объяснялъ, что Толстой очень великій человѣкъ. А какъ только П. В. вздумалъ проводить въ жизнь ученье Толстого, съ тѣхъ поръ ни разу не вспомянулъ о Толстомъ, а говорилъ какъ отъ себя. (В. П.).

что многихъ молодыхъ людей вызывали на преступленія. Тогда духоборы увидѣли, что приказъ П. В. для нихъ непосиленъ, а потому большинство духоборовъ, состоящихъ уже въ супружествѣ, оставили сей приказъ безъ послѣдствій, но большинство молодыхъ не вступали въ бракъ; все готовились для встрѣчи Христа по слову П. В. Послѣ того Петръ Васильевичъ еще много передалъ духоборамъ новыхъ неслыханныхъ ими наставленій. Всѣ посланники, пріѣхавшіе отъ П. В., разсказывали, что онъ говоритъ, что „вы, духоборцы, родъ избранный, истинные христіане, должны оставить все свое тлѣнное нажитіе. Вы не должны физически трудиться, а какъ истинные христіане должны работать духомъ, то есть, проповѣдывать евангеліе, а столъ съ яствами самъ по себѣ будетъ представленъ вамъ. На землѣ всего такъ много, что можно сто лѣтъ не работать, и тогда земля обновится и дастъ обильный плодъ, такъ что безъ труда можно будетъ питаться. Истинные христіане не должны держать у себя денегъ. Разъ на нихъ изображеніе кесарево, то должно ихъ отдать кесарю",—говорилъ П. В. А еще П. В. совѣтовалъ духоборамъ дать свободу всему существующему, то есть, освободить животныхъ отъ работы, пустить ихъ на свободу. Онъ попятился на семь тысячъ лѣтъ назадъ, совѣтуя духоборамъ взойти въ первобытное состояніе, жить такъ, какъ жили Адамъ и Ева. При этомъ разъяснилъ, что люди извращаютъ свою природу тѣмъ, что носятъ одежду и употребляютъ въ пищу болѣе культурное произведеніе, при семъ высказывая свои мнѣнія, что пища человѣка должна быть воздухъ, вода, фрукты и овощи, и въ заключеніе говорилъ, что если бы люди жили согласно его теоріямъ, то могли бы бѣжать такъ быстро, какъ бѣлка, и могли бы переплывать большія рѣки, какъ животныя, а также разсказывалъ духоборамъ, какъ онъ пробовалъ ѣсть мохъ, которымъ питаются сѣверные олени и говорилъ, что онъ ему показался вкуснымъ: значитъ, можно питаться дикимъ мхомъ. Всѣ преданные В. П. духоборы всѣ эти его наставленія очень близко принимали къ своему сердцу и считали себя обязанными во что бы то ни стало исполнить все, что говорилъ имъ П. В. Послѣ всего этого П. В. передалъ духоборамъ наставленія изъ ученія Л. Н. Толстого; посовѣтовалъ всѣмъ молодымъ

духоборамъ отказаться отъ военной службы и къ тому же прибавилъ изъ своего соображенія: приказалъ духоборамъ сжечь имѣющееся у нихъ оружіе. Духоборы, еще будучи въ разселеніи, пытались выполнять новыя заповѣди Петра Васильевича. Многіе переставали работать и бросали ѣсть молоко, яйца, медъ и даже чай, отъ чего многіе изъ нихъ поослѣпли и болѣли. Въ то время ихъ застало переселеніе въ Канаду, и они дали себѣ обѣщаніе, чтобы въ Канадѣ исполнить всѣ начатыя ими новыя веригинскія заповѣди. Незадолго передъ этимъ П. В., по распоряженію правительства, перевели изъ Архангельской въ Тобольскую губ., въ село Обдорскъ. Въ Обдорскѣ П. В. жилъ немного скромнѣе, даже иногда пробовалъ учиться работать, о чемъ очень много писалъ духоборамъ. Правительство не позволяло духоборамъ пріѣзжать въ Обдорскъ къ П. В., и потому П. В. въ то время разсылалъ очень много писемъ къ духоборамъ и постороннимъ людямъ, въ которыхъ говорилъ болѣе о духовномъ самосовершенствованіи, и въ каждомъ письмѣ онъ высказывалъ все новыя свои теоріи, которыя, не испытавши на себѣ, онъ приказывалъ исполнять духоборамъ. Онъ часто писалъ, не замѣчая, самъ противъ себя, то начиналъ отвергать грамотность, находя цѣлый рядъ вредныхъ послѣдствій отъ грамоты, а въ другихъ письмахъ пишетъ, что онъ очень радъ, что въ Канадѣ обязательное обученіе грамотѣ. Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ, что христіане не должны физически трудиться, а въ другихъ письмахъ онъ пишетъ, что гдѣ бы ни былъ человѣкъ, онъ долженъ трудиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ П. В. въ своихъ письмахъ хотѣлъ показать, что онъ образованный; для этого онъ руководствовался словаремъ русскихъ и иностранныхъ словъ, употребляемыхъ образованными людьми, а потому его письма были для духоборовъ не совсѣмъ понятны. Часто случалось, что написанное имъ иностранное слово, они понимали въ обратномъ смыслѣ или же совсѣмъ не понимали. П. В., передъ отъѣздомъ духоборовъ въ Канаду, вздумалъ назвать духоборскую общину— христіанской общиной всемірнаго братства, не испрашивая объ этомъ согласія духоборовъ. Онъ писалъ всюду письма, что духоборы получили новое названіе, а ужъ послѣ извѣстилъ объ этомъ и духоборовъ. Нѣкоторые изъ духобо-

ровъ, какъ болѣе развитые, сомнѣвались въ этомъ названіи; говорили, какое же тутъ всемірное братство, если мы не имѣемъ права говорить „здорово“ нашимъ братьямъ духоборамъ и даже родственникамъ, по приказанію того же П. В. А другіе говорятъ: „Не наше дѣло: Христосъ на престолѣ сидитъ и все новое творитъ“.

Еще въ то время, когда отказавшимся отъ службы духоборамъ объявили ссылку въ Сибирь, то многія изъ ихъ женъ, желая облегчить положеніе своихъ мужей, заявили свое желаніе идти въ Сибирь вмѣстѣ съ мужьями, но мужья имъ посовѣтовали не ходить, пока они не узнаютъ, можно ли жить въ Сибири съ семействами. Будучи въ Якутскѣ, духоборы узнали изъ писемъ, что кавказскіе духоборы переселяются въ Канаду, тогда всѣ ссыльные рѣшили посовѣтовать своимъ женамъ не уѣзжать въ Канаду и чтобы желающія пріѣхали къ нимъ въ Сибирь. Для этого они рѣшили изъ среды своей послать человѣка познакомить женъ съ сибирскою жизнью, и чтобы этотъ человѣкъ по пути непремѣнно заѣхалъ въ Обдорскъ къ П. В., посѣтилъ его и узналъ его мнѣніе по этому вопросу. Поѣздка эта угрожала опасностью въ томъ, что ѣхать приходилось безъ разрѣшенія правительства и безъ паспорта, а потому каждую минуту надо было ожидать, что задержатъ и—снова тюрьма и одиночная ссылка въ болѣе отдаленныя мѣста Сибири.

По назначенію общества, ѣхать пришлось мнѣ. Въ Обдорскѣ пароходъ остановился въ 9 часовъ вечера. Берегъ, гдѣ собралось много народу для встрѣчи парохода, былъ освѣщенъ фонарями. Я еще съ парохода увидѣлъ Петра Васильевича. Я, сойдя съ парохода, пошелъ ближе и далъ ему понять взглядомъ, и онъ догадался и пошелъ за мною. Отойдя дальше отъ парохода, мы поздоровались и пробыли вмѣстѣ почти всю ночь. А днемъ намъ нельзя было сходиться вмѣстѣ: меня бы сейчасъ арестовали, а потому днемъ, для отвода глазъ полиціи, я занимался разными дѣлами: какъ будто покупалъ рыбу и проч., а по ночамъ мы сходились съ П. В. Всего пять ночей провели въ полѣ въ разговорахъ о жизни. Одинъ разъ вечеромъ я былъ на квартирѣ у П. В., пилъ чай. Онъ показалъ мнѣ столярный инструментъ и токарный станокъ и разсказалъ мнѣ, что онъ работаетъ

столярную работу. Правда, до моей встрѣчи съ П. В., я имѣлъ хорошее мнѣніе о немъ. Я думалъ, что онъ во время своей долголѣтней ссылки выработалъ себѣ хорошія качества и будетъ служить примѣромъ для духоборовъ, находящихся подъ его вліяніемъ. Но при разговорѣ съ нимъ, я увидѣлъ въ немъ самаго обыкновеннаго и самаго гордаго человѣка. Весь его разговоръ состоялъ изъ словъ „я", „я думаю", „я соображаю", „я совѣтую", „я дѣлаю", „я приказываю", „я понимаю" и такъ далѣе. На всѣ страданія, которыя претерпѣли духоборы, П. В. смотрѣлъ равнодушно. Когда я ему разсказалъ все, что пережили духоборы за это время, то его это нисколько не тронуло. Онъ только сказалъ: „Я ужъ знаю это. Что же, надо терпѣть", и опять началъ продолжать свой разговоръ. Потомъ я ему разсказалъ, какія вредныя послѣдствія получились отъ воспрещенія духоборамъ вступать въ бракъ; тогда П. В. задумался и потомъ сказалъ мнѣ: „Если тебѣ удастся проѣхать на Кавказъ къ духоборамъ, то передай имъ мое слово, что теперь можно вступать въ бракъ". П. В. былъ согласенъ съ общимъ мнѣніемъ всѣхъ ссыльныхъ, пригласить желающихъ женъ въ Сибирь къ мужьямъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что онъ ужъ писалъ своей женѣ, чтобы она пріѣхала къ нему въ Обдорскъ, но правительство почему то не дало ей паспорта. „А потомъ", онъ говоритъ, „скоро кончается срокъ моей ссылки, тогда я заѣду, возьму свою жену и поѣду въ Канаду къ духоборцамъ и тамъ буду вести самый простой образъ жизни: буду имѣть скромный домикъ, и пару рабочихъ лошадей, и одну корову и буду работать, какъ всѣ братья. Трудолюбіе и простота будутъ служить полезнымъ примѣромъ для духоборцевъ". И потомъ П. В. разсказалъ мнѣ тотъ порядокъ, который онъ хочетъ возстановить въ жизни духоборовъ въ Канадѣ. Онъ говорилъ: „Я хочу, чтобы духоборцы жили общиной, но только община должна быть основана на свободныхъ началахъ. Каждая пара—мужъ и жена—должны имѣть свой домикъ и пару рабочихъ лошадей и одну корову. Это хозяйство должно находиться въ ихъ распоряженіи, а приплодъ скота и лошадей должны находиться въ общемъ табунѣ и считаться общимъ, а полевыя работы должны производиться сообща, а смолоченный хлѣбъ должно раздѣлять на ѣдока, и сѣно дѣлить на лошадей, а

кормъ для общаго скота должно приготовлять обществомъ, и всѣ доходы, которые будутъ получаться отъ общаго скота и отъ оставшагося отъ раздѣла хлѣба и сѣна, должны находиться въ общей кассѣ. Села должны состоять не болѣе 50 домовъ. На улицахъ должно разсаживать деревья и селамъ должны давать христіанскія названія". И потомъ сказалъ мнѣ: „Вотъ всѣ эти мои слова передай духоборцамъ, пусть они такъ устраиваются". Однажды я вышелъ на берегъ и увидѣлъ П. В. на берегу, стоящаго съ книжкой въ рукахъ, и тутъ же на берегу одинъ старичекъ продаетъ рыбу. Я подошелъ къ старику и спросилъ его, откуда онъ житель. —„Здѣшній, изъ села Обдорскаго", отвѣтилъ старикъ. Тогда я спросилъ: „Что это у васъ за человѣкъ", указывая на П. В. А старикъ говоритъ: „Это Петръ Васильевичъ Веригинъ".—„Кто онъ такой и откуда житель?" говорю я. — „А кто его знаетъ. Его откуда-то издалека правительство прислало сюда для наказанія. Его называютъ духоборомъ, а кто — политическимъ. Я настоящаго не знаю его чина, кто говоритъ, что онъ изъ князей и будто у него есть много людей", говоритъ старикъ. — „А какъ онъ живетъ, навѣрно, пьянствуетъ?" говорю я.—„Нѣтъ, я никогда не видѣлъ его пьянымъ. Онъ держитъ себя прилично", говоритъ старикъ.—„А что значитъ по твоему прилично" говорю я.—„Да что всегда чисто вымывается, хорошо одѣвается и аккуратно волосы причесываетъ и т. д." говоритъ старикъ.—„А чѣмъ онъ болѣе занимается" говорю я. — „Да ходитъ гулять съ книжкой въ рукахъ; то на горку выйдетъ, на берегъ сойдетъ, сядетъ на лодку, покатается по рѣкѣ, то разговариваетъ съ кѣмъ либо, то съ миссіонерами споритъ. Вотъ его занятіе!" говоритъ старикъ.—„А что онъ работаетъ что нибудь"? говорю я.—„Какая нужда Петру Васильевичу работать. Что, у него денегъ не хватитъ, что-ли".—„Какъ не работаетъ? Я самъ видѣлъ въ его столярной инструментъ, и онъ говоритъ, что онъ работаетъ столярную работу", говорю я.—„А что вы думаете, что Петръ Васильевичъ работаетъ для заработку." — „А для чего же"?—„Да для аппетита поработаетъ часъ или два, чтобы больше поѣсть, вотъ и вся работа П. В." говоритъ старикъ.—„Но все таки ему плохо жить здѣсь" говорю я. Старикъ засмѣялся и говоритъ: „Дай Богъ, чтобы мнѣ и моимъ дѣтямъ такъ

плохо было жить, какъ живетъ П. В. Намъ и на Пасху не приходится пожить такъ, какъ П. В. живетъ всегда. Его жизнь лучше царской. Вотъ у насъ есть купцы Карповы. Они очень богаты: пароходы свои имѣютъ. А и то они всегда заняты дѣлами и заботами, или хоть сказать и священникъ: онъ тоже постоянно занятъ разными дѣлами—то похороны, то свадьба, то въ семействѣ какіе недостатки. А П. В. отъ всего свободенъ. Поѣлъ, да и на прогулку".—„А что, онъ ведетъ знакомство съ деревенскими женщинами" говорю я.—„Развѣ П. В. станетъ знакомиться съ бѣдными женщинами" говоритъ старикъ.—„А съ кѣмъ же?" говорю я.—„Да съ дочерью нашего священника и другими богатыми барышнями, купчихами" говоритъ старикъ.—„А откуда же онъ деньги беретъ?" говорю я.—„Этого я не знаю откуда, а только знаю, что почти каждую почту онъ получаетъ деньги".—„Но все таки ему здѣсь скучно жить" говорю я.—„Да развѣ здѣсь скучно? Село Обдорскъ настоящій городъ: около 10 лавокъ, 2 церкви; всегда тутъ много разнаго народу и зимой здѣсь бываетъ ярмарка—за 1000 верстъ съѣзжаются. Изъ Москвы купцы пріѣзжаютъ покупать пушину. Да вы взгляните на него, какой онъ жирный. Небось, если бы плохо или скучно ему было, то шея не перевисла бы черезъ воротникъ" говоритъ старикъ почти раздраженнымъ голосомъ. Очевидно, я надоѣлъ ему съ вопросами. Я пошелъ отъ старика съ мыслью, что П. В. работаетъ для аппетиту, и представилась предо мной картина нашихъ братьевъ, голодающихъ въ Якутской юртѣ. Они бы рады поработать, чтобы аппетиту не было, и думаю, почему бы П. В. не послать лишнія деньги тѣмъ, у кого аппетитъ слишкомъ большой, а хлѣба нѣтъ.

Пароходъ приготовился къ отъѣзду. Тогда я пошелъ и попрощался съ П. В. и тронулся въ путь. Пріѣхалъ въ Ясную Поляну. Побылъ 4 сутокъ у Л. Н. Толстого, отдохнулъ отъ долгой поѣздки и потомъ на поѣздѣ доѣхалъ до Владикавказа, а далѣе на лошадяхъ по Военно-Грузинской дорогѣ черезъ Казбекскій хребетъ и спустился къ городу Тифлису, гдѣ наши братья духоборы жили въ разселеніи по грузинскимъ ауламъ. Первая партія духоборовъ ужъ уѣхала на островъ Кипръ, а остальные собирались къ отъѣзду въ Ка-

наду. Ужъ брали заграничные паспорта. Я сначала поѣхалъ въ Карскую область и, по просьбѣ П. В., я заѣхалъ къ его родителямъ, передалъ привѣтъ имъ отъ всѣхъ ихъ сыновей. Ночью тайкомъ собралась сходка духоборовъ изъ каждаго села по одному человѣку. Я передалъ всѣмъ отъ всѣхъ ссыльныхъ привѣтъ и ихъ желаніе пригласить желающихъ женъ въ Сибирь къ мужьямъ, а потомъ передалъ отъ П. В. разрѣшеніе вступать въ бракъ и разсказалъ весь порядокъ, который П. В. хочетъ установить въ жизни духоборовъ въ Канадѣ. Потомъ я поѣхалъ къ разселеннымъ по Горійскому уѣзду, гдѣ были и мои родные. Тамъ я передалъ все то же, что и въ Карской области. На другой день я услышалъ, что уже совершилось нѣсколько браковъ. Я находился среди духоборовъ самымъ скрытнымъ образомъ. Только ночью я видался съ людьми, а днемъ я сидѣлъ подъ крышей дома, гдѣ жили мои родные. Отецъ и мать мои были очень стары. Пріѣздъ мой принесъ имъ болѣе печали, чѣмъ радости, потому что только пріѣхалъ и опять собирался уѣзжать. Мать моя была больная и какъ разъ въ то время заболѣла сильнѣе и померла. Я попрощался уже съ мертвой матерью и со всѣми родными и поѣхалъ обратно въ Сибирь, въ Якутскую область, на Нотору, гдѣ жили наши ссыльные братья. Ѣхалъ я 18 дней. Когда я пріѣхалъ на Нотору, то я нашелъ своихъ братьевъ духоборовъ ужъ не въ Якутской юртѣ съ ледяными окнами. Они теперь зимовали въ большомъ деревянномъ тепломъ домѣ, съ кухней и русскими печами и другими удобствами. Это все они построили за прошлое лѣто. У нихъ было запасено необходимыхъ продуктовъ на всю зиму. За это время они пріобрѣли себѣ пять паръ рабочихъ лошадей и болѣе десяти коровъ; построили русскую баню и жили, хотя не въ полномъ довольствѣ, но много лучше прошлогодней зимы. Одна половина людей изъ нихъ была на заработкахъ. Я передалъ имъ привѣтъ отъ всѣхъ закавказскихъ духоборовъ и сообщилъ имъ, что жены ихнія пообѣщались будущей весной пріѣхать къ нимъ на Нотору, а также передалъ привѣтъ отъ Петра Васильевича и сообщилъ, что онъ разрѣшилъ всѣмъ духоборамъ ѣсть рыбу и вступать въ бракъ и все, что П. В. передалъ кавказскимъ духоборамъ.

Духоборы жили на Ноторѣ. Съ помощью заработковъ они нѣсколько улучшили свое положеніе. Они стали хоть понемногу намолачивать своего хлѣба, развели больше коровъ, съ которыхъ пользовались молокомъ, сажали картофель, завели болѣе 20 лошадей, а потомъ построили кузницу и конную мельницу, такъ что жить было можно. Но положеніе ихней жизни измѣнилось тѣмъ, что братья Веригины послали прошеніе губернатору, прося позволить имъ переѣхать къ своимъ братьямъ на Ноторъ. Просьба ихъ была уважена. Они, какъ только пріѣхали на Ноторъ, сразу стали оказывать свою власть; распоряжались каждый по своему и разстроили всѣхъ ноторскихъ духоборовъ и разсорились сами между собою. Василій съ Иваномъ завели между собою такую злобу, что не могли смотрѣть другъ на друга. Но Василій одержалъ побѣду надъ Иваномъ, уступилъ и самъ уѣхалъ въ скопческое село. Всѣ ноторскіе духоборы до крайности опечалились поведеніемъ братьевъ Веригиныхъ. Они радовались сначала, когда ожидали ихъ. Они думали, что братья Веригины ободрятъ ихъ своимъ присутствіемъ, но вышло какъ разъ наоборотъ. Братья Веригины не хотѣли работать такъ, какъ работаютъ всѣ, да и не хотѣли пить кирпичный чай безъ сахару и ѣсть ту скудную пищу, какую ѣдятъ всѣ ноторскіе духоборы. Они хотѣли пользоваться отдѣльно, несмотря на то, что старики и малыя дѣти пользовались наравнѣ со взрослыми. Ноторскимъ духоборамъ такія требованія братьевъ Веригиныхъ настолько были противны, что они не могли терпѣть. Они заявили братьямъ Веригинымъ, что они совсѣмъ не признаютъ ихъ за управителей, а только за равныхъ себѣ братьевъ, а потому должны работать всѣ одинаково и пользоваться всѣ одной пищей и всѣмъ, что они имѣли. Но Василій Веригинъ, несмотря на такое заявленіе, требовалъ отъ духоборовъ подчиненія, а въ противномъ случаѣ грозилъ кулакомъ.

Мы ужъ раньше сказали, что всѣ братья Веригины очень сильны физически и способны драться такъ, что двое или трое они могутъ переколотить десятки людей, да и духоборы не того настроенія, чтобы драться—они скорѣе бросятъ свое нажитое и уйдутъ. Такой ужъ былъ случай. Васи-

силій Веригинъ такъ исколотилъ Петра Свѣтлищева за противорѣчіе, что тотъ былъ нѣсколько времени боленъ. Тогда всѣ ноторскіе духоборы, видя такое самоуправство, начали одинъ за другимъ удаляться изъ Ноторы. Одна партія, семь человѣкъ, взяли часть скота и лошадей и начали устраиваться жить отдѣльно, отойдя съ версту въ сторону, а другіе совсѣмъ бросили все, что пріобрѣли, и уходили кто куда попало, зарабатывая себѣ пропитаніе.

Такъ и разбѣжались почти всѣ ноторскіе духоборы. Остались только старики да нѣсколько человѣкъ молодыхъ, которые видѣли себя неспособными прокормиться съ семействомъ постороннимъ заработкомъ. Да благо то, что на Ноторѣ общими силами было пріобрѣтено всего столько, что оставшимся тамъ духоборамъ вполнѣ можно было прожить безъ недостатку. Они сѣяли для себя достаточно хлѣба; скота у нихъ расплодилось столько, что они часть продавали, за что покупали себѣ одежду и другія вещи, а братья Веригины сдѣлались тамъ полными хозяевами и повелителями. А тѣ духоборы, которые разбѣжались съ Ноторы, стали просить правительство, чтобы имъ дали землю вблизи города. Но въ этомъ имъ отказали, а отвели имъ землю 200 верстъ отъ города, на рѣкѣ Амга, гдѣ они основали себѣ село Отрадное и тамъ, съ горемъ пополамъ, строили себѣ дома, и сѣяли хлѣбъ, и косили сѣно и жили такъ же, какъ и Прохладинскіе—то дома, а то на заработкахъ. Никто изъ духоборовъ не думалъ навсегда устраиваться жить въ Якутскѣ, а всѣ питали надежду на то, что скоро ихъ освободятъ, и они поѣдутъ къ своимъ роднымъ и знакомымъ въ Канаду. Радостная встрѣча съ родными у всѣхъ стояла передъ глазами; они только и думали объ этомъ, а потому и жили такъ, какъ кому придется. Нѣкоторые писали своимъ роднымъ въ Канаду, описывая свое тяжелое положеніе, а родные извѣщали объ этомъ всѣхъ канадскихъ духоборовъ, которые считали своимъ долгомъ пособить нуждающимся деньгами, хотя они сами жили очень бѣдно, но все-таки изъ послѣднихъ денегъ собирали со всего общества нѣсколько разъ по нѣсколько сотъ, а иногда и по тысячѣ руб. денегъ для поддержки якутскихъ бѣдныхъ духоборовъ. Они не хотѣли посылать собранныя деньги каждому отдѣльно, а сочли за

лучшее посылать всѣмъ вмѣстѣ, чтобы тамъ общество распредѣлило тѣмъ, кто болѣе нуждается, и всѣ эти деньги посылались на имя братьевъ Веригиныхъ или же на имя Григорія Зиборова, съ передачей Василію Веригину. Такъ всѣ деньги, присланныя въ разное время, попадали въ руки братьевъ Веригиныхъ, которые получали ихъ и пользовались ими сами, не давая никому, даже и больнымъ старикамъ. Григорій Веригинъ, получивъ нѣсколько сотъ съ этихъ денегъ, секретнымъ образомъ убѣжалъ изъ Якутска въ Канаду. А Василій Веригинъ, получая эти деньги, открылъ торговлю на Ноторѣ. Онъ пріѣзжалъ въ городъ Якутскъ и накупалъ сахару, чаю, табаку, нитокъ, иголокъ и всякаго мелкаго товару и всякой матеріи, и продавалъ тамъ якутамъ и своимъ братьямъ. Да торговля его не вышла, онъ роздалъ весь товаръ якутамъ въ долгъ. Но якуты бѣдны, денегъ нѣту. Онъ собиралъ съ нихъ то масломъ, то рыбою. Половину собралъ, другая половина такъ и осталась на якутахъ.

Зять Веригина, Иванъ Конкинъ, тоже просилъ губернатора, чтобы позволилъ ему пріѣхать на Ноторъ къ своимъ братьямъ. Ему тоже уважили. Вскорѣ Конкинъ со своимъ семействомъ пріѣхалъ на Ноторъ. Онъ тоже сразу сталъ доказывать свое знаніе. Онъ началъ поучать духоборовъ правильной христіанской жизни, уча быть покорными, терпѣливыми и послушными. Только говорилъ, а работать ничего не хотѣлъ и приказывалъ своей женѣ, чтобы она ему приготовляла пищу отдѣльно и получше. Но два распорядителя не ужилось долго. Скоро между Конкинымъ и В. Веригинымъ завязалась борьба и безпрерывное ругательство. Каждый изъ нихъ доказывалъ свое высокое званіе и достоинство. Оба они гордились, что они высокой природы, до того, что стали другъ другу грозить кулаками, и дѣло доходило почти до ножей. Тогда еще нѣсколько стариковъ ушли съ Нотора. Осталось только два старика—Михаилъ Поповъ и Николай Маловъ. В. Веригинъ—побѣдилъ и Конкина, такъ что Конкинъ сталъ просить губернатора, чтобы позволилъ ему обратно уѣхать въ Олекму. Вернувшись въ Олекму, онъ подалъ прошеніе министру внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ просилъ уволить его изъ ссылки въ Канаду. Просьба его была уважена, онъ скоро уѣхалъ въ Канаду.

А Василій Веригинъ продолжалъ полновластно управлять Ноторскимъ поселкомъ не только словами, но и руками. Онъ не щадилъ ни молодыхъ ни стариковъ. Однажды онъ переколотилъ двухъ стариковъ только за то, что они осмѣлились попросить его, чтобы онъ не сманивалъ жену отъ молодого духобора Петра Попова, у котораго было двое дѣтей. Онъ осердился и, схвативъ попавшіяся ему подъ руки вилы, началъ бить стариковъ по чему попало. Одному изъ нихъ, Михаилу Попову, перебилъ руку, а за Петромъ Поповымъ гнался цѣлую версту, но не могъ догнать. Такіе примѣры Василія Веригина и Ивана Конкина очень вредно отозвались на многихъ молодыхъ духоборахъ, въ особенности на тѣхъ, которые, по ихъ наученію, отказывались отъ службы, за что и попали въ Якутскую область. Они, надѣясь на своихъ учителей, всегда ожидали отъ нихъ поддержки, и вдругъ, увидавъ такія злодѣянія, они сразу приходятъ въ отчаяніе. Увидавъ себя разъ обманутыми, послѣ не хотятъ вѣрить, хотя бы кто говорилъ и правду, и такимъ образомъ нѣкоторые низко пали, подвергаясь нѣкоторымъ порокамъ.

Въ послѣдній разъ было прислано изъ Канады 1000 рублей денегъ на имя Григорія Зиборова. Тогда все общество сибирскихъ духоборовъ предупредило Зиборова, чтобы онъ не отдавалъ присланныхъ изъ Канады денегъ В. Веригину, потому что рѣшили сами распредѣлить, дать тому, кто болѣе нуждается. Дали всѣмъ дряхлымъ старикамъ по 50 рублей, а тѣмъ старикамъ, которые немного помоложе,—по 25 рублей, и тѣмъ молодымъ, которые были больные, дали смотря сколько кому надо, и небольшую часть, оставшуюся отъ этихъ денегъ, разсчитали всѣмъ поровну. Всѣхъ братьевъ Веригиныхъ надѣлили наравнѣ съ другими. В. Веригинъ за это очень осердился и ругалъ всѣхъ безъ разбора и угрожалъ тѣмъ, что онъ напишетъ объ этомъ Петру Васильевичу. „Тогда васъ не примутъ въ общество духоборцевъ“, такъ говорилъ В. В. Такъ и вышло, что В. В. писалъ жалобу П. В. на всѣхъ сибирскихъ духоборовъ, говоря, что всѣ сибирскіе духоборы мерзавцы, самовольники, не признаютъ никого старше себя и даже самого П. В. признаютъ за обыкновеннаго человѣка, за равнаго себѣ брата: ихъ не слѣдуетъ допускать въ канадскую общину. Они будутъ смущать и канадскихъ духоборовъ.

Въ послѣднее время, когда были безпорядки по всей Россіи, братья Веригины распродали имѣвшееся у нихъ на Ноторѣ имущество и переѣхали въ городъ, ожидая свободы.

III.

Съ наступленіемъ весны пріѣхали въ Канаду духоборы. Они стали разсматривать тѣ мѣста, которыя правительство опредѣлило имъ подъ поселеніе. Каждое село выбрало себѣ мѣсто. По совѣту П. В. они строили села не свыше 50 домовъ въ каждомъ и давали имъ христіанскія названія. Въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ селились духоборы, есть много рѣкъ съ рыбой. Духоборы строили села вблизи рѣкъ и всѣ недостатки въ пищѣ они пополняли рыбой. Тѣ люди, которые устраивали духоборовъ, заявили имъ, что всѣ тѣ деньги, которыя жертвовали имъ добрые люди, а также и тѣ деньги, которыя канадское правительство давало имъ въ видѣ бонуса *), скоро кончаются, а потому совѣтовали духоборамъ зарабатывать самимъ себѣ пропитаніе. Нѣкоторымъ духоборамъ такое заявленіе показалось страннымъ, потому что они думали, что эти люди по волѣ П. В. всегда будутъ служить имъ, но видя, что это не выходитъ, они поневолѣ принялись за работу. Но эти люди все-таки пособляли имъ: находили для нихъ работу и служили имъ переводчиками и дѣлали все, что отъ нихъ зависѣло. Первые годы жизнь въ Канадѣ духоборамъ показалась очень трудной. Не зная тамошнихъ порядковъ и нарѣчія, имъ пришлось исполнять самую тяжелую работу и получать дешевую цѣну. И въ домашности они терпѣли недостатки. Имъ приходилось на себѣ возить лѣсъ на постройку домовъ и даже приходилось на себѣ пахать, а такъ какъ почти всѣ мужчины уходили на заработки, то всѣ эти работы приходилось дѣлать женщинамъ. Такія трудности имъ пришлось переживать около трехъ лѣтъ. За это время они нѣсколько разъ начинали жить сообща,

*) Bonus—премія агентамъ, доставляющимъ переселенцевъ въ Канаду. Въ данномъ случаѣ русскіе друзья и квакеры, способствовавшіе переселенію, просили, чтобы эта премія была перенесена на всѣхъ духоборовъ, которые какъ бы являлись самостоятельными переселенцами. (А. Ч.).

по слову П. В., но у нихъ не выходило, и они начинали жить каждый по себѣ. Такъ и жили одни села сообща, а другія всякъ себѣ, и работали всѣ изо всѣхъ силъ, оставляя дома только стариковъ, женщинъ и подростковъ, которые управляли домашними работами, а всѣ настоящіе работники на все лѣто уходили на заработки. Познакомившись съ канадскимъ нарѣчіемъ*) и порядками, они стали работать легче и плату получать больше, а потому всѣ духоборы за это время много улучшили свое положеніе. Они построили каждый себѣ домъ и купили себѣ рабочихъ лошадей и быковъ, завели коровъ, завели необходимыя земледѣльческія орудія и начали сѣять хлѣбъ и косить сѣно, такъ что жить имъ стало возможно. Въ такомъ направленіи они бы скоро пережили всякую нужду. Да помѣшало имъ то, что П. В., находясь въ Обдорскѣ, присылалъ имъ письма, въ которыхъ извѣщалъ ихъ, что скоро кончается срокъ его ссылки, и тогда онъ пріѣдетъ въ Канаду и будетъ жить съ ними. Пріѣздъ П. В. духоборамъ казался самымъ большимъ дѣломъ, которое закрывало все остальное. Они боялись его пріѣзда, потому что не исполняли въ точности его заповѣди. Они говорили другъ другу: „какъ мы встрѣтимъ своего господина, когда не исполнили, что онъ приказалъ намъ. Вѣдь, онъ говорилъ намъ, что истинные христіане не должны работать, они только должны проповѣдывать евангеліе, а мы вотъ теперь душимся надъ работой. Онъ также говорилъ намъ, что христіанинъ не долженъ имѣть у себя денегъ, кесарева изображенія, потому что деньги есть зло, а мы вотъ теперь за деньгами гоняемся. Онъ приказалъ намъ дать свободу всему существующему, а мы мучимъ скотъ, работаемъ на немъ и рвемъ ему рты удилами и выдаиваемъ молоко изъ коровъ, отнимаемъ пищу отъ телятъ. Мы этого не должны дѣлать. Мы должны питаться фруктами и овощами. Мы должны жить, какъ жили первые люди, Адамъ и Ева. Они вѣдь не имѣли себѣ одежды, и Богъ согрѣвалъ ихъ, а мы сдираемъ съ животныхъ кожу и одѣваемся сами ею. Вы помните, братцы, какъ намъ было сказано о десяти дѣвахъ. У пяти дѣвъ свѣтильники горѣли. Они вышли навстрѣчу Христу, а у дру-

*) Т. е. съ англійскимъ языкомъ. (А. Ч.).

гихъ пяти не горѣли свѣтильники. Это мы сами. У насъ не горятъ свѣтильники. Какъ же мы идемъ навстрѣчу Христу? Вотъ скоро Христосъ явится и застанетъ насъ спящими. Тогда мы погибли".

Вожакомъ по этому дѣлу явился одинъ изъ любимцевъ П. В., Иванъ Пономаревъ. Онъ ѣздилъ когда-то къ П. В. въ Шенкурскъ и передавалъ отъ него наставленіе духоборамъ, а потому онъ себя считалъ выше другихъ. Человѣкъ онъ совсѣмъ безграмотный и умственно неразвитой. Научился только повторять слова П. В. Въ помощь ему явился другой, Николай Зиборовъ (тоже неграмотный). Вотъ они и начали внушать всѣмъ духоборамъ, что пришло то время, котораго мы давно ожидали. „Это-то и есть раздѣленіе и перечищеніе, о которомъ говорилъ намъ нашъ повелитель. Кто теперь броситъ все свое тлѣнное нажитіе и пойдетъ навстрѣчу Христу, тотъ освободится навѣчно отъ работы и будетъ жить со Христомъ въ вѣчной радости; а кто останется на мѣстѣ, тотъ вѣчно будетъ душиться надъ работой, такъ и погибнетъ въ непослушаніи". Такъ говорилъ Пономаревъ: „я самъ слышалъ отъ нашего повелителя, когда я былъ въ Шенкурскѣ, что придетъ время, пройдетъ большая рѣка, и вы бросайтесь въ ту рѣку. Я ловецъ добрый, спасу васъ. Вотъ, братцы, я бросаюсь въ рѣку первый, и вы за мною. Это и есть та самая рѣка. Очистите себя отъ всякой скверны и пойдемъ и встрѣтимъ Христа".

Почти четвертая часть духоборовъ повѣрила этому и начала готовиться ко встрѣчѣ Христа. Не стали стричь волосы и брить бороды, перестали ѣсть рыбу, яйца, масло, молоко, медъ и даже чай. Кромѣ хлѣба и сырого картофеля, ничего не ѣли. Они собрали всѣ имѣющіяся у нихъ деньги и сдали ихъ канадскому правительству; а весь скотъ, который у нихъ былъ, согнали въ одно мѣсто и пустили его на свободу; сбросили съ себя одежду, которую они считали грѣшной: во-первыхъ, кожаную обувь и овчинныя шубы, потому что нельзя сдирать кожи съ животныхъ; высыпали перья изъ подушекъ, потому что нельзя выдергивать перья съ птицъ; поотрывали съ одежды пуговицы и желѣзные крючки, потому что нельзя людямъ работать на заводахъ и фабрикахъ; бросили всякую работу. Собравшись всѣ вмѣстѣ, пѣли,

читали и другимъ проповѣдывали евангеліе и собирались въ походъ. Раньше чѣмъ идти въ походъ, они сочли за нужное обойти всѣ села и попросить всѣхъ оставшихся духоборовъ, чтобы и они пошли съ ними. Обойдя всѣ села, пошли потомъ по направленію къ югу. Малыхъ дѣтей и больныхъ и дряхлыхъ стариковъ они несли на себѣ или везли на телѣжкахъ.

Все это происходило осенью, когда морозъ прихватывалъ по утрамъ. Они ночевали въ полѣ въ соломѣ или гдѣ попало подъ открытымъ небомъ. По ихнему расчету, П. В. долженъ скоро встрѣтиться съ ними, идущій босыми ногами, въ одеждѣ безъ пуговицъ и безъ крючковъ, съ длинной бородой и волосами. И дѣйствительно, П. В. долженъ бы встрѣтиться съ ними, но только онъ на пути заѣхалъ въ Англію и прогостилъ двѣ недѣли у Чертковыхъ. Напрасно Пономаревъ и Зиборовъ увѣряли всѣхъ идущихъ духоборовъ, что не нонче, такъ завтра они встрѣтятъ Христа. Но Христа все не было. Пономаревъ и Зиборовъ объясняли, что потому Христосъ не является, что не во всѣхъ людяхъ есть вѣра и что люди взяли съ собою вещи, которыя не должно брать, и начали пересматривать другъ друга и нашли, что у многихъ были ножи, и часы, и иголки и другія металлическія вещи. Все это отобрали и бросили на дорогу и опять пошли дальше. Кормились они тѣмъ, что собирали по полямъ колосья хлѣба и срывали засохшія ягоды съ шиповника, а нѣкоторые ходили по англійскимъ фермамъ, просили хлѣба и картофеля. Холодъ съ каждымъ днемъ увеличивался. Канадское правительство, получивъ принесенныя духоборами деньги, послало людей собрать весь скотъ, пущенный духоборами на свободу, и продало его, а деньги держало у себя. Потомъ правительство, видя, что духоборы не останавливаются, идутъ въ зиму, сами не зная куда, стало останавливать ихъ. Но духоборы никакъ не соглашались воротиться назадъ. Потомъ правительство силой отдѣлило отъ нихъ женщинъ, дѣтей и больныхъ и немощныхъ стариковъ и помѣстило ихъ въ казенномъ домѣ въ городѣ Іорктонъ. Мужчины все продолжали итти. Потомъ и мужчинъ силою посадили на поѣздъ и привезли въ Іорктонъ, а оттуда препроводили каждаго въ свое село. Туда-же доставили женщинъ

и дѣтей, водворивъ ихъ въ свои дома. Но они все-таки не хотѣли ничего работать, собирались по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ и сидѣли, пѣли, все ожидали Христа. Тутъ наступила холодная зима. Правительство за тѣ деньги, которыя получило за проданный скотъ, покупало имъ продукты и нанимало людей, которые доставляли имъ все, возили дрова и топили печи. А другая, большая половина духоборовъ жила по прежнему: работали, ѣли и кормили скотъ и имѣли деньги. Но всѣ они со страхомъ ожидали пріѣзда П. В., потому что они не знали, къ кому онъ придетъ: къ нимъ или къ свободникамъ. Они думали, можетъ и на самомъ дѣлѣ П. В. придетъ разувшись, съ длинными волосами, какъ ходятъ свободники.

Въ то время родные П. В. получили телеграмму, что П. В. надняхъ пріѣдетъ. Тогда несвободники послали людей ему навстрѣчу и черезъ нѣсколько дней П. В. пріѣхалъ въ село Отрадное, гдѣ жили его родные. Объ этомъ узнали всѣ духоборы. Несмотря на то, что П. В. предупредилъ всѣхъ духоборовъ не пріѣзжать для встрѣчи его, потому что онъ самъ скоро поѣдетъ по всѣмъ селамъ и повидитъ всѣхъ, все-таки люди двинулись со всѣхъ сторонъ, свободники и несвободники. П. В., еще будучи у Чертковыхъ, изъ газетъ узналъ, что духоборы свободники идутъ ему навстрѣчу, а потому, когда онъ глянулъ по народу и увидѣлъ свободниковъ съ отпущенными волосами и бородами, одѣтыхъ въ простую ветхую одежду и обутыхъ въ лапти, сплетенныхъ изъ снурковъ или совсѣмъ босыми, исхудавшихъ отъ слабой пищи и измученныхъ долгихъ походомъ, который они совершили ради него, то онъ ясно созналъ, что это выросли плоды посѣяннаго имъ, но вкушать плодовъ своей науки онъ не захотѣлъ; они ему показались невкусными. Онъ гораздо охотнѣе и веселѣе смотрѣлъ на стоящихъ съ другой стороны несвободниковъ, гдѣ стоялъ хоръ пѣвчихъ, состоящій изъ молодыхъ мужиковъ, и женщинъ и дѣвушекъ. Они были прилично одѣты и устремили на него свои веселые взгляды. Туда голова его невольно поворачивалась. Самъ-же П. В. былъ одѣтъ, какъ россійскій богатый купецъ, во все новое и дорогое. На ногахъ у него были кожаные русскіе сапоги, а на головѣ бобровая шапка съ верхушкой изъ лисьихъ

лапокъ. Кромѣ того, у него былъ дорогой кожаный тулупъ. Онъ былъ чисто вымытъ и причесанъ, нисколько не похожъ на свободниковъ. Несвободники были рады, что П. В. носитъ кожаную одежду, которую и они носятъ. Но свободники, увидавъ такъ одѣтаго П. В., очень сильно опечалились, а нѣкоторые изъ нихъ стали терять вѣру въ него.

П. В. не нравилось то, что духоборы раздѣлились на двѣ партіи. Онъ боялся, какъ бы какая партія не вышла изъ его подчиненія. Онъ придумывалъ, какъ бы соединить ихъ. Онъ счелъ за лучшее потѣшить словомъ обѣ партіи и заставить жить всѣхъ вмѣстѣ. Онъ поблагодарилъ свободниковъ за то, что они такъ горячо вѣруютъ ему, и что они бросили все и пошли встрѣчать его. Потомъ онъ сказалъ имъ: „вы шли встрѣчать Христа. Вотъ Христосъ вамъ явился и миръ воротился теперь. Идите въ свои дома и живите, работайте и добывайте себѣ пропитаніе". А несвободниковъ онъ поблагодарилъ за то, что они съ радостью встрѣтили его, и за то, что они работали и не ходили ему навстрѣчу со свободниками. Оба вожака свободниковъ, Пономаревъ и Зиборовъ, и большая часть свободниковъ послушали П. В., постриглись, побрились и начали работать и ѣсть, какъ сказалъ имъ П. В. Но изъ числа свободниковъ небольшая часть нашлась самостоятельныхъ людей, которые не хотѣли такъ дешево бросить всѣ свои труды и самопожертвованіе, которое они проявили ради П. В. Имъ показалось очень обидно то, что въ П. В. вышла измѣна, а потому они заявили П. В. такъ: „мы принимали всѣ твои поученія, какъ заповѣди отъ Бога и старались ихъ исполнить, не щадили своей жизни. Мы знаемъ, что заповѣди Божьи неизмѣнны во вѣкъ, а почему же ты измѣняешь свои слова? Или ты только шутилъ надъ нами? Развѣ наша жизнь дана тебѣ для потѣхи? Нѣтъ, мы не хотимъ быть измѣнниками. Мы будемъ продолжать свое дѣло, только ужъ не по твоему приказанію, а согласно требованію нашей совѣсти".

П. В., видя, что такихъ людей мало—не обращалъ на нихъ вниманія. Онъ думалъ, что они скоро покорятся ему, хотя поневолѣ. П. В. увидѣлъ себя отовсюду окруженнымъ преданными ему духоборами, въ которыхъ онъ нашелъ своихъ неизмѣнныхъ слугъ, а потому онъ безъ всякой

опасности на это время забылъ всѣ свои теоріи и духовное самосовершенствованіе, которыя онъ придумывалъ, когда былъ въ ссылкѣ. Онъ вдругъ очутился въ положеніи тѣхъ татарскихъ князей, которымъ онъ съ малолѣтства подражалъ... Онъ могъ быть увѣренъ, что всѣ эти люди—мужчины, женщины и дѣвушки—находятся въ полномъ его распоряженіи. Прежде всего онъ приблизилъ къ себѣ свою родственницу, родную внучку его старшаго брата Ивана—Настасью Голубеву, которую постоянно держалъ при себѣ. А потомъ ему встрѣтились еще красивыя дѣвушки. А потомъ, въ сопровожденіи пѣзчаго хора и всѣхъ этихъ дѣвушекъ на трехъ большихъ саняхъ, онъ началъ разъѣзжать по всѣмъ духоборскимъ селамъ, извѣстивъ каждое село, въ который день ожидать ихъ. Въ томъ селѣ собирались всѣ люди и выходили за село съ пѣніемъ и встрѣчали дорогихъ гостей. И всѣ эти люди окружали съ пѣніемъ тотъ домъ, гдѣ находился П. В. со своей свитой. П. В. былъ очень веселъ и много говорилъ о томъ, какъ онъ хочетъ устроить новую жизнь. Онъ осматривалъ все, что имѣли духоборы. Въ тѣхъ селахъ, гдѣ духоборы жили сообща, онъ видѣлъ общія большія конюшни и сказалъ: „мнѣ уже надоѣла эта казенщина. Мы такъ не будемъ жить, а мы будемъ имѣть каждый себѣ пару рабочихъ лошадей и одну корову, а только работать будемъ сообща". Много хорошаго П. В. обѣщалъ духоборамъ. Они были очень рады. Съ такимъ торжествомъ П. В. объѣхалъ всѣ духоборскія села. Вездѣ его встрѣчали и провожали, и всѣ со вниманіемъ слѣдили за каждымъ его словомъ и движеніемъ. А потомъ онъ возвратился въ домъ своихъ родныхъ. Домъ не большой, состоялъ изъ двухъ половинъ. Въ одной половинѣ помѣщался братъ Григорій, а другую половину занималъ П. В. Онъ выбралъ четырехъ дѣвушекъ, а остальныхъ распустилъ по домамъ, и только по временамъ онѣ собирались къ нему*)"...

Когда оставшіеся свободники увидѣли, какъ живетъ П. В., то говорили другъ другу: „Вотъ, братцы, ради кого

---

*) Не считая себя вправѣ касаться нѣкоторыхъ отношеній, не могущихъ быть подтвержденными и доказанными, мы опускаемъ нѣкоторыя мѣста изъ записокъ автора. (А. Ч.).

мы оставляли все свое житье и бытье! Вѣдь мы его за Христа признавали, а теперь посмотрите, что онъ дѣлаетъ: окружилъ себя дѣвками—настоящій татарскій ханъ. Какъ же ему не стыдно! Вѣдь, у него есть законная жена и сынъ. Черезъ него, братцы, мы теперь скитаемся. Это онъ насъ довелъ до этого. Съѣлъ онъ нашу жизнь, не подавился!.. Нѣтъ въ немъ Божьей искры. Несчастные тѣ люди, которые вѣруютъ ему. А мы, братцы, будемъ стоять на своемъ словѣ до конца нашей жизни. Богъ видитъ наше желаніе. Онъ не оставитъ насъ безъ награды. А П. В. мы покажемъ, что мы люди, а не игрушки въ его рукахъ. Мы все испытаемъ на себѣ. Давайте сбросимъ съ себя одежду и пойдемъ къ П. В. въ домъ и скажемъ ему: „вотъ, ты говорилъ, что надо ходить безъ одежды, мы сбросили; теперь сбрасывай и ты и пойдемъ съ нами провѣдывать евангеліе, какъ ты говорилъ*)".

Они такъ и сдѣлали. Разобрались нагими (т. е. раздѣлись) и пошли. Но П. В. приказалъ не пускать ихъ даже близко къ тому селу, гдѣ онъ живетъ. Потому они выбирали случай поговорить съ нимъ гдѣ-либо на дорогѣ. Однажды они увидѣли П. В., ѣхавшаго въ шарабанѣ на красивой лошади, вдвоемъ со старикомъ Махортовымъ. Тогда они пошли къ нему ближе и, еще не доходя, начали говорить: „вотъ, братъ, ты намъ говорилъ—дать свободу всему существующему, а самъ заложилъ въ ротъ лошади удила и рвешь ей губы, а потомъ сдерешь съ ней кожу и сошьешь себѣ сапоги. Это ужъ не по-христіански. Скидай-ка, братъ, съ себя одежду, и пойдемъ съ нами. Вѣдь, это твоя наука, чего же ты гнушаешься?" П. В. ударилъ лошадь и пустилъ сколько есть силы прямо на свободниковъ. Они едва успѣли сойти съ дороги, а то бы потопталъ ихъ лошадью. Онъ выругалъ ихъ и поѣхалъ домой. Тогда свободники собрались всѣ вмѣстѣ и рѣшили дойти до П. В. и поговорить съ нимъ, не ворочаться назадъ, хотя бы не пускали ихъ или даже били. Пошли безъ одежды. Проходили черезъ духоборскія

---

*) Объ этомъ самомъ и о фактахъ, разсказываемыхъ ниже, неоднократно писали намъ сами „свободники". Въ свое время мы надѣемся опубликовать ихъ письма. (А. Ч.).

села и всѣмъ говорили, что они исполняютъ ученіе П. В. и идутъ попросить его, чтобы и онъ пошелъ съ ними. Объ этомъ донесли П. В. Онъ приказалъ всѣмъ духоборамъ не позволять свободникамъ заходить въ села и не допускать ихъ до села Отраднаго. Чтобы пройти въ село Отрадное, свободникамъ надо было перейти рѣку по мосту окола села Надежда, гдѣ по распоряженію П. В. ужъ была поставлена стража. И всѣмъ жителямъ села Надежды и другимъ духоборамъ было приказано не пускать свободниковъ черезъ мостъ. Но свободники, несмотря на стражу, пошли по мосту. Тогда сбѣжалось много духоборовъ и, загородивъ дорогу, не пустили соободниковъ. Но голые свободники, распихивая людей, старались пробиться сквозь толпу, такъ что духоборы не могли удержать ихъ, а бить голыхъ свободниковъ духоборы не хотѣли, потому что не видѣли за ними никакой вины, а и вообще духоборы не любятъ бить людей, а потому они послали человѣка къ П. В. заявить, что они не могутъ удержать свободниковъ. П. В. приказалъ духоборамъ взять тонкія палки и бить свободниковъ по голому тѣлу. Всѣ духоборы удивлялись тому, что П. В. имъ приказалъ бить людей. Имъ совѣсть не позволяла исполнить такое приказаніе. Нѣкоторые такъ и не стали бить, а другіе побоялись ослушаться П. В., взяли палки и избили свободниковъ, такъ что тѣло ихъ стало въ крови. П. В. былъ въ то время въ селѣ „Надеждѣ“ и издали смотрѣлъ, какъ били свободниковъ. Свободники кричали: „что вы, братцы, дѣлаете? За что вы насъ бьете? Вѣдь и мы исполняемъ ученіе того же П. В., что и вы! Онъ съ Христа да обратился въ кровопійцу!“

Такъ и разогнали свободниковъ, не допустили до П. В.

А еще былъ такой случай. Свободники проходили духоборскими полями и увидали стоявшую тамъ жатвенную машину, купленную по распоряженію П. В. Они остановились надъ машиной и вспомнили, что П. В. въ своихъ письмахъ отвергалъ всякую культуру, и всякое изобрѣтеніе, и деньги, и даже грамотность и объяснялъ тѣмъ, что для того, чтобы построить какую машину, сотни тысячъ людей гибнутъ въ рудникахъ, доставая желѣзо, и столько же людей теряютъ здоровье на заводахъ, дѣлая машину, а потому всѣ

эти человѣческія выдумки противны Богу. „Такъ вотъ что, братцы: давайте эту машину сожжемъ, а потомъ, если онъ насъ спроситъ, на что сожгли, мы и скажемъ: „ты же говорилъ, что машины противны Богу, потому мы и сожгли ее". Они такъ и сдѣлали: обложили соломою машину и зажгли. Всѣ деревянныя части сгорѣли. Но П. В. не спросилъ ихъ, на что сожгли, а донесъ правительству и просилъ наказать свободниковъ. Ихъ посадили въ тюрьму. Тамъ ихъ мучили, заставляли работать, а такъ какъ они не ѣли мяса, то ихъ кормили силою: мятымъ мясомъ черезъ кишку, пропуская прямо въ желудокъ. Нѣкоторые изъ нихъ умерли, а какіе остались живыми, какъ только правительство выпустило изъ тюрьмы, то П. В. опять просилъ посадить ихъ, заявляя, что они вредны для общества. И такъ они по тюрьмамъ до сего времени *).

Такимъ образомъ, П. В. лишилъ всѣхъ духоборовъ всякой свободы, такъ что они не имѣли права располагать сами собой. Они не могли ничего дѣлать по своему усмотрѣнію. Они не могли высказать свои мысли: они превратились въ одну большую машину, которая вращается по желанію П. В.

IV.

Въ 1905 году была объявлена по всей Россіи свобода вѣры, а потому всѣхъ сосланныхъ по дѣламъ вѣры освободили. Въ томъ числѣ и мы, якутскіе духоборы, получили свободу, о чемъ немедленно извѣстили своихъ братьевъ канадскихъ духоборовъ, и съ наступленіемъ весны стали собираться въ путь. Объ этомъ узнали всѣ канадскіе духоборы и хотѣли всѣмъ обществомъ сдѣлать встрѣчу пріѣзжимъ духоборамъ, но П. В. приказалъ, чтобы никто не смѣлъ дѣ-

*) О страданіяхъ духоборовъ въ Канадѣ, о возмутительномъ обращеніи съ ними П. В. Веригина и о послѣднихъ событіяхъ въ жизни духоборческой общины см. книгу англійскаго писателя А. Moqa: „A Peculiar People". Обширный и интересный по данному вопросу матеріалъ можно найти еще въ книжкѣ извѣстнаго Ив. Наживина: „Голоса народовъ". Вып. I, м. 1908 г. Здѣсь помѣщено нѣсколько документовъ къ исторіи духоборовъ за послѣднее время. Въ болѣе мягкомъ освѣщеніи нестроенія духоборческой общины представлены въ книгѣ Тана: „Духоборы въ Канадѣ".

лать никакой встрѣчи, а только въ селѣ Отрадномъ, куда пріѣдутъ его братья и племянникъ, онъ приказалъ сдѣлать общественный обѣдъ и всѣмъ обществомъ поблагодарить его братьевъ за то, что они пострадали ради всѣхъ духоборовъ. А Конкину П. В. отвѣтилъ, чтобы онъ препроводилъ каждаго въ то село, гдѣ живутъ ихніе родные, а не позволять имъ партіями разъѣзжать по селамъ. Такъ и сдѣлали. Радостная встрѣча съ родными послѣ такой долгой разлуки была такъ велика, они сами не вѣрили своимъ глазамъ, что они видятъ другъ друга. Въ томъ домѣ, гдѣ были пріѣзжіе, собирались жители со всего того села и всѣ вмѣстѣ радовались. Нѣкоторые отъ радости плакали, а другіе были очень веселы и всѣ благодарили Бога, что Онъ произвелъ личное свиданіе. Канадскіе духоборы говорили якутскимъ: „ну, братцы, да и пришлось же вамъ пострадать за все наше общество. Что вы только за это время не перетерпѣли—побоевъ, тюрьмы и голоду и холоду. Мы всѣ молились Богу, чтобы Онъ послалъ вамъ терпѣніе. Но теперь пришелъ конецъ вашимъ страданіямъ. Будемъ жить всѣ вмѣстѣ при Божьей милости. А теперь вамъ, братцы и сестрицы, нужно необходимо вотъ что сдѣлать. Какъ немного отдохнете отъ долгой поѣздки, такъ собирайтесь человѣкъ нѣсколько или по одиночкѣ и пойдите въ село Отрадное, гдѣ живетъ нашъ управитель и упадите передъ нимъ на землю и попросите прощенія. Вѣдь, вы такъ долго жили безъ управителя; можетъ, чѣмъ согрѣшили словомъ или дѣломъ или помыслами; и попросите его, чтобы онъ принялъ васъ въ общину и благословилъ бы жизнь вмѣстѣ съ нами. Да будьте осторожны въ словахъ, а то нашъ благодѣтель очень строгій, совсѣмъ не такой, какъ была покойная Лукерья Васильевна. Она была, какъ милостивая мать. При ней можно было говорить все, что хочешь, а передъ нимъ нельзя говорить много, а то сразу словомъ убьетъ и прикажетъ выгнать изъ дома. А если, Богъ дастъ, онъ благословитъ васъ, тогда будетъ все хорошо: мы сейчасъ живемъ, какъ у Бога за дверьми, ни о чемъ головы не ломаемъ, дѣлаемъ, что прикажетъ, и все хорошо.

Но якутскимъ духоборамъ такое предложеніе показалось очень низкимъ и безсмысленнымъ. Они крайне опеча-

лились тѣмъ, что ихніе родные и знакомые находятся въ такомъ жалкомъ положеніи. Но они не хотѣли сразу оскорблять ихъ своимъ возраженіемъ, а потому они говорили такъ: „развѣ мы исключены изъ вашего общества? А вы же сами только что сказали, что мы страдали ради всего общества, а мы тоже, гдѣ бы ни находились, всегда считали себя членами духоборскаго общества. А разъ мы не исключены, то почему же намъ проситься? Да у кого проситься? Вѣдь, мы пріѣхали къ своимъ роднымъ и знакомымъ. Вотъ, вы всѣ здѣсь, скажите намъ, желаете ли вы, чтобы мы жили съ вами?“

Родные и знакомые отвѣчаютъ, что они очень желаютъ жить съ ними.

— „Такъ намъ болѣе ничего и не надо. Вы желаете, мы желаемъ, и будемъ жить. Мы не будемъ долго ѣсть вашъ хлѣбъ, а мы начнемъ сами работать и будемъ кормиться своими трудами“.

Родные были очень опечалены такимъ отвѣтомъ, но все-таки старались уговаривать ихъ: „Нѣтъ, вы все-таки заявитесь къ хозяину, тогда вы по своему тѣлу узнаете, что въ немъ есть сила божественная. Вѣдь предъ нимъ всякая плоть человѣческая трепещетъ. Вотъ среди насъ есть какъ будто и бойкіе люди, а когда имъ придется являться къ хозяину, то они еще не дойдутъ и уже трясутся. Да хорошо, если благо обратится, а если зашумитъ на нихъ, то они совсѣмъ растеряются, не могутъ и слова сказать“.

Тогда якутскіе духоборы говорятъ имъ: „Что же тутъ удивительнаго, что вы его боитесь! Просто потому, что онъ можетъ наказывать васъ. Это и съ нами было, когда мы служили на военной службѣ, то всякаго офицера боялись, а если придется обращаться къ полковнику, то все тѣло дрожитъ, не можешь и слова сказать. А когда мы сознали, что они такіе же люди, какъ и мы, то куда и страхъ дѣвался. Такъ и вы. Если бы сознали, что П. В. такой же человѣкъ, какъ и вы всѣ, тогда бы вы съ нимъ разговаривали бы безъ всякаго страху, какъ разговариваете съ нами“.

Старики слушали такой разговоръ съ отвращеніемъ и боялись даже и подумать объ этомъ. А молодые многіе

прислушивались и начинали сами кое-что говорить въ этомъ родѣ. Петромъ Васильевичемъ было приказано всѣмъ общиннымъ духоборамъ, чтобы донесли ему все до слова, что будутъ говорить и дѣлать якутскіе духоборы, а потому ему каждый передавалъ обо всемъ.

Нѣкоторые изъ якутскихъ духоборовъ ходили къ П. В., во-первыхъ, потому, чтобы утѣшить своихъ родныхъ, а во-вторыхъ, потому, что хотѣли поговорить съ нимъ обо всемъ, но П. В. не то, чтобы говорить, а онъ приказалъ своимъ прислужникамъ, чтобы они не допускали къ нему и близко никого изъ якутскихъ духоборовъ. И разнесся слухъ по всѣмъ селамъ, что П. В. не хочетъ даже и видѣть якутскихъ духоборовъ. Тогда всѣ общинники стали смотрѣть на якутскихъ, какъ на грѣшниковъ, и говорить имъ, что—П. В. знаетъ всѣ наши намѣренія, мысли, и онъ не принимаетъ васъ потому, что вы идете не съ чистымъ сердцемъ. Небось его не обманешь. Онъ зналъ, что вы думали еще въ Якутскѣ. А мы вѣримъ тому. Что онъ скажетъ, такъ и будетъ, хоть по душевной части и хоть по хозяйству. Посмотрите, какъ онъ насъ устроилъ. У насъ вонъ сколько разныхъ машинъ и паровозовъ и всего много.

— А сколько у васъ паровозовъ,—спрашиваютъ якутскіе.

— Да мы настояще не знаемъ; штукъ двадцать или больше,—говорятъ общинники.

— А сколько стоятъ всѣ ваши машины и паровозы?—спрашиваютъ якутскіе.

— А кто ихъ знаетъ. Мы ихъ не покупали и не знаемъ,—говорятъ общинники.

— Вотъ это то и плохо, что вы ничего не знаете, а вотъ мы ужъ узнали отъ Василія Голубева, который завѣдывалъ всѣми вашими машинами и паровозами, что всѣ паровозы стоятъ всего 67 тысячъ и 80 долларовъ, а всѣ машины стоятъ около 16 тысячъ, а всѣ постройки мельницъ, кирпичныхъ заводовъ и лѣсопильни и товарный складъ все стоитъ не болѣе, какъ 12 тысячъ и общественный табунъ стоитъ не болѣе, какъ 4 тысячи; а то, что П. В. накупилъ земли на ваши деньги, то вы эту землю не считайте своею: она никогда не была и не будетъ вашей, потому что всѣ

купчія крѣпости сдѣланы на имя П. В., а потому онъ одинъ есть ея хозяинъ, такъ что всего вашего общественнаго имущества есть приблизительно на сто тысячъ долларовъ, а вы должны банку 160 тысячъ долларовъ. Поэтому всѣ ваши паровозы нельзя считать своими, пока вы не выплатите долга. А куда же дѣваются ваши заработанные 150 тысячъ долларовъ, которые вы каждый годъ сдаете П. В.? Почему же онъ не платитъ ваши долги и почему онъ васъ моритъ голодомъ? Вѣдь вы ѣдите квасъ, да картофель. Вы посмотрите, у вашихъ дѣтей животы повыросли отъ такой пищи; потому они у васъ по три года не ходятъ, а вы сами въ такой холодъ ходите въ изношенной одеждѣ".

Тогда общинники говорятъ: „Намъ разъ сказано, что не надо искать богатства, а лишь бы заработать душѣ спасеніе. А вѣдь только въ общинѣ можно спастись".

А якутскіе говорятъ имъ: „въ чемъ же вы тутъ видите спасеніе? Развѣ только въ томъ, что ссоритесь за всякую мелочь? Вы пойдите въ общественную конюшню,—тамъ безконечныя ссоры; и гдѣ дѣлятъ молоко,—также постоянныя ссоры; и гдѣ дѣлятъ товаръ—тоже ссорятся и даже дерутся. Развѣ это спасеніе? Вонъ недавно въ селѣ Любомирномъ сельской кассиръ исколотилъ женщину, Пелагею Бирюкову, за то, что она, больная, не хотѣла идти на работу. Да ее же П. В. всячески ругалъ и она часа три стояла передъ нимъ на колѣняхъ. Развѣ это спасеніе? Или вонъ Димитрій Матросовъ, что недавно пріѣхалъ съ Кавказа. Самъ онъ лежитъ больной, а жена съ четырьмя дѣтьми сидитъ голодная, и въ такой холодъ они живутъ въ полуразрушенномъ домѣ, и вы не даете имъ куска хлѣба и выгнали ихъ изъ села потому, что вамъ приказалъ это П. В. Развѣ это спасеніе?"

А общинники говорятъ: „Да Матросовъ самъ виноватъ. Онъ почему же не спросилъ хозяина? Самовольно пріѣхалъ сюда съ Кавказа, да еще съ фермерами сообщается. А намъ приказано не сообщаться съ тѣми, которые выходятъ изъ общины".

Въ то время по всѣмъ духоборскимъ селамъ былъ только одинъ разговоръ, что объ якутскихъ. Большинство общинниковъ говорили, что якутскіе—„отпадшіе" преступники

передъ Богомъ. А многіе молодые говорили: „Что якутскіе говорятъ, это все правда".

П. В., каждый день получая новыя свѣдѣнія, придумывалъ, какъ бы вытѣснить изъ общины всѣхъ якутскихъ духоборовъ. Первымъ долгомъ онъ придрался изъ-за пищи. Говоритъ: „Да, якутскіе начинаютъ указывать намъ, какую пищу ѣсть и всѣ порядки наши имъ не нравятся, такъ я вотъ покажу имъ, какъ распоряжаться за чужимъ столомъ".

И онъ разослалъ приказы по всѣмъ духоборскимъ селамъ, чтобы, гдѣ есть якутскіе, не дать имъ никакой пищи на два дня, а потомъ, если не покорятся, то еще на два дня не дать имъ ѣсть; а если и тогда не покорятся, то исключить ихъ изъ общины за то, что они не могутъ цѣнить хлѣбъ, какъ даръ Божій. Этотъ приказъ опечалилъ всѣхъ общинныхъ духоборовъ, потому что имъ еще никогда въ жизни не приходилось никого морить голодомъ. Это для нихъ было страшно. Исполнить этотъ приказъ не позволяетъ совѣсть; а не исполнить,—П. В. обѣщаетъ ослушникамъ вѣчную пропасть. И они разговаривали между собою: „Господи, Боже мой, какое время пришло. По неволѣ приходится морить голодомъ своихъ братьевъ, которые страдали, вырабатывали для всѣхъ насъ свободу вѣры и совѣсти. А еще мы называемся христіанами всемірнаго братства. При живности Лукерьи Васильевны не было этого. Она была милостивая, просила, чтобы всѣмъ помогли". А другіе говорятъ: То было время, а теперь другое. Христосъ на престолѣ сидитъ и все новое творитъ.

Въ каждомъ селѣ собирали сходки и призывали якутскихъ и заявляли имъ такъ: „Вотъ мы получили приказъ отъ нашего хозяина, чтобы вамъ не дать хлѣба на два дня, а потомъ если не покоритесь, еще на два дня", и вычитываютъ имъ этотъ приказъ. „Но что вы на это скажете?"

А якутскіе говорятъ: „Это, братья, дѣло ваше. Хлѣбъ вашъ вы можете и не давать намъ. Но это насъ нисколько не страшитъ, потому что намъ въ жизни приходилось всего испытать, и холоду и голоду. Вотъ только плохо будетъ съ малыми дѣтьми. Вѣдь они голодными будутъ кричать и это не хорошо будетъ для васъ. Вѣдь вы называете себя христіанской общиной всемірнаго братства".

Тогда нѣкоторые изъ общинниковъ говорятъ, что дѣтямъ можно давать хлѣба; а другіе говорятъ: „Если бы можно, то было бы въ приказѣ написано. А разъ написано не дать,—значитъ никому не дать".

Такъ расходились люди со сходки. Никто не рѣшался отбирать хлѣбъ. Это тянулось болѣе недѣли. Почти каждый день собирались и говорили, пока проповѣдникъ Николай Зиборовъ показалъ примѣръ: продержалъ два дня голодными своего родного брата Григорія съ женой и четырехлѣтнимъ мальчикомъ. Тогда нѣкоторые послѣдовали его примѣру. А большинство селъ такъ и не могли исполнить того приказа. Въ селѣ Петровомъ было два семейства якутскихъ: Рыльковъ и Махортовъ. У обоихъ у нихъ есть жены и малыя дѣти. Жители села Петрова сначала тоже не исполнили приказъ не давать хлѣба. Никто изъ нихъ не рѣшался отобрать продукты отъ Рыльковыхъ и Махортовыхъ. А потомъ мимо села Петрова проѣзжалъ П. В. и увидѣлъ одного мальчика и спросилъ его: „Что, ваши старики отобрали продукты отъ якутскихъ?" А мальчикъ отвѣтилъ, что нѣтъ, не отобрали. Тогда П. В. осердился и началъ ругаться. Говоритъ: „будь они прокляты! Скажи имъ, что я болѣе не пріѣду въ ихнее село". Мальчикъ побѣжалъ въ село и разсказалъ, что ему сказалъ П. В. Жители испугались угрозъ П. В. и сейчасъ же собрались и пошли и отобрали все, что было изъ продуктовъ у якутскихъ духоборовъ, и уже свареный борщъ вылили на землю. Женщины плакали и просили оставить хлѣба хоть для дѣтей, а они отвѣчаютъ: „Что, мы черезъ васъ погибать будемъ? Мы ужъ разъ пожалѣли было васъ и тѣмъ прогнѣвили хозяина. Вы просите его. Если онъ прикажетъ, мы съ радостью будемъ васъ кормить". И такъ Рыльковыхъ и Махортовыхъ исключили изъ общины. Въ то время село Петрово переходило изъ стараго въ новое село, а якутскимъ не позволили переходить съ ними, а потому они жили въ брошенномъ селѣ. Послѣ этого Рыльковъ и Махортовъ пошли было къ П. В., хотѣли поговорить съ нимъ. Но онъ приказалъ не допускать ихъ близко къ нему. П. В. увидѣлъ, что онъ этимъ своимъ приказомъ не устрашилъ якутскихъ, а только разстроилъ общинныхъ духоборовъ. Тогда онъ разослалъ по селамъ еще приказъ, чтобы отъ

якутскихъ потребовали деньги въ общую кассу, а если они не дадутъ денегъ, то исключить ихъ изъ общины. Онъ зналъ, что денегъ у нихъ нѣтъ, а дѣлалъ это потому, чтобы скорѣе вытѣснить ихъ изъ общины...

Опять по селамъ начали собирать сходки и требовать отъ якутскихъ деньги. Большинство изъ нихъ отвѣчали, что денегъ нѣту, а нѣкоторые изъ нихъ имѣли по немногу денегъ. Они поступили разно. Одни изъ нихъ положили свои деньги въ общую кассу, а другіе говорили такъ: „Хотя у насъ есть нѣсколько рублей денегъ, но мы не дадимъ ихъ, потому что мы видимъ, что П. В. хочетъ насъ вытѣснить изъ общины. А потому намъ эти деньги будутъ нужны хоть на первый случай купить для дѣтей хлѣба или одежду".

Такимъ образомъ, якутскимъ духоборамъ пришлось снова разставаться со своими родными и ближними. Нѣкоторыхъ изъ нихъ просто выгоняли. Другіе, видя, что на нихъ всѣ смотрятъ съ презрѣніемъ, сами удалялись; а нѣкоторые, желая уговорить своихъ родныхъ, на время дѣлались общинниками.

Незадолго передъ этимъ, въ село Отрадное, гдѣ жилъ П. В., пришелъ изъ Якутска Семенъ Морозовъ. Человѣкъ онъ ужъ не молодой. Его встрѣтили съ радостью жена и дѣти. Старшій сынъ ужъ былъ женатъ. Морозовъ высказывалъ свое мнѣніе своему семейству относительно П. В., что онъ признаетъ его за обыкновеннаго человѣка и находитъ неправильность въ его поступкахъ. Объ этомъ сейчасъ же донесли П. В., а онъ приказалъ допросить семейство Морозова; если они хотятъ жить въ общинѣ, то они должны сейчасъ же выгнать изъ дома пришедшаго изъ Якутска Морозова; а если они желаютъ жить съ нимъ, то сейчасъ исключить ихъ всѣхъ изъ общины и не имѣть съ ними никакого сношенія. Семейство Морозова испугалось угрозъ П. В. и выгнало изъ дому своего отца и жена мужа. Когда выгнали, то всѣ плакали, какъ по покойнику. Морозовъ въ зиму пошелъ зарабатывать себѣ пропитаніе, и тамъ простудился и заболѣлъ, и снова рѣшился пойти къ своему семейству, думая, что надъ больнымъ можетъ и сжалятся. Жена и дѣти хотѣли принять его, чтобы никто не зналъ, пока онъ выздоровѣетъ,

но сноха разсказала сосѣдямъ и опять донесли П. В., и онъ снова приказалъ выгнать. Такъ Морозовъ до сего времени не имѣетъ права видѣться съ своимъ семействомъ.

На сѣверномъ участкѣ есть духоборское село Покровка. Это названіе они сами себѣ назначили, когда пришли въ Канаду. А по пріѣздѣ П. В. у нихъ вышла неудача. Жители села Покровки два года подъ рядъ сдали денегъ въ общую кассу меньше, чѣмъ сдали другія всѣ села. П. В. назвалъ ихъ лѣнтяями и въ наказаніе имъ далъ новое названіе ихнему селу. Вмѣсто Покровки назвалъ его „Недохватное", и это позорное названіе они носили нѣсколько лѣтъ и всегда чувствовали себя преступниками, отбывающими срокъ своего наказанія и всѣми силами старались исправить себя въ этомъ. Они стали сдавать денегъ ужъ болѣе другихъ селъ, а все-таки называли ихнее село Недохватнымъ. Имъ это казалось непереносимой обидой. Они хотѣли просить П. В., чтобы онъ перемѣнилъ имъ названіе села. Да никто не осмѣливался подойти съ этой просьбой. Потомъ они рѣшили написать прошеніе и подать П. В. Выбрали со всего села самаго грамотнаго человѣка и поручили ему писать прошеніе. И онъ исписалъ два большихъ листа бумаги. Начиналось прошеніе такъ: „Господь ты нашъ милосердный. Велика твоя милость святая. Сжалься надъ нами, яви намъ своей милости хоть съ маковое зернышко. Сними съ насъ тяжелое наказаніе. Дай нашему селу какое либо христіанское названіе. Мы будемъ стараться изо всѣхъ силъ, чтобы у насъ не было впредь недостатковъ". И такими просьбами и обѣщаніями были переполнены два листа. Потомъ собрали сходку и вычитали прошеніе, и всѣмъ понравилось. Въ селѣ „Недохваткѣ" былъ изъ якутскихъ Григорій Войкинъ. Его тоже позвали на сходку и спросили его, нравится ли ему это прошеніе. Войкинъ отвѣтилъ, что прошеніе это не имѣетъ никакого здраваго смысла; во-первыхъ потому, что названіе не сдѣлаетъ людей плохими, если они сами по себѣ хорошіе; а во-вторыхъ потому, что вы въ прошеніи называете П. В. Богомъ, а вѣдь вы знаете, что Богу не подаютъ прошенія на бумагѣ, а если онъ Богъ, то вы молитесь здѣсь. Онъ долженъ услышать васъ и перезвать ваше село, а если онъ не услышитъ, то значитъ онъ такой же человѣкъ, какъ

и мы, и нечего его просить, а самимъ дать названіе своему селу, какое вамъ нравится. Нѣкоторые общинники стали было соглашаться съ Войкинымъ, но большинство зашумѣли, что якутскій—невѣрующій, потому говоритъ такъ. Сейчасъ же отправили прошеніе къ П. В. Черезъ недолгое время П. В. пріѣхалъ въ гости въ село „Недохватное“ и былъ очень веселый. Спросилъ, кто это прошеніе писалъ, а потомъ сказалъ: „Вотъ я даю новое названіе вашему селу. Отнынѣ ваше село будетъ называться „Покровеніе Духа Святаго“. Тогда они всѣ упали на землю и поблагодарили его за такую милость. И потомъ П. В. уѣхалъ домой. А Григорія Войкина вскорѣ послѣ этого выгнали изъ селенія за то, что онъ неправильно истолковалъ ихъ прошеніе.

Послѣ всего этого среди общинныхъ духоборовъ появилось разногласіе относительно якутскихъ духоборовъ. Одни говорили, что они достойны, чтобы ихъ выгоняли, а другіе говорятъ, что—мы сами хуже якутскихъ, только не хотимъ слушать, что они говорятъ намъ правду. Однажды въ воскресенье собралось нѣсколько человѣкъ молодыхъ общинныхъ духоборовъ и завели разговоръ о якутскихъ. Одинъ изъ нихъ задалъ вопросъ такой: „Вотъ, братья, я не могу понять, что это написано въ приказѣ. Предписываю Христіанской Общинѣ Всемірнаго Братства не дать хлѣба своимъ же якутскимъ братьямъ.—А по моему, если ужъ всемірное братство, то нужно всѣмъ давать. А если не давать, то не надо называться всемірнымъ братствомъ“. А другіе говорятъ: „Да они то якутскіе ужъ очень смѣло поступаютъ. Вонъ Григорій Зиборовъ на сходкѣ при всѣхъ сказалъ, что П. В. самъ очень низко понимаетъ. Развѣ можно такъ говорить на хозяина?“ А другой говоритъ: „Да вѣдь онъ это потому сказалъ, что въ приказѣ написано, что якутскіе не могутъ цѣнить хлѣбъ, какъ даръ Божій. А потому Зиборовъ и говоритъ: „Мы то можемъ цѣнить хлѣбъ, потому что намъ приходилось много разъ быть голодными. Мы когда были въ дисциплинарномъ баталіонѣ, то, бывало, найдешь валяющійся кусочекъ хлѣба, да оботрешь его, и съѣшь вмѣсто калача. Да и въ Якутскѣ первую зиму чуть не умерли съ голоду. Да, только тотъ, кто побудетъ голодный, можетъ оцѣнить хлѣбъ, какъ даръ Божій“.

— „А П. В. всегда былъ засыпанъ по горло деньгами и никогда не видалъ недостатка въ пищѣ, а потому онъ очень низко понимаетъ о хлѣбѣ. А вѣдь, если правду сказать, оно такъ и есть. Вѣдь, мы же сами знаемъ, что П. В. на принцѣ Альбертѣ самъ сказалъ общинникамъ, что онъ во время своей ссылки израсходовалъ на себя 32 тысячи рублей денегъ. Это подумать надо: на одного человѣка 32 тысячи. А вѣдь якутскіе ничего отъ духоборовъ не получали, а тѣ деньги, которыя мы обществомъ посылали имъ, они не видѣли ихъ, потому что ихъ получали Вася, и Ваня, и Гриша Веригины".

А другіе говорятъ: „А что же по твоему? Ихъ надо равнять съ хозяиномъ, что-ли? Они вонъ, якутскіе, говорятъ и на всѣхъ насъ, что мы ничего не понимаемъ. Вонъ въ селѣ Петровкѣ Николай Рыльковъ, якутскій, всѣхъ назвалъ машинными колесами. Говоритъ, „вы крутитесь только тогда, когда П. В. наложитъ на васъ ремень; а сами вы ничего не понимаете",—развѣ это хорошо? Только они—якутскіе—понимаютъ, а мы видно хуже ихъ, что ли?"

А другіе говорятъ: „А что, не правда?"—Намъ приказываютъ брать палки и бить голыхъ своихъ братьевъ, и мы беремъ и бьемъ. Намъ приказываютъ морить голодомъ своихъ братьевъ и мы то же дѣлаемъ, и никто не подумаетъ, хорошо ли это или дурно? Развѣ это не машинныя колеса? А сами мы чѣмъ лучше якутскихъ? Никто изъ насъ правдой не живетъ. Вонъ въ селѣ Богдановкѣ призвали на сходку якутскаго Ивана Малахова и спрашиваютъ его: „У тебя есть деньги?" И онъ говоритъ: „Есть рублей сорокъ". Они говорятъ: „Нашъ хозяинъ предписываетъ въ приказѣ, чтобы вы всѣ эти деньги положили въ общую кассу, потому что, кто живетъ въ общинѣ, тотъ не долженъ имѣть у себя на рукахъ денегъ ни одного цента". А Малаховъ говоритъ: „хорошо, я положу свои деньги, если только и вы всѣ положите до одного цента". А они говорятъ: „у насъ нѣту, мы уже давно живемъ безъ денегъ". А Малаховъ говоритъ: „какъ это нѣту? Я знаю, что вотъ у этого есть деньги", указывая на угадъ сидящаго около него человѣка. Тотъ оробѣлъ и думалъ, что и правда Малаховъ знаетъ, что у него есть деньги, и говоритъ: „Да вы думаете, что только у одного меня есть

деньги? Я знаю, что у всѣхъ есть", и начали тогда указывать одинъ на другого, и оказалось, что у всѣхъ есть денегъ болѣе, чѣмъ у Малахова. А Малаховъ и говоритъ имъ: „это очень плохо, что вы свои деньги крадете и дѣлаетесь ворами, и называетесь христіанами". Тогда они начали оправдываться. Говорятъ: „это мы оставили изъ своихъ заработковъ на крайнюю нужду. Часто бываетъ, что въ семействѣ кто заболѣетъ, и не за что будетъ купить лѣкарства". А Малаховъ говоритъ: „У васъ же есть деньги въ общей кассѣ?" А они говорятъ: „Но ужъ изъ кассы то не дадутъ". А онъ имъ говоритъ: „А на что же вы устроили себѣ такую кассу, что туда класть можно, а оттудова и на нужду взять нельзя? Развѣ такая должна быть общая касса? Это не община, а это рабство". Тогда имъ всѣмъ стало совѣстно, и они уже болѣе не стали требовать денегъ отъ Малахова. Вотъ вамъ и плохіе якутскіе, а мы хорошіе. Они насъ обличаютъ, а мы ихъ за то не любимъ. Они вонъ, якутскіе, затрагиваютъ самого хозяина и этихъ дѣвушекъ... А мы братцы, только лицемѣримъ...

Во время этого разговора люди все приходили и ихъ набралось полный домъ. Разговоръ этотъ прервался пришедшими туда стариками, которые начали почти ругать собесѣдниковъ, говоря: „Вы что, молокососы, начали свои порядки вкладывать? Про васъ только доложить хозяину: онъ вамъ покажетъ, какъ распоряжаться. Якутскихъ вонъ выгоняютъ. То и вамъ будетъ".

П. В., видя, что онъ своими строгими мѣрами не успокоиваетъ, а болѣе разстраиваетъ всѣхъ общинныхъ духоборовъ, сталъ прибѣгать къ своему обычному средству. Онъ призвалъ къ себѣ двухъ проповѣдниковъ — Пономарева и Зиборова—тѣхъ самыхъ, которые до его пріѣзда вели босыхъ духоборовъ навстрѣчу Христу. И онъ приказалъ имъ итти по всѣмъ духоборскимъ селамъ и увѣщевать духоборовъ, чтобы они перестали роптать, а молились бы Богу, потому что время Страшнаго Суда Божьяго близко. Пусть ожидаютъ каждую минуту. Проповѣдники разошлись по разнымъ селамъ и говорили, что имъ было приказано. Когда Зиборовъ пришелъ въ село Любомирное, гдѣ я въ то время находился, онъ приказалъ собраться всѣмъ мужчи-

намъ и женщинамъ въ одинъ домъ. Я тоже пошелъ туда. Зиборовъ началъ такъ: „Вотъ, братья и сестры, хозяинъ нашъ очень опечаленъ тѣмъ, что между вами появился ропотъ и недовольствіе. Многіе изъ васъ недовольны пищей и одеждой и всѣми порядками, которые онъ самъ установилъ. А вы знаете, что ропотъ ведетъ въ погибель? Хозяинъ очень жалѣетъ васъ и потому послалъ насъ предупредить васъ, что время страшнаго суда Божьяго наступаетъ не нынче-завтра. То вы ждали годы, а теперь остались минуты. А потому онъ совѣтуетъ вамъ бросить всякія размышленія и молиться Богу и со страхомъ ожидать каждую минуту. Среди васъ появилось много невѣрующихъ людей, которые совращаютъ васъ съ истиннаго пути. Вотъ съ Якутска пріѣхали наши бывшіе братья. Они даже не признаютъ Бога, а потому хозяинъ совѣтуетъ съ ними даже не разговаривать".

Тогда я спросилъ Зиборова: „Скажи мнѣ, кто изъ якутскихъ говорилъ тебѣ, что онъ не признаетъ Бога?"

Но Зиборовъ не могъ указать. А потомъ сказалъ: „Но если они признаютъ Бога, а Христа во второмъ пришествіи не признаютъ, то кто не знаетъ Христа, тотъ не знаетъ и Бога".

Я спросилъ его, въ какомъ онъ видѣ признаетъ пришествіе Христа.

А онъ говоритъ мнѣ: „Вамъ нечего говорить, потому что вы не вѣрите". А потомъ онъ обратился ко всѣмъ слушающимъ и говоритъ: „А вамъ тоже я не буду разсказывать о пришествіи Христа, потому что вы должны знать, кто Христосъ и что пришествіе его. А если вы только будете такъ роптать и слушать отпадшихъ людей, то онъ скажетъ на васъ: „Будь вы прокляты!" и уйдетъ отъ васъ. Такъ вы и погибнете. Эта будетъ та самая молнія, о которой написано, что блеснетъ отъ востока и до запада". А потомъ Зиборовъ обратился къ женщинамъ и говоритъ: „А васъ, сестры, господинъ нашъ просилъ, чтобы вы пребывали въ вѣрѣ и надеждѣ и чтобы уговаривали своихъ мужей, чтобы они не бросали общину. Вѣдь только въ общинѣ есть спасеніе. Все то дорого для Бога, кто что дѣлаетъ въ пользу общины. А безъ общины, какъ бы люди хорошо не дѣлали,

все есть ничто передъ Богомъ. Вотъ приближается время, что Богъ выберетъ своихъ вѣрныхъ, а остальныхъ всѣхъ истребитъ съ лица земли".

Тогда я спросилъ Зиборова: „На чьи деньги всѣ духоборы переѣхали изъ Кавказа въ Канаду?"

А Зиборовъ говоритъ, что имъ посторонніе люди пособляли.

— „А кто эти люди, которые пособляли вамъ?" говорю я.

А онъ говоритъ: „Мы ихъ лично не знаемъ, а всѣ пожертвованія шли черезъ Л. Н. Толстого и черезъ Чертковыхъ, а болѣе всѣхъ пособляли христіане изъ Америки. Ихъ называютъ квакерами. Они израсходовали на насъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Они платили за проѣздъ по морю, и въ Канадѣ первые годы доставляли намъ продукты, и одежду и все, что намъ было нужно".

Я тогда сказалъ: „Вотъ они не живутъ въ общинѣ и не признаютъ П. В. за Христа; значитъ, по твоему ученію, ихнія пожертвованія есть ничто передъ Богомъ?"

А онъ говоритъ: „Да они, можетъ, повѣрятъ во Христа и соединятся съ нами".

А я говорю: „А если не соединятся?"

А онъ говоритъ: „Тогда погибнутъ вмѣстѣ съ другими грѣшниками". Тогда онъ обратился ко всѣмъ слушающимъ и говоритъ, что всѣ пожертвованія были ради нашего господина и по его желанію. А если бы не онъ, то намъ бы никто не далъ куска хлѣба, и мы бы пропали.

Такъ проповѣдники говорили по всѣмъ селамъ, и послѣ ихней проповѣди общинники замолчали; начали молиться Богу и ожидать суда Божьяго.

На слѣдующее лѣто П. В. ужъ не пустилъ общинныхъ духоборовъ на вольныя заработки, гдѣ они могли почти полгода пользоваться свободнымъ размышленіемъ и разговаривать съ посторонними людьми и якутскими духоборами, отъ чего могло разсѣиваться суевѣріе. Во избѣжаніе всего этого онъ придумалъ средство удержать ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Онъ обязался желѣзнодорожной компаніи выработать нѣсколько миль строющейся желѣзной дороги. Туда и пригналъ всѣхъ своихъ рабочихъ. Приказчиками поставилъ своихъ проповѣдниковъ, которые вмѣстѣ съ работой внушали рабочимъ

быть послушными своему господину и не имѣть у себя денегъ. Приказчикамъ было дано право немедленно выгнать изъ общества рабочихъ тѣхъ изъ нихъ, которые осмѣлятся въ чемъ либо противорѣчить имъ.

Петръ Васильевичъ, пріѣзжая туда на работу, говорилъ рабочимъ, чтобы они не такъ скоро работали и чтобы не потѣли. А приказчикамъ приказывалъ, чтобы они заставляли рабочихъ скорѣе работать. А когда П. В. возвращался съ работы домой, то разсылалъ по селамъ приказы, въ которыхъ говорилъ, что онъ очень радъ, что рабочіе всѣ вмѣстѣ и говорилъ, что въ этомъ большая польза для нихъ всѣхъ. Въ томъ же приказѣ онъ объявилъ, чтобы всѣ общинные духоборы постригли волосы дѣвочкамъ до 13-ти лѣтняго возраста, а съ мальчиковъ чтобы сняли штаны и надѣли длинныя рубахи. Дѣвочки очень плакали, когда ихъ родители насильно стригли, а мальчики тоже и стыдятся ходить безъ штановъ; прятались, не хотѣли, чтобы люди видѣли ихъ.

По окончаніи работы на желѣзной дорогѣ П. В. получилъ всѣ деньги. И, какъ видно, эта коммерція ему очень понравилась. Ему бы хотѣлось увеличить ее. Онъ вспомнилъ, что въ Россіи есть много забитыхъ и голодныхъ мужиковъ, которыми онъ рѣшилъ воспользоваться. Онъ узналъ отъ компаніи, что имъ надо много рабочихъ. Тогда онъ предложилъ имъ свои услуги, что онъ доставитъ имъ 10 тысячъ русскихъ дешевыхъ рабочихъ. Компаніи такое предложеніе показалось выгоднымъ, а потому они пообѣщались заплатить П. В. за каждаго привезеннаго имъ рабочаго человѣка. Вскорѣ послѣ этого П. В. сталъ собираться ѣхать въ Россію. Передъ отъѣздомъ онъ разослалъ по всѣмъ селамъ большой приказъ, въ которомъ объявилъ духоборамъ, что онъ уѣзжаетъ въ Россію мѣсяцевъ на шесть и приказалъ, чтобы не пріѣзжали всѣ духоборы провожать его, а чтобы пріѣхали изъ каждаго села одинъ мужчина и одна женщина, и чтобы они привезли денегъ на дорогу отъ всего села, какъ вольное пожертвованіе, а такъ какъ онъ знаетъ, что денегъ въ селахъ нѣту, то пусть займутъ, гдѣ дадутъ, а послѣ отработаютъ. А также онъ приказалъ, чтобы всѣ находящіеся въ общественномъ складѣ товары для одежды и другіе мате-

ріалы, купленные разъ за общественныя деньги,—теперь покупали снова каждый за свои деньги; у кого нѣтъ денегъ, тому будутъ давать въ долгъ и будутъ присчитывать проценты; и чтобы съ каждаго села продали по 2000 бушелей пшеницы и деньги чтобы отдали его секретарю Семену Рыбину, а если въ какомъ селѣ мало пшеницы, то все-таки должны продать означенное число, а если ѣсть будетъ нечего, то должны просить у сосѣдей. Деньги собирать за пшеницу и за товары онъ поручилъ Семену Рябину и Василію Потапову, а обращаться за наставленіями до его пріѣзда онъ приказалъ проповѣдникамъ Пономареву и Зиборову. А Ивану Конкину онъ приказалъ разъѣзжать по селамъ и слаживать хоры пѣвчихъ, подготовлять ихъ къ встрѣчѣ по пріѣзду П. В. изъ Россіи.

Въ назначенный день съѣхались съ каждаго села мужчины и женщины съ деньгами провожать П. В. съ его спутниками. А спутниками были: его помощникъ Павелъ Планидинъ и 90-лѣтній старикъ Махортовъ, двѣ дѣвушки и переводчикъ (англійскаго языка) Гридчинъ (духоборъ). Поѣхали они не прямо въ Россію, а заѣзжали въ разныя государства, осматривали столичные города и разные музеи и проч. Всюду, гдѣ разъѣзжалъ П. В., онъ находилъ друзей Л. Н. Толстого и всѣхъ тѣхъ людей, которые сочувствовали духоборамъ во время гоненія ихъ на Кавказѣ и подавали имъ денежную помощь. Какъ потомъ мы узнали изъ писемъ русскихъ друзей, онъ расхваливалъ имъ духоборскую общину, говорилъ, что духоборская община вытекаетъ изъ религіознаго міровоззрѣнія и изъ любви къ ближнему, а управляется община комитетомъ, выборными мужчинами и женщинами, и что онъ, П. В., обыкновенный членъ общины, что этотъ годъ онъ не попалъ даже въ выборные. Говорилъ онъ также, что община послала его поблагодарить всѣхъ тѣхъ людей, которые пособляли имъ въ трудное время. А еще онъ говорилъ имъ, что духоборская община живетъ очень богато; имѣетъ на каждыя три села паровую мельницу и разные заводы и склады, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они имѣли (въ 1906 г.) на 13 селъ одну мельницу съ однимъ каменнымъ маленькимъ жерновомъ, работаютъ безъ всякой очистки. Мука годится только для себя, а въ продажу не

годится. Онъ хвалился, что у духоборовъ браки отличаются особенной прочностью, тогда какъ на самомъ дѣлѣ самъ онъ прогналъ свою законную жену и по его приказанію чуть не каждый день производятся разводы мужей съ женами. И еще много онъ говорилъ того, чего нѣтъ и не было.

По пріѣздѣ въ Россію онъ заявился къ Л. Н. Толстому и ему говорилъ тоже. А потомъ онъ принялся выполнять свою главную задачу: вызывать охотниковъ рабочихъ въ Канаду. Онъ помѣщалъ статьи въ газетахъ, гдѣ объяснялъ всѣ выгоды работы въ Канадѣ. Онъ обращался въ рабочіе комитеты и старался убѣдить ихъ, что онъ—искренній доброжелатель русскихъ голодающихъ рабочихъ. Но старанія его были напрасны. Рабочіе комитеты не одобрили его плана.

Такъ и не пришлось воспользоваться русскими рабочими.

По возращеніи въ Канаду онъ разослалъ по всѣмъ селамъ большое письмо съ разъясненіемъ о поѣздкѣ его въ Россію. Онъ писалъ, что онъ былъ въ девяти государствахъ и что вездѣ его очень хорошо встрѣчали и провожали, и что въ Россіи онъ разговаривалъ съ шестью генералами и со всѣми министрами, и будто всѣ они очень любезно принимали его и очень рады были, что онъ заявилъ желаніе возвратиться въ Россію, и будто министръ внутреннихъ дѣлъ въ его присутствіи по телефону говорилъ о немъ и тоже очень радъ, что онъ желаетъ возвратиться въ Россію. Въ томъ же письмѣ П. В. благодарилъ Ивана Конкина за то, что онъ хорошо подготовилъ пѣвчихъ.

До того времени духоборы, живя въ Канадѣ, пользовались землей, но не хотѣли принимать Велико-Британскаго подданства. Правительство ужъ не разъ заявляло, что если они не примутъ подданства, то оно отберетъ отъ нихъ землю. Но духоборы не обращали на это вниманія, потому что они думали, что правительство не можетъ этого сдѣлать, если не пожелаетъ этого П. В. Но въ то время, когда П. В. ѣздилъ въ Россію, Канадское правительство исполнило свое обѣщаніе: отобрало отъ общинныхъ духоборовъ землю, а оставило имъ для прокормленія по 15 акровъ на душу и заявило духоборамъ, что они могутъ пользоваться этой зем-

лей, пока будетъ угодно правительству, а когда доложили объ этомъ П. В., то онъ осердился на Канадское правительство и сказалъ духоборамъ, что онъ не хочетъ навсегда оставаться жить въ Канадѣ, а найдетъ мѣсто съ теплымъ климатомъ и безъ подданства и туда переселитъ всѣхъ общинныхъ духоборовъ, гдѣ они будутъ заниматься садоводствомъ. А въ Канадѣ послѣ того, какъ уѣдутъ оттуда духоборы, П. В. сказалъ, что будетъ шесть лѣтъ подъ рядъ голодъ и смятеніе народа за то, что они не оцѣнили его величія.

Чтобы оправдаться передъ тѣми людьми, которымъ онъ хвалился, что духоборская община живетъ богато и во всемъ имѣетъ изобиліе, П. В. рѣшилъ послать пять тысячъ долларовъ въ помощь русскимъ голодающимъ. Одну тысячу онъ положилъ изъ тѣхъ денегъ, что остались у него отъ поѣздки, а четыре тысячи онъ приказалъ духоборамъ занять въ банкѣ. Собравъ, онъ послалъ всѣ эти деньги на имя Л. Н. Толстого, и этимъ еще болѣе убѣдилъ его въ томъ, что онъ говорилъ правду о богатствѣ духоборской общины. Но въ сущности духоборская община въ нынѣшнемъ (1908) году терпитъ недостатки нисколько не меньше, какъ русскіе голодающіе, потому что бывшій у нихъ старый хлѣбъ П. В. приказалъ весь продать и предоставить ему деньги, а новый хлѣбъ нынѣшней зимой убилъ морозъ такъ сильно, что большую часть пришлось скосить на сѣно, а какой и смолотили, то онъ настолько плохъ, что ѣсть его можно только въ силу крайней необходимости. Кромѣ того, не задолго передъ тѣмъ, какъ морозъ убилъ хлѣбъ, П. В. разослалъ по селамъ приказъ, чтобы съ каждаго села продали по 15 коровъ и представили деньги въ общую кассу. А мы ужъ раньше сказали, что въ общинѣ имѣется всѣхъ коровъ около 20 головъ на село; во многихъ селахъ меньше 20, а въ одномъ селѣ оказалось только 16 коровъ, такъ что по продажѣ 15-ти коровъ у нихъ оставалось на все село одна корова. Они назначили двухъ человѣкъ и послали попросить П. В., чтобы онъ оставилъ имъ хоть трехъ коровъ, чтобы имъ имѣть молока хоть для малыхъ дѣтей. Но П. В. отвѣтилъ на ихъ просьбу очень грозно, сказалъ имъ: „Если не хотите исполнять мое повелѣніе, то хоть совсѣмъ не продавайте“. Такой отвѣтъ заставилъ ихъ скорѣй исполнить его приказаніе.

Кромѣ голодовки духоборскую общину угнетаютъ долги, на которые имъ приходится платить проценты. Кромѣ того, что они должны банку, еще каждое село должно по тысячѣ и по двѣ въ свой общественный складъ, туда тоже нужно платить проценты. Да бѣда въ томъ, что расплатиться съ долгами нельзя, потому что всѣ деньги, заработанныя и полученныя отъ продажи хлѣба и скота, немедленно надо отдавать въ общую кассу.

Вскорѣ послѣ этого П. В. приказалъ, чтобы въ каждомъ селѣ была одна общая хлѣбопекарня, и чтобы женщины поочереди пекли хлѣбъ для всего села. Но такъ какъ у однѣхъ очередныхъ женщинъ хлѣбъ удавался лучше, а у другихъ хуже, то люди не хотѣли принимать плохой хлѣбъ, а требовали хорошій. Отъ этого вышли безконечныя ссоры и драки, такъ что и выборныя женщины не могутъ уладить этотъ вопросъ.

Еще въ то время, когда духоборы пріѣзжали въ Канаду, то часть духоборовъ съ послѣднихъ партій избрали себѣ мѣсто для поселенія около трехъ сотъ миль на югъ отъ общаго поселенія духоборовъ. Мѣсто это называется Принцъ Альбертъ, въ Саскачеванскомъ округѣ. Тамъ они основали себѣ 13 селъ. Всѣ они поселились вблизи такъ называемой Красной рѣчки. Мѣста тамъ много разъ лучше тѣхъ мѣстъ, гдѣ поселились первыя партіи духоборовъ. Тамъ не надо выкапывать деревянные кусты для расчистки земли подъ пашню, что приходилось дѣлать тамъ, гдѣ живутъ остальные духоборы. И такъ какъ то мѣсто расположено далеко южнѣй, то тамъ морозъ не убиваетъ хлѣбъ такъ, какъ онъ убиваетъ почти каждый годъ въ другихъ мѣстахъ духоборческихъ поселеній, а потому та часть духоборовъ, которая поселилась на Принцъ-Альбертѣ, очень скоро пережила всякую нужду и стали жить полными хозяевами. Они завели достаточно скота и стали засѣвать много хлѣба, такъ что хватало для себя и еще продавали. Но по пріѣздѣ въ Канаду П. В., они тоже отдали себя въ его распоряженіе. По его приказанію большая часть изъ нихъ примкнули къ общинѣ, сложивъ все свое имѣніе въ одно мѣсто, и стали жить сообща. Но хотя они жили въ общинѣ, но они не терпѣли такихъ недостатковъ, какъ терпятъ общинные духоборы въ

общемъ поселеніи. А немногіе изъ нихъ сразу не захотѣли жить въ общинѣ, остались при своихъ хозяйствахъ. А многіе изъ нихъ пожили недолгое время въ общинѣ и убѣдились, что община устраивается не ради душеспасенія, а ради денежной наживы одного человѣка, а потому они стали одинъ за другимъ выходить изъ общины и стали жить каждый своимъ хозяйствомъ. П. В. всѣми силами старался удержать ихъ въ общинѣ. Онъ обѣщалъ выходящимъ изъ общины вѣчную пропасть, а оставшимся въ общинѣ онъ строго приказывалъ не сообщаться съ ними и не разговаривать. Но ни какъ онъ не могъ возстановить между ними враждебныхъ отношеній. Какъ только онъ уѣдетъ отъ нихъ, то они опять начинаютъ жить по-дружески. Онъ часто посылалъ туда своихъ посланниковъ поддерживать ихъ, но все это было напрасно. Общинные и необщинные всегда сходились вмѣстѣ, разговаривали и продолжали одинъ за другимъ выходить изъ общины, такъ что необщинныхъ образовалось не малое общество. Они построили школу и начали обучать своихъ дѣтей грамотѣ по-англійски и по-русски. Школу они построили на тѣ деньги, о которыхъ мы раньше сказали, что пожертвовала 15 тысячъ долларовъ покойная женщина—англичанка. П. В. увидѣлъ, что та часть духоборовъ скоро выйдетъ изъ его подчиненія. Тогда онъ строго приказалъ оставшимся въ общинѣ оставить эти мѣста, на которыхъ они жили, и переселиться туда, гдѣ живутъ всѣ духоборы, и занять тѣ худшія мѣста, которыхъ до сихъ поръ никто не хотѣлъ занимать. Они сразу не могли отказаться и пообѣщали переселиться, но потомъ имъ очень жаль было бросить тѣ мѣста, гдѣ они жили. Хотя не съ охотой, но все таки они начали переселеніе, но такъ медленно, что оно тянулось очень долго, такъ что одни переѣзжали, а другіе нѣтъ. П. В. убѣдился въ томъ, что разоренные и голодные духоборы гораздо лучше ему подчиняются. Тогда онъ началъ разорять и принцъ-альбертскихъ общинныхъ духоборовъ. Приказалъ имъ продать весь хлѣбъ и доставить деньги въ общую кассу, а такъ какъ они не хотѣли продавать весь хлѣбъ и оставляли себѣ по-немногу въ запасъ, П. В. посылалъ туда своихъ приказчиковъ, которые ходили по амбарамъ и, находя оставшійся хлѣбъ, принуждали ихъ

продавать все до зерна и доставлять деньги въ кассу. А потомъ онъ приказалъ имъ продать весь лишній скотъ и представить деньги въ кассу, а оставшійся скотъ велѣлъ отправить на новое мѣсто поселенія, а потомъ строго заявилъ имъ: „если кто мой, тотъ скорѣй переселяйся, а если кто не хочетъ, такъ и не надо". Увидѣвъ, что у нихъ ничего нѣтъ, они начали тогда поневолѣ переселяться съ ропотомъ и недовольствіемъ. Нѣкоторые изъ нихъ ворочаются назадъ, не имѣя при себѣ ничего. А еще болѣе ихъ опечалило то, что на новомъ мѣстѣ поселенія морозъ убилъ хлѣбъ, а на старомъ мѣстѣ хлѣбъ уцѣлѣлъ отъ мороза. И теперь они наравнѣ со всѣми общинниками терпятъ недостатки въ пищѣ и въ одеждѣ и во всѣхъ домашнихъ потребностяхъ.

Послѣдній приказъ П. В. послѣдовалъ, чтобы въ каждомъ селѣ назначили двухъ женщинъ исправлять должность конюховъ. Чтобы каждая изъ нихъ досматривала пару лошадей, кормила и чистила ихъ, а также, какъ мужчина, всюду ѣздила на нихъ, гдѣ придется, тамъ и ночевала, въ лѣсу ли или на полѣ, на пашнѣ или въ городѣ. Этотъ порядокъ многимъ не понравился, а болѣе всего не понравился этотъ порядокъ тѣмъ мужьямъ, чьихъ женъ назначали быть конюхами.

Такъ какъ въ моемъ описаніи очень много говорится противъ П. В. и противъ порядковъ Канадской духоборской общины, то я думаю, что читающіе сіе описаніе могутъ предполагать, что я сердитъ на П. В. и на общину и потому пишу такъ. Но такія предположенія будутъ ошибочны, потому что, по моему понятію, нѣтъ никакого смысла сердиться на такихъ людей, какъ П. В., которые ослѣплены властью до безумія и объ нихъ нужно скорѣе пожалѣть, чѣмъ сердиться. А что касается общины, то я настоящую братскую общину люблю всѣмъ сердцемъ и всегда радъ жить въ ней, но никакъ не могу терпѣть того обмана и насилія, которымъ держится канадская духоборская община. Но потому я такъ прямо написалъ, что глубоко вѣрю тому, что не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ. А разъ я пишу правду, то я даже и не думаю о томъ, какія отъ нея будутъ послѣдствія, потому что убѣжденъ въ томъ, что правда не дѣлаетъ никому вреда, а,

напротивъ, правда должна принести пользу, если не въ матеріальномъ, такъ въ духовномъ смыслѣ.

А также я думаю, что читающіе сіе описаніе могутъ прійти къ такому заключенію, что духоборы всѣ глупы и потому ихъ обманываютъ. Но и такое заключеніе будетъ неправильно, потому что духоборы не всѣ глупы, а есть среди нихъ люди даже очень высокаго ума. Можно надѣяться, что только молодое и будущее поколѣніе духоборовъ сможетъ совсѣмъ сбросить съ себя Веригинское рабство, и если только также будутъ стремиться къ любви и братству, то сумѣютъ создать сами для себя такой порядокъ жизни, при которомъ будетъ возможна счастливая христіанская жизнь.

Прежніе мои взгляды не согласуются съ настоящими. Это можно объяснить тѣмъ, что я въ то время находился еще подъ тѣмъ покрываломъ, подъ которымъ находится и теперь еще большинство духоборовъ. Хотя я уже тогда ясно сознавалъ всю ту правду, которую сейчасъ пишу, но тогда я еще не имѣлъ въ себѣ достаточной силы, чтобы переступить ту загородку, которою загораживается каждая секта въ отдѣльности, такъ что ложный страхъ тогда еще царилъ во мнѣ. Но теперь же то покрывало настолько стало тягостно, что и дышать подъ нимъ стало тяжко и смотрѣть темно, но для того, чтобы совсѣмъ сбросить его съ себя, много надо бороться самому съ собой.

Всѣмъ извѣстный духоборъ, старикъ Иванъ Махортовъ, котораго П. В. всюду возитъ съ собою и любитъ его за то, что онъ, Махортовъ, среди духоборовъ громко доказываетъ святость и величіе П. В. и этимъ укрѣпляетъ его власть, въ послѣднее время сильно заболѣлъ, и увидя, что приближается конецъ его жизни, какъ видно, почувствовалъ себя виновнымъ въ порабощеніи духоборовъ и въ порывѣ искренности со слезами высказалъ правду такъ: „Братья и сестры, просите Петра Васильевича, чтобы онъ васъ освободилъ, потому что я вижу, что съ этой жизни не выйдетъ добра, а вы только утратите и то, что у насъ есть хорошаго, что выработали мы и предки наши, а эта внѣшняя жизнь устраивается не для спасенія души, а для славы и для богатства.

А духоборцы должны искать духовнаго мира, а не славы человѣческой".

Такъ же чувствуютъ и говорятъ многіе духоборы, потому что такой порядокъ жизни не удовлетворяетъ ихъ духовной потребности, они переживаютъ эту жизнь, какъ бы отбываютъ срокъ своего наказанія. „Что эта за жизнь", говорятъ духоборы, „некогда подумать о самомъ себѣ. Мы сходились въ общину для того, чтобы зажить любовью братскою, а теперь стало больше зла, чѣмъ было прежде. Почти каждый день исключаемъ другъ друга изъ общины, ссоримся и ненавидимъ и даже не разговариваемъ со своими братьями, и сами не знаемъ за что".

„Мы все гонимся за машинами да за паровозами, и столько нацѣпляли долговъ на свою шею, что вѣкъ будемъ ходить по работникамъ и никогда не расплатишься, такъ и погибнешь во злѣ и ненависти. Боже мой, когда же эта жизнь перемѣнится?"

„Потерпите еще немного. Богъ дастъ, скоро все это измѣнится и опять будемъ жить по-братски, всѣ за едино", говорятъ другіе духоборы. „Мы не съ того конца начали дѣлать общину. Намъ бы сначала сообщиться духомъ между собою, а мы начали сгонять коровъ въ одно мѣсто и называемся христіанами всемірнаго братства и стали гордиться собою; потому у насъ и не выходитъ дѣло".

Василій Поздняковъ.

P. S. Василій Николаевичъ Поздняковъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся и самостоятельно думающихъ духоборовъ. Это тотъ духоборецъ, который навѣстилъ Л. Н. Толстого въ 1898 г. и о которомъ Левъ Николаевичъ писалъ Черткову въ концѣ того же года:

„Очень меня радостно поразилъ В. Н. Поздняковъ. Какая удивительная ясность сознанія, мысли и чувства, и при этомъ и выдержка, и энергія, и, сверхъ всего, внѣшняя привлекательность".

Анна Черткова, получившая отъ него рукопись „Правда о духоборахъ" и опубликовавшая ее въ „Ежемѣсячномъ

журналѣ" за 1914 годъ въ №№ 6, 7, 8, 9, 10, откуда и мы позаимствовали эту интересную повѣсть, пишетъ по поводу впечатлѣній Позднякова вотъ что:

„Вполнѣ довѣряя его искренности и правдивости изложенія, мы, въ общемъ, совершенно раздѣляемъ его точку зрѣнія и не имѣемъ причины сомнѣваться въ дѣйствительности описываемыхъ имъ фактовъ. Поэтому мы печатаемъ его записки почти дословно, лишь съ небольшими редакціонными сокращеніями. Съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти записки, прошло уже 6 лѣтъ, и постоянныя свѣдѣнія, получаемыя какъ отъ духоборовъ разныхъ направленій, такъ и отъ постороннихъ лицъ, живущихъ въ Канадѣ, подтверждаютъ намъ въ общемъ горькую правду, изложенную Поздняковымъ въ его запискахъ" *).

Тому, что пишутъ о духоборахъ друзья и послѣдователи духоборовъ, мы вѣримъ охотно. Думаемъ, что противники православной миссіи, по крайней мѣрѣ, автора только что опубликованныхъ записокъ не станутъ упрекать въ тенденціозности.

Ал. Введенскій.

*) „Ежемѣсячный журналъ". 1914 г. № 5, стр. 82.

Чистосердечная повѣсть крестьянина—штундиста о своихъ заграничныхъ похожденіяхъ и душевныхъ мученіяхъ.

Я—житель м. Шендыровки, Каневскаго у. Кіевской губ. Константинъ Олейникъ; до 1890 года исповѣдывалъ православную вѣру, а въ 1891 году своимъ односельцемъ Моисеемъ Иващенкомъ былъ прельщенъ въ секту штундистовъ. Сектантская община тогда была въ нашемъ селеніи огромная,—болѣе 200 душъ. Но въ 1892 году, послѣ наказанія главнаго производителя штунды Д—ко, и благодаря дѣйствію миссіонерскихъ бесѣдъ, многіе стали возвращаться опять въ православіе. Вожаки секты не могли стерпѣть, какъ прельщенные ими, или, какъ они любятъ выражаться, „рожденные во Христѣ" братія оставляли „ихъ церковь"; а тутъ по новому закону стало трудно составлять собранія, безъ которыхъ проповѣдь не дѣйствительна. И вотъ задумали предводители наши выѣхать въ Америку. Туда и раньше нѣсколько семействъ изъ нашего уѣзда скрылись и писали, что житье въ Америкѣ хорошее, на всѣ религіи свобода, всеобщее братство и любовь. Уѣхалъ за-границу и мой „штундовый родитель" Иващенко. Изъ Америки Иващенко началъ мнѣ письма слать,—одно за другимъ; онъ сильно одобрялъ житье заморское, писалъ, что тамъ будто-бы такіе законы, по которымъ можно наслѣдовать и земное и небесное царствіе...

Рѣшился и я съ семьей ѣхать за море, со мной потянулись и другіе 7 семействъ штундистовъ односельчанъ. Вытребовали отъ губернатора паспорты, распродали свое имущество, собрали деньжонокъ и гайда въ Америку... Это было въ началѣ 1895 года. Штунда такъ ожесточила наши сердца и привела въ такую отчаянность, что намъ и не жаль и нестрашно было разставаться съ родиной православной; мы выѣзжали съ радостью, какъ будто тамъ, за моремъ, насъ ждало родное что-то... До Гамбурга ѣхали по жел. дорогѣ.

На границѣ встрѣтилъ агентъ-еврей, который справилъ виды наши. Въ Гамбургѣ сѣли на огромнѣйшій пароходъ; 40 верстъ тащились по каналу, гдѣ сѣли на мель и простояли 5 сутокъ. Время проводили болѣе въ религіозныхъ бесѣдахъ, читали Слово Божіе; всѣмъ хотѣлось хорошенько подучить тексты Писанія, чтобы за моремъ не ударить лицомъ въ грязь предъ настоящею заморскою штундою... Въ первые же дни плаванія на морѣ поднялась буря и качка, и начались наши страданія. Храбрость сразу пропала, и овладѣло унынiе, и тяжко страдали мы тѣлесно. 17 февраля произошло такое бѣдствіе, что я и всѣ земляки съ семействами начали къ смерти готовиться, плакали, прощались другъ съ другомъ. Морскія волны ломали желѣзныя, въ руку толщиною, прикрѣпы на палубѣ парохода. Страшно вспомнить, что было. И всѣ мы, хоть и штундисты, а вспомнили тогда Николая угодника, утѣшителя бурь, котораго сектанты такъ поносятъ и не любятъ. И начали всѣ, а особенно бабы наши, со слезами просить и молить угодника Божія о спасеніи своемъ и всего корабля, который, какъ щепка, прыгалъ по волнамъ. Молились однако безъ крестнаго знаменія, но онъ, батюшка, не прогнѣвался и услышалъ молитву, чтобы вразумить насъ. Минутъ черезъ нѣсколько буря стала униматься, морскія волны тише хлестали.

Я тогда же почувствовалъ угрызеніе совѣсти за измѣну православію и въ первый разъ въ сердцѣ почувствовалось раскаяніе и скорбь, зачѣмъ мы оставили Россію, куда ѣдемъ, для чего терпимъ страданія... Тутъ-же далъ обѣтъ, когда благополучно водворимся въ новой землѣ, послать денегъ нашему Шендеровскому священнику, дабы онъ отслужилъ молебенъ св. Николаю за спасеніе наше отъ смерти въ бушующемъ морѣ. О чувствахъ своихъ мнѣ однако какъ-то стыдно и боязно было признаться сотоварищамъ и даже семейству. Такъ овладѣлъ душою врагъ. Но мнѣ казалось, что у всѣхъ были такія же, какъ у меня, мысли и чувства. Обѣтъ свой я сдержалъ: послалъ о. Николаю Кротевичу, батюшкѣ нашему, въ простомъ письмѣ долларъ на молебенъ: но оказалось, что и въ Америкѣ „мошенства“ не мало: письмо съ долларомъ пропало, и до батюшки не дошло... Ѣхали мы моремъ 23 сутокъ.

Пароходъ нашъ остановился въ Филадельфіи. Выгрузившись здѣсь, мы по напередъ написанному братіей маршруту пересѣли на желѣзную дорогу и отправились на ст. Илъ, разыскали тамъ Кіевскихъ земляковъ, въ томъ числѣ и лжеучителя моего Моисея Иващенко. Стали подъ руководствомъ ихъ осматривать подходящую землю для поселенія, явились къ мѣстному начальству. Насъ направили въ Иржинію. Рѣшили мы осѣсться въ урочищѣ Пуплисъ; здѣсь были домики, которые покинуты такими-же, вѣрно, дураками бродягами, какъ и мы,—по трудности жить. Правда, земли много, да толку въ ней мало—вся подъ лѣсомъ, надо вырубить и выкорчевать, а тутъ зимою сырость, а лѣтомъ жара и мошки нестерпимыя. Радости ни у кого не видно было изъ насъ пріѣхавшихъ, ну а американскіе земляки прямо ликовали, что къ ихъ дурацкому полку прибыли новые. Оказалось, что въ окружности изъ Кіевской и изъ другихъ мѣстъ Россіи поселились сотни семействъ штундистскихъ. Часть изъ нашихъ,—молодые ребята,—уѣхали верстъ за 500 на фабрики работать. Семейные здѣсь занялись поденными работами, чтобы скопить деньжонокъ побольше на обзаведеніе осѣдлостью. Работы были на лѣсопильняхъ больше. Платили по 90 коп. въ день, за 10 рабочихъ часовъ, на харчи для одного человѣка въ недѣлю требовалось рубля два, такъ что въ мѣсяцъ можно было заработать чистыхъ рублей 10—12. Вообще жить-бы можно, да ужъ больно противная мѣстность и поведеніе братіи плохое, совсѣмъ не спасительное... Чѣмъ больше къ своему братству я сталъ присматриваться, тѣмъ изо-дня въ день яснѣе мнѣ обнаруживались неправда и заблужденіе нашей секты...

Пріѣхалъ съ нами въ Америку братъ Карпо Бугунъ, вдовецъ, и подговорилъ онъ себѣ въ жену одну дѣвушку. Надо было ихъ сочетать бракомъ по обрядамъ секты. Дождались перваго-же воскресенья. Братья штундовая вся оказалась въ сборѣ, такъ какъ была оповѣщена о предстоящемъ бракѣ Бугуна. Собрались въ хату Ивана Яковченка, который прежде насъ поселился въ Америкѣ. Пришли и женихъ съ невѣстой. Ну вотъ и начали обсуждать: кому-же сочетовать бракомъ,—одинъ говоритъ: ну—ты, а другой—ну ты, третій—нѣтъ,—ты. Наконецъ, избрали хозяина дома—

Яковченко. Онъ посадилъ сочетавающихся рядомъ передъ столомъ,—а самъ сѣлъ за столъ, въ передній уголъ, мы—же всѣ помѣстились—кто вокругъ стола, а кто подъ стѣнами. Взялъ Яковченко св. Библію, раскрылъ ее и ну перекидывать листы,—то туда, то сюда... Видно было, что першій (первый, старшій) нашъ не знаетъ, какое принадлежитъ чтеніе изъ Евангелія и Апостола при совершеніи брака... Вотъ тутъ-то мнѣ, Константину, стало видать (видно), что наша „русско-американская баптистическая церковь", какъ называли такъ братья свою штундовую общину,—не есть та Церковь, о которой говорится у апостола Павла, Церковь Бога жива —столпъ и утвержденіе истины... Бракъ—таинство великое, по слову апостола, а наше вѣнчаніе вышла одна комедія... И подумалъ я тогда, что такому совершителю таинства принадлежитъ соха, а не книга Свящ. Писанія...

Дождались и еще воскресенья. Собрались у Харитона Сибровича на богослуженіе. Въ передній уголъ залѣзъ опять Яковченко и взялся „держать собраніе". Кое-какъ пропѣли любимые стихи. Першій прочиталъ нѣсколько стиховъ изъ евангелія, закрылъ книгу и началъ устно говорить какъ-бы проповѣдь, за которыя ранѣе осуждали мы православныхъ священниковъ. Яковченко долго морочилъ братію и договорился до того, что сказалъ, что будто мы (штундовое братство) подобны жирнымъ скотамъ, бѣгаемъ, взбрыкиваемъ и колемъ другъ друга... Трудно было стерпѣть, но я удержался, ничего не возразилъ на его неподобныя рѣчи. А когда шли изъ собранія по квартирамъ, то я замѣтилъ своимъ товарищамъ, что у насъ на богослуженіи не ученіе, а лжеученіе... Кононъ Люлька и Федотъ Потапенко тоже задумались и соглашались, что мало истины и святости въ нашемъ богослуженіи... Не по душѣ было мнѣ и то, что въ воскресный день всѣ наши русскіе баптисты, да и гамошніе, какъ встанутъ, спѣшатъ умыться и нажраться, а потомъ уже часовъ въ 12 дня сходятся на молитву и богослуженіе. Я и нѣкоторые другіе прекословили, что это не порядки,—на молитву въ воскресный день надо собираться утромъ, натощакъ. Было совѣщаніе, и просьбу нашу уважили. Но скоро пошли изъ-за этого раздоры и жалобы, что одному утромъ не время молиться, потому что надо корову выгнать, другому лошадей на-

кормить... Я обличалъ таковыхъ, говоря, что неужели уходъ за скотиной дороже заботъ о душѣ и важнѣе религіи. На что-же обличали православныхъ въ Россіи, что они ѣздятъ на ярмарки... Мы пріѣхали сюда, думали лучшее тутъ душѣ спасеніе будетъ, а выходитъ—тутъ свой ярмарокъ мы ввели"... Однако не подѣйствовали мои обличенія: собираться стали опять въ полдень на собранія богомоленныя. При этомъ на собраніяхъ въ каждое воскресеніе была борьба на счетъ толкованія Свящ. Писанія: одинъ объясняетъ такъ, другой по своему. Тутъ ужъ я не могъ стерпѣть и всякій разъ указывалъ на разномысліе, и допытывался, почему одинъ текстъ по ихнему толкованію имѣетъ десять смысловъ. Между русскими здѣсь были и нѣмцы. Изъ нашихъ перекрещены были не всѣ, меня и другихъ считали еще недостойными святого крещенія баптистскаго. Тогда братія стала меня успокаивать, говоря: что ты тутъ между нами видишь; мы малоученые, вотъ если-бы ты поѣхалъ въ городъ и посмотрѣлъ тамъ настоящее богослуженіе у здѣшнихъ (американскихъ природныхъ) братьевъ баптистовъ... И сталъ я изо-дня въ день все болѣе и болѣе безпокоиться за спасеніе своей души и думать, да не стою-ли я на погибельномъ пути, въ пропасти содомской... И просилъ я Господа, чтобы Онъ открылъ мнѣ, гдѣ путь истинный, въ православіи, или здѣсь въ сектѣ, чтобы не погубилъ Онъ меня со беззаконными... А посовѣтоваться по душѣ не съ кѣмъ—кругомъ одни баптисты. Цѣлые дни на работѣ проводилъ въ молчаніи,—такъ какъ языка тамошняго не понималъ,—и все думаешь о Свящ. Писаніи и ученіи православномъ и штундовомъ... И сталъ Богъ раскрывать мысли мои, и мнѣ дѣлалось ясно, въ чемъ заблужденіе штунды. Приду вечеромъ домой, возьму библію, начну читать..., и тѣ самые тексты, которыми прельщали насъ производители, и прежде шли какъ будто противъ православія, теперь говорили въ пользу православія и припоминались тогда объясненія и наставленія, слышанныя отъ пастыря и православныхъ миссіонеровъ. Вотъ, думаю, когда и гдѣ мнѣ Богъ открылъ только очи-то, а раньше-то былъ я словно слѣпой и глухой, слыша не слышалъ наставленій истинныхъ учителей. Раздѣлялъ мои мысли и сходился въ чувствахъ и Остапенко. Думаемъ, надо изслѣдовать

и рѣшили со всѣмъ семействомъ отправиться въ городъ Нью-Іоркъ, разсмотрѣть хваленое баптистское богослуженіе. Пріѣхали въ одно воскресенье. Разыскали баптистскую церковь, которая по тамошнему языку называется нескладно „чортъ". Входимъ, всѣмъ и намъ въ дверяхъ дали листки, гдѣ указано, что будетъ пѣто и откудо читано. Всѣ сидятъ на скамьяхъ, какъ у католиковъ въ костелѣ. Сѣли и мы. Нигдѣ нѣтъ никакого изображенія, ни креста, ни украшенія. Моленная большая съ куполомъ. Причетъ (пресвитеръ) ихъ, смотрю, забрался высоко на подмостки у передней стѣны, сидитъ на креслѣ. Передъ нимъ столикъ, на которомъ лежитъ св. Библія и тутъ-же стоитъ бутыль (графинъ) съ водой и стаканъ. Времени было не рано, часовъ 11—12 дня. Народъ еще собирался, всѣ сидѣли молча, нѣкоторые читали про себя евангелійца маленькія, другіе тихо шептались; мы тоже сидимъ и смотримъ. Заигралъ органъ, многіе вздохнули. Пресвитеръ, заложивъ ногу за ногу, вынулъ изъ кармана въ родѣ пряника,—ломоть табаку, отрѣзалъ кусочекъ, кинулъ его въ ротъ и жуетъ за скулою, значитъ, „жвачку"... А потомъ началъ проповѣдывать Христа. Первыя слова выговаривалъ легко (тихо), а чѣмъ больше, тѣмъ все громче, кричитъ и горячится, какъ цыганъ на ярмаркѣ. И тутъ-же рука объ руку махъ, а ногою объ полъ бахъ, такъ что даже ужасно и смотрѣть было на него... Ну, подумалъ я, не такая служба Божія правилась нашимъ православнымъ причтомъ въ Шендыровцѣ... А товарища, когда онъ узналъ о табачной жвачкѣ пресвитера, чуть не сорвало, наплевалъ подъ скамейку цѣлое болото. На слѣдующее воскресенье поѣхали мы однако опять посмотрѣть, можетъ быть, думаемъ, лучшая будетъ служба и другой причетъ. Оказалось все то-же самое: тотъ-же пресвитеръ,—также передъ службой Божіей въ воскресный день при всемъ народѣ пьетъ воду и табачную жвачку жуетъ, а въ проповѣди договорился до того, что весь народъ захохоталъ и даже нѣкоторые въ ладоши ударили. Омерзительнымъ мнѣ показалась эта баптистическая „чорта", никакой не было въ ней святости, какая прилична дому Божію, и увидѣлъ я ясно, что отличается у самихъ заправскихъ штундеровъ служба отъ нашей православной, какъ земля отъ неба. Тутъ-же сказалъ я своимъ штун-

дистамъ, что не пойду болѣе смотрѣть на такое безуміе,— видно, что въ этой „чорти“ не Богъ присутствуетъ, а самъ сатана—чортъ... Послѣ того у меня окончательно созрѣла мысль уѣхать изъ этой хваленой Америки къ себѣ опять, въ матушку Россію, и возвратиться въ православіе святое. Но мысли свои я долженъ былъ таить отъ другихъ, чтобы не вооружать братьевъ штундовыхъ. Написалъ я письмо къ сыну, которому изложилъ всѣ свои сомнѣнія на счетъ штундовыхъ заблужденій и располагалъ его къ православію и къ поѣздкѣ въ Россію. Письмо было адресовано на имя одного баптиста съ передачею. Остапенко то-же раздѣлялъ мое мнѣніе и сказалъ, что онъ здѣсь не останется безъ меня. Когда я это отъ него узналъ, то мнѣ стало смѣлѣе.

Штунда, баптизмъ мнѣ стали прямо ненавистны, въ собраніяхъ я уже не сдерживалъ себя и обличалъ смѣло заблужденія. А беззаконія братства все открытѣе производились: голоса Свящ. Писанія никто не хотѣлъ слушать, а всѣ водились одними похотями своими. Такъ, напр.: ранѣе насъ въ Америку переѣхали изъ Исаекъ три семьи—Степанъ Линенко, Ѳеодоръ Цимбаленко и Иванъ Козорѣзъ. Степанъ задумалъ женить сына Сергѣя на дѣвицѣ Аннѣ, дочери Федора, котораго жена была родною сестрою Степана. Безстыдные мать и отецъ, чтобы дѣвку сбыть, согласились на заключеніе брака между двоюродными. Однако совѣсть ихъ мучила, и вотъ родители заявляютъ баптистическую „чорту“, можно-ли въ такомъ родствѣ вѣнчаться; оттуда отвѣтили, что можно, что у нихъ такъ двоюродные часто сходятся. Но захотѣлъ женихъ еще и у нашей церкви испросить разрѣшенія на кровный бракъ. Въ одно воскресенье было собраніе у Матвѣя Корсунскаго; послѣ службы Яковченко заявляетъ, что Сергѣй (женихъ) Линенко проситъ разрѣшенія „у церкви“ вступить въ бракъ съ двоюродною сестрою. Первый Антонъ Пелепенко отвѣчалъ, что по его мнѣнію можно, и сослался на примѣръ праведнаго Лота; Матвѣй Корсунской тоже сказалъ, что и по его мнѣнію можно, и сослался на Авраама; такимъ манеромъ Яковченко спрашивалъ каждаго по очереди, и всѣ разрѣшали.

Но вотъ дошла очередь до меня.—Ну а ты, Костю, якъ, разрѣшаешь? спросилъ Яковченко.— Я въ этомъ дѣлѣ

не судья, посмотрите въ Свящ. Писаніе, Слово Божіе да судитъ васъ. Прочтите 18 гл. кн. Левитъ. Начали читать, всѣ замолкли,—слушали и задумались, увидавъ сходство своихъ поступковъ съ дѣлами египетскими.

Въ томъ же самомъ собраніи, когда имѣли расходиться, жена Матвѣя Корсунскаго вынула изъ сундука потретъ покойнаго Царя Александра Александровича III. У нея взялъ Царскій портретъ штундистъ Харитонъ Сибровичъ и началъ съ злостью на Батюшку Царя неподобныя ругательныя слова... И тутъ же тычетъ къ портрету Государя Императора дули („шиши")... Нѣкоторые разсмѣялись, а нѣкоторымъ стало противно и больно, что въ чужой сторонѣ русскій человѣкъ Царское Величество своего скончавшагося, природнаго Государя Батюшку, такъ оскорбляетъ и поноситъ. Трое изъ насъ не стерпѣли и строго замѣтили: что тебѣ сдѣлалъ Царь, что ты такъ безстыдно поступаешь, а еще считаешься „истиннымъ христіаниномъ!"...

Съ этими словами мы сейчасъ-же оставили хату. Дорогой опять разговорились про Царя. Тогда Моисей Иващенко съ гордостью и пренебреженіемъ говоритъ, что мнѣ русскій Царь..., онъ у меня вотъ гдѣ подъ пятой и при этомъ, какъ сумасшедшій,—топчетъ, стучитъ по землѣ ногами... Кровь прилила у меня къ сердцу, въ головѣ застучало: я хотѣлъ броситься на измѣнника, но удержался, одинъ въ полѣ не воинъ. Вотъ, думаю, до чего доводитъ штунда русскаго мужика. Это не вѣра, а заблужденіе и развращеніе народа православнаго... Православный человѣкъ не только не посмѣетъ такъ глумиться и словомъ и дѣломъ надъ Помазанникомъ Божіимъ, Отцомъ отечества, а и помыслить на него супротивное считаетъ грѣхомъ. И жаль мнѣ стало православія и совращенныхъ людей и заплакалъ я горько..., и просилъ Господа, чтобы поскорѣе Онъ помогъ мнѣ выбраться изъ этой страшной компаніи и добраться до Россіи. Я сталъ спорить за православіе открыто и сталъ рѣзать своихъ проповѣдниковъ на каждомъ шагу, штундисты стали это замѣчать и грозить, что де ты, братику, оказываешься уже православнымъ, но тебѣ долго просвѣщать тутъ не придется, смотри, ты вѣдь не въ Шендыровци... На бѣду письмо мое къ сыну распечаталъ получатель—штундистъ и прочелъ мое

обличеніе братіи на счетъ иконъ. Я писалъ, что штундисты заблуждаются, когда изображенія святыхъ мучениковъ, что за Христа кровь проливали, Божьей Матери, Самого Господа называютъ идолами, и отметаютъ, выбрасывая изъ хатъ, а между тѣмъ сами поснимали съ себя портреты и увѣшали ими всѣ стѣны. Почему же портреты святыхъ грѣшны и идолы, а портреты грѣшныхъ людей не идолы и ихъ можно держать въ хатахъ... Штундистъ разсвирѣпѣлъ на сына и сталъ его тѣснить, а меня ругать. Сынъ мнѣ въ отвѣтъ описалъ происшествіе съ письмомъ и свирѣпость брата, но письмо его попало въ руки моему хозяину баптисту, и онъ, распечатавъ, прочиталъ его, а потомъ взялъ да и выдалъ мои сужденія братству. Я ничего этого и не подозрѣвалъ, и вотъ на одномъ изъ собраній начали меня уличать язычествомъ, т. е. православіемъ и злословить за православное пониманіе относительно св. иконъ. Я не сробѣлъ, Богъ мнѣ послалъ духъ мужества, и я отвѣчалъ, не боясь гнѣва разсвирѣпѣвшихъ братьевъ. Когда Сибровичъ мнѣ началъ доказывать, что портреты людскіе ничего не значатъ, что это папирусъ и краска и что иконы—и идолы тоже ничто, и только людей въ соблазнъ ввойдетъ, заставляя почитать краски и доски вмѣсто Бога, я спросилъ его: если портреты людей и святыя изображенія ничего не значатъ, пустой папирусъ и краска, тогда зачѣмъ же ты царскому портрету давалъ дулю и, обратившись къ папирусу, оскорблялъ Царское Величество; вѣдь ты тогда „якусь мысль и силу въ этомъ папирусѣ чувъ (чувствовалъ), стѣнѣ ты дули не давалъ?“ Послѣ этого истинные христіане меня и семейство мое такъ возненавидѣли, что даже перестали принимать на работы при домѣ, при фабрикахъ, и не только наши русскіе, но и мѣстные. Это называется любовь общая,—нехай Богъ всякаго избавитъ отъ такого братства и любви. Положеніе мое было ужасное, остались одни на чужой сторонѣ, среди ненависти и злобы. Жить дальше въ Публисѣ стало невозможно. Я и Потапенко съ семействами вынуждены выѣхать потихоньку въ городъ. Вытребовалъ я сына телеграммою: все, что можно, распродали мы и отправились опять въ Филадельфію, сѣли на корабль, перекрестились, какъ православные христіане, и сказали своимъ заморскимъ бывшимъ братьямъ, возненавидѣв-

шимъ теперь насъ: оставайтесь здоровы, а мы вернемся хоть и разоренные, да на родину святую и умремъ въ ней хоть нищими, да по православному, похоронимся съ кадильнымъ ладономъ, а не по-басурмански,—съ табачной жвачкой баптистскаго „чорта"...

Прибывъ благополучно, сейчасъ-же пошли къ священнику и отслужили молебенъ св. Николаю, а черезъ недѣлю присоединились къ Церкви православной черезъ исповѣдь и причастіе св. таинъ, и съ того момента съ нашихъ сердецъ свалилась тоска и душевная слѣпота, какъ чешуя съ глазъ, и благодаримъ мы Господа нашего Іисуса Христа, св. Николая, спасшаго нашу жизнь отъ потопленія и приведшаго насъ къ покаянію въ страшномъ грѣхѣ отпаденія отъ истинной православной вѣры *).

*) См. „Мисс. Обозр." 1898 г. № 1, стр. 139—147.

Чистосердечная исповѣдь раскаявшагося штундиста-проетеца.

Я—коренной житель заштатнаго города Богуслава, Канев. у., Кіев. губ., мѣщанинъ Савва Демьяновъ Савченко. Отъ роду мнѣ нынѣ около 60 лѣтъ, имѣю большую семью, пропитаніе снискиваю трудами рукъ своихъ (сапожнымъ мастерствомъ). Пишу собственноручно, хотя неграмотно, но по сущей правдѣ и чистой совѣсти, откровенно. Моя жизнь и религіозное настроеніе до перехода въ штундизмъ были таковы: еще за 4 года до поступленія въ секту я началъ вести строго религіозную жизнь, ибо понялъ, что св. Писаніе не для того только дано, чтобы легкомысленно читать или слушать его, но оно дано для руководства ко спасенію и для наслѣдованія жизни вѣчной. Убѣдившись, что туда (въ царство небесное) ничто не войдетъ нечистое (Откр. 2, 21, 27), я старался искать подвиговъ, отказывая себѣ въ сытной и сладкой жизни. Молился усиленно и часто съ большимъ вниманіемъ и то и дѣло разсуждалъ самъ съ собою о Богѣ вѣчномъ, о жизни святыхъ и о принимаемыхъ ими подвигахъ. Спустя годъ, я предпринялъ путешествіе въ Кіевъ на богомолье. Тамъ посѣтилъ я святыя мѣста и испытывалъ такое радостное чувство, что и описать не могу, а скажу только одно, что я забылъ даже о себѣ самомъ и все суетное земное хозяйство и даже семью и никакъ не могъ разстаться со св. мѣстами. Оставляя св. градъ Кіевъ, я оплакивалъ его, пока онъ не скрылся изъ моихъ глазъ. Послѣ этого путешествія я еще болѣе усилилъ стараніе быть строгимъ исполнителемъ Закона Божія и принялъ подвигъ въ родѣ обѣта, а именно: въ день воскресный ни лѣтомъ, ни зимою не позволять хозяйкѣ топить печи и варить пищи;

съ самаго свѣта со своею семьею занимался чтеніемъ молитвъ, акаѳистовъ и псалтири, потомъ неопустительно спѣшилъ въ приходскую церковь или въ мѣстный монастырь; послѣ обѣда я занимался чтеніемъ Священнаго Писанія и святоотеческихъ и другихъ пастырскихъ поученій, а также вычитывалъ и канонъ покаянный, и молитвы вечернія. Такъ я проводилъ воскресные дни и дни двунадесятыхъ праздниковъ, а въ прочіе праздничные дни я вычитывалъ правила монашескія, указанныя въ псалтири для благочестивыхъ христіанъ.

Такой образъ жизни продолжался четыре года, одинъ изъ которыхъ я считалъ какъ-бы мертвымъ для грѣха, и живымъ для Бога; пищу употреблялъ постоянно постную, а иногда сухую, по средамъ и пятницамъ только послѣ вечерней молитвы съѣдалъ кусокъ хлѣба. Лампада передъ иконами теплилась у меня день и ночь. При такой внѣшней богоугодной жизни, къ сожалѣнію, я окруженъ былъ суетой своей семьи, состоявшей изъ восьми душъ; при крайней бѣдности, безпомощности и постоянно усиленномъ трудѣ, я почувствовалъ упадокъ своихъ силъ тѣла и духа, началъ разсуждать о дозволительной для себя пищѣ и о попеченіи къ домашнимъ, отыскивая основанія для сего въ Св. Писаніи.

Къ несчастью, въ Богуславѣ появились на ту пору штундисты, сначала я былъ врагомъ ихъ; потомъ слышу отъ нихъ рѣчи о Евангельскихъ словахъ, о заповѣдяхъ Божіихъ, о почитаніи дня воскреснаго, о любви христіанской,—чего, къ сожалѣнію, въ окружающей меня средѣ темнаго, хотя и православнаго, люда я подобнаго никогда не слыхалъ. Мнѣ пришлась по душѣ бесѣда съ ними и состязаніе о вѣрѣ, такъ какъ я былъ довольно много знакомъ съ жизнеописаніями святыхъ отцовъ и учителей Православной Церкви и жизнью первыхъ христіанъ. Бесѣда моя противъ нихъ была сильна во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ вопроса о церкви филадельфійской, о которой говорится въ Откров. 3, 7—10: Церковь эта отъ временъ апостольскихъ и донынѣ стоитъ нерушима, она, говорили штундисты, не была участницею въ семи соборахъ и что имѣетъ священноначаліе, которымъ и руководствуются штундисты, а къ православной Церкви сектанты примѣняли также изъ Откровенія гл. 13, 14 и 17.

Это возраженіе меня очень смущало и хотѣлось какъ-бы узнать пообстоятельнѣе, но нельзя было, не у кого. Приходскій пастырь, покойный о. Миронъ, человѣкъ былъ строгій, недоступный. Я, какъ ищущій спасенія,—не могъ упустить случая, чтобы не склониться въ сторону штундистовъ. Теперь разскажу, какъ они меня уговаривали.

Мнѣ говорили, чтобы я совсѣмъ оставилъ ученіе Православной Церкви, потому что оно только мѣшаетъ познать настоящую истину.

У меня явилась фарисейская гордость въ мысляхъ по отношенію къ православному народу: такъ какъ я не видѣлъ у православныхъ ни яснаго понятія о Богѣ и православной Церкви, ни о ея уставахъ и догматахъ, то мнѣ казалось, что все дѣлается здѣсь не такъ, какъ написано въ Евангеліи, въ уставахъ церковныхъ и житіяхъ святыхъ. Къ сожалѣнію, и причетники подавали соблазнъ, являясь въ храмъ не благоговѣйными, иногда даже пьяными, особенно на большіе праздники, не говоря уже о другихъ порокахъ... И вотъ я спряталъ книги разныхъ поученій и оставилъ одну только Библію. Однажды явился кногоноша къ штундистамъ, который самъ былъ сектантъ; мнѣ дали знать, и я поспѣшилъ придти, гдѣ отъ него услыхалъ краткое слово: „Кто будетъ вѣровать и крестится—спасенъ будетъ.“ Потомъ встали на молитву, затѣмъ онъ сказалъ проповѣдь изъ свящ. Писанія, и я былъ очень тронутъ; разсматривая разныя книги и библіи у книгоноши, я увидалъ, что онѣ печатаны по благословенію Св. Синода и остался я въ большомъ недоумѣніи... Книгоноша былъ кіевскій, по фамиліи Морозовъ.

Время шло въ такой моей нерѣшительности; семья была очень не довольна на меня за сію склонность къ штундистскому благочестію. Я было одинокъ съ своими думами, въ душѣ раздвоенъ и по неволѣ опять я пилъ горькую чашу страданій. Случилось мнѣ посѣтить собраніе штундистовъ. Это было на первой недѣлѣ Велик. Поста. Въ субботу въ православной Церкви было очень много говѣющихъ. Богъ Святый знаетъ, кто былъ зачинщикомъ недобраго дѣла противъ штундистовъ. Вдругъ часовъ въ 6-ть вечера всѣ православные, бывшіе въ церкви, собрались около дома собранія штундистовъ, разбили стекла, разнесли рамы, поломали двери, ра-

зобрали плетень, набросали его во дворъ. Штундисты прятались, кто куда могъ: на чердакъ, въ кладовку, въ томъ числѣ я былъ тутъ, ихъ отыскали, всѣхъ мужчинъ и женшинъ были кольями и сѣкли розгами, меня также сѣкли розгами, но не кольями. Буйство и истязаніе продолжалось до 2-хъ часовъ ночи; послѣ чего православные разошлись по домамъ, оставляя штундистовъ всѣхъ избитыми въ домѣ. Я пришелъ домой весь окровавленный, умылся и разсказалъ о случившемся своей женѣ, которая была строго православною, хотя и слыхала толкованія сектантовъ, и сѣлъ читать изъ евангелія о блаженствахъ. Помню, слезы лились у меня при чтеніи стиха: „блажени изгнани правды ради". Жена, смотря на мои страданія, тоже плакала... Все это сильно подѣйствовало на нее; она освирѣпѣла на темный и грубый народъ и Церковь православную и, дождавшись утра, поспѣшила посѣтить избитыхъ и нашла ихъ собравшихся въ разрытомъ домѣ, опухшихъ отъ побоевъ и еще больше была тронута этой картиной. Возвращаясь домой, на дорогѣ ее встрѣтили православные люди и спросили, гдѣ она была; жена отвѣтила, что ходила „до церквы", но ей указали, что церковь не тутъ, а вотъ тамъ, указывая въ ту сторону, гдѣ православный храмъ; она-же, какъ освирѣпѣвшая, отвѣчала, что туда (т. е. въ правосл. церковь) ходятъ только разбойники, что та церковь разбойническая. Объ этомъ было донесено священнику, а послѣднимъ—гражданскому начальству. При допросѣ бранныя слова жены подтвердились свидѣтелями, и она была осуждена на три мѣсяца въ тюрьму, а я остался съ маленькими дѣтьми горевать. Штундисты меня посѣщали, помогали и утѣшали. Эти два скорбныхъ случая ожесточили меня, а особенно жену, противъ православія, и мы всею душою примкнули къ числу штундистовъ. Какова была моя жизнь и дѣятельность въ сектѣ? Тяжело вспомнить о ней. Я пробылъ въ сектѣ два года, все время старался узнать то, что слыхалъ раньше, т. е. на какихъ они правахъ и чѣмъ руководствовались, кто руководитъ ими и какія ихъ объясненія, допытывался объ ихъ епископахъ и рукополагаемыхъ пресвитерахъ. Но все, что они говорили по этому вопросу, мнѣ показалось неосновательнымъ и лживымъ; я мучился душею, упрекалъ ихъ въ

неправильномъ толкованіи слова Божія; они-же, замѣтивъ во мнѣ такое недовѣріе, начали скрываться отъ меня, и устраивали тайно отъ меня совѣтованія на счетъ своихъ порядковъ.

Какъ неувѣренный въ правотѣ сектантскихъ порядковъ, другихъ въ сектантство я не приглашалъ, такъ какъ и самъ не имѣлъ законныхъ основаній на проповѣдь. На молитвѣ ихъ я на колѣняхъ не стоялъ, и собраній не держалъ, хотя приглашали меня не разъ, предлагали избрать меня даже пресвитеромъ; но я указывалъ имъ на незаконность ихъ выборовъ, какъ не имѣющихъ правъ ни церковныхъ, ни гражданскихъ и съ Свящ. Писаніемъ не согласныхъ, указывалъ имъ мѣста Св. Писанія, чѣмъ приводилъ ихъ въ смущеніе. На мои указанія сектанты не разъ давали мнѣ такой отвѣтъ: „Что правда, то правда; но какъ мы не имѣемъ еще свободы для правильнаго развитія и устройства нашей общины и отовсюду стѣснены, то пусть будетъ хоть такъ, лишь бы не разрушить совсѣмъ дѣла и не было бы соблазна въ братіи, такъ какъ есть надежда, что и еще присоединятся къ намъ". Я отвѣчаю, что хотя-бы даже и разрѣшено было начальствомъ, я ни въ коемъ случаѣ не рѣшусь нарушить слово Божіе и не стану обманывать другихъ; ставши руководителями, мы должны быть не ложными исполнителями слова: „ибо отъ домостроителей таинъ Божіихъ требуется, чтобы каждый оказался вѣрнымъ" (1 Кор. 3, 9—15), при чемъ укорялъ ихъ въ выборѣ пресвитеровъ, говоря, что они, какъ малыя дѣти, играютъ въ выборы своихъ пресвитеровъ, сегодня однихъ избираютъ, а завтра прочь, какъ негодныхъ, низлагаютъ, изъ этого видно, что пресвитеры ваши—говорилъ я—не Духомъ Святымъ поставляются, и въ этомъ крайнее ваше недоумѣніе. Сектанты молчали, не находя словъ въ свое оправданіе. Такъ, окончивши совѣтъ, разошлись, и это совѣщаніе было для меня послѣднимъ предъ окончательнымъ разрывомъ со штундистами.

Былъ-ли я спокоенъ духомъ, пребывая въ сектѣ? Никогда не былъ покоенъ, потому всегда и обращался къ миссіонерамъ, какъ только услышу о посѣщеніи ихъ, и всегда искалъ удобнаго случая, дабы снова возвратиться въ Церковь православную, но не кое-какъ, а хотѣлось

мнѣ прежде найти въ средѣ православныхъ людей хорошей жизни, знатныхъ по разумѣнію Евангелія и, указавъ на нихъ, обличить штундистовъ въ ихъ заблужденіяхъ и нареканіяхъ на св. Православіе. Долго я томился въ нерѣшительности и скорбѣлъ о томъ, что не могъ душевно побесѣдовать съ пріѣхавшимъ въ Богуславъ для собесѣдованія миссіонеромъ, и горе то я носилъ въ своемъ сердцѣ въ продолженіе года... Наконецъ, свидѣлся съ нимъ. И его разъясненія особенно-же 13 гл. Откров., во время ночи подъ Крещеніе, разсѣяли мои главныя сомнѣнія, и я снова взялся за свои книги, которыя спряталъ было предъ уходомъ въ штунду, возвратилъ и иконы на свое мѣсто, которыя были розданы родственникамъ; по временамъ ходилъ въ монастырь въ храмъ Божій. Такъ я продолжалъ томиться въ нерѣшительности больше года. Жена-же оставалась ярой штундисткою,—она сильно вознегодовала на меня за измѣну мою обѣимъ сторонамъ и упрекала, что чрезъ мою штундовую науку три мѣсяца сидѣла въ тюрьмѣ. Горькая моя была участь, я оставался совершенно одинокъ на бѣломъ свѣтѣ, не имѣя ни одного умнаго человѣка, который бы могъ дать мнѣ благой совѣтъ и утѣшеніе... Но, благодареніе Богу, на приходъ прибылъ новый священникъ, о. Павелъ Тихвинскій. Услыхавъ о моей жизни, о. Павелъ участливо отнесся къ моему положенію, наказалъ мнѣ придти къ нему на домъ. Я не замедлилъ отправиться къ батюшкѣ, разсказалъ ему, какъ могъ, о своихъ душевныхъ мукахъ, раскрылъ предъ нимъ всю свою душу, какъ больной предъ врачомъ. Разсказалъ о настроеніи жены моей. Батюшка утѣшилъ меня и пригласилъ меня ходить въ церковь, я далъ согласіе ходить и присоединиться къ православію и быть ревностнымъ и покорнымъ сыномъ Церкви, при чемъ я умолялъ исходатайствовать разрѣшеніе установить общество трезвости для распространенія христіанской благочестивой жизни среди православныхъ, въ противодѣйствіе штундистскимъ нареканіямъ, чего по милости Божіей и удалось достигнуть. И вотъ уже 3 года воинствую подъ руководствомъ своего добраго пастыря противъ обѣихъ сторонъ, т. е. противъ штундовыхъ фарисеевъ и противъ недостойно ходящихъ въ своемъ званіи православныхъ, впрочемъ, воинствую не я, многогрѣшный, но благодать Бо-

жія, получаемая чрезъ таинства св. Церкви, покаяніе и причащеніе Св. Таинствъ. Прежде всего пришлось воинствовать противъ упорствъ присныхъ—жены, которая долго не хотѣла вразумиться и стояла за штунду.

Какими мѣрами воздѣйствовать можно на вразумленіе заблудшихъ сектантовъ? Насколько я изъ опыта узналъ, ни публичныя бесѣды, ни одиночныя увѣщанія не имѣютъ рѣшительнаго дѣйствія на вразумленіе отпадшаго штундиста; когда требуютъ на публичныя собесѣдованія, то сектанты предостерегаютъ другъ друга словами Св. Писанія Мѳ. 10, 17—21; 24, 23—24; 2, 1—4 и 14; Іоан. 2, 27; утверждая, что слова сіи относятся къ нимъ, сектантамъ. Я нахожу, что самую лучшую и сугубую пользу могутъ приносить внѣбогослужебныя бесѣды, на которыхъ позволяются вопросы и выясненія сомнѣній душевныхъ со стороны слушателей, а пастырями дѣлается отеческое разъясненіе этихъ сомнѣній, такъ чтобы сюда могли безбоязненно являться начетчики, любители Писанія и поколебленные въ вѣрѣ и предъявлять свои сомнѣнія, которыя всѣяли имъ штундисты; получая здѣсь разрѣшеніе и должное объясненіе недоразумѣній,—такіе начетчики сами постепенно духовно выздоровѣютъ, а послѣ и выступятъ охотно на борьбу со штундистами, а это особенно сильно вліяетъ на православныхъ слушателей, колеблющихся и сомнѣвающихся—это первое.—Второе—чтобы возвратить отпавшихъ въ православную Церковь и сдѣлать ихъ здоровыми членами Церкви, нужно учреждать общества трезвости, образовать капиталъ для вспомоществованія бѣднякамъ, чтобы послѣдніе не соблазнялись, слыша о томъ, какую любовь Христову проявляютъ штундисты въ своихъ общинахъ.

На сколько я проникъ въ духъ этой штундовой болѣзни, я утверждаю какъ истину, и какъ предъ Богомъ, что никакое насиліе, ни наказанія тѣлесныя, ни денежные штрафы, ни угрозы, ни притѣсненія и ссылки не могутъ подѣйствовать на совершенное прекращеніе секты и излѣченіе упорныхъ, больныхъ, а наоборотъ—скорѣе повредятъ... Хотя бываютъ случаи обращенія средствами принудительными, но такъ обращенные не сыны православной Церкви бываютъ, а враги, насмѣшники и волки хищные; раньше они были

наружные,—а по обращеніи въ Церковь дѣлаются внутренними врагами ея. Мнѣ это, къ прискорбію, очень извѣстно лично самому, такъ какъ такіе сектанты не считаютъ себя въ союзѣ съ Церковію и разумѣютъ себя не въ оградѣ Церкви.

Какихъ миссіонеровъ больше слушаютъ штундисты? Лучше всего слушаютъ простыхъ начетчиковъ и свѣтскихъ людей; пастырямъ не довѣряютъ, думая, что они стараются ради своей выгоды, чтобы не остаться безъ овецъ и волны; ученыхъ людей сектанты опасаются, примѣняя къ таковымъ слова посл. Колосс. 2, 8, гдѣ сказано: „смотрите, чтобы кто не увлекъ васъ философіею и пустымъ обольщеніемъ по преданію человѣческому".

Почему возвращенные штундисты часто снова уклоняются въ секту и не тверды въ вѣрѣ? Причина та, что, познавъ Слово Божіе, они среди темнаго народа не видятъ дѣлъ христіанскихъ и не могутъ помириться съ тѣми безобразіями и суевѣріями, которыя повсюду встрѣчаются на свадьбахъ, крестинахъ, поминальныхъ обѣдахъ; видя нехристіанское препровожденіе христіанскихъ праздниковъ, ищущій спасенія своей души приходитъ въ отчаяніе за собственное спасеніе, не имѣя средствъ избѣжать и самъ участія въ праздничномъ разгулѣ, безобразіяхъ православныхъ односельцевъ своихъ. Если онъ будетъ вести отчужденный образъ жизни, не будетъ пить, курить и угощаться, то такого назовутъ штундою, и вотъ, не имѣя поддержки, такіе люди снова рвутся въ штундизмъ, порицаютъ православную Церковь, не понимая, что ученіе Св. Церкви во всемъ истинно и согласно съ св. Писаніемъ, а грѣшны лишь люди. Вотъ вслѣдствіе такого-то положенія непремѣнная обязанность охранителей православія учреждать внѣбогослужебныя собесѣдованія и вести ихъ не по бумажному, а по сердцу и отечески, что подѣйствуетъ вразумляюще и отрезвляюще на обѣ стороны, дѣлая поколебленныхъ, и отпадшихъ и православныхъ здоровыми членами православной Церкви. Необходимо заводить въ селахъ, зараженныхъ сектантствомъ, сообщества людей трезвой и благочестивой жизни, которые-бы служили примѣромъ для другихъ и укоромъ для штунды,

хвалящейся трезвостью и дѣлами внѣшняго благочестія, чтобы возвратившіеся, навыкшіе въ штундѣ проводить благопристойно и по Божьему время праздничное, могли имѣть содружество и назиданіе въ своей собственной средѣ. А такъ какъ трудъ борьбы со штундою есть одинъ изъ самыхъ тяжелѣйшихъ, то одни пастыри, безъ содѣйствія приходскихъ членовъ, ревнующихъ о православіи, мало что могутъ подѣлать съ этимъ зломъ*).

С. Савченко.

*) Мисс. Обозр. 1898 г. Мартъ стр. 456—463.

О томъ, какъ я сталъ штундистомъ и затѣмъ снова возвратился въ лоно православной Церкви.

Я—житель села Скибина Таращанскаго уѣзда, Кіевской губ., крестьянинъ Т. И. Д., родился отъ православныхъ родителей и до знакомства съ сектою штунды былъ православнымъ. Хотя плохо обученъ былъ Закону Божію и малограмотенъ, но я считалъ непремѣнною обязанностью посѣщать храмъ Божій, и эту обязанность исполнялъ усердно: ходилъ въ церковь и тамъ читалъ и пѣлъ на клиросѣ. Услыхалъ я однажды, что появилось новое общество христіанъ штундовыхъ, которыхъ многіе очень хвалили; я заинтересовался ими, думая въ себѣ: какъ бы узнать, что такое за новая вѣра? Тутъ подвернулся ко мнѣ мой товарищъ Иларіонъ В. С—скій и шепнулъ мнѣ, что сегодня вечеромъ у него будетъ собраніе штундовыхъ братьевъ и сестеръ. Я не упустилъ благопріятнаго случая познакомиться и вечеромъ въ сумерки отправился къ товарищу, гдѣ засталъ пять человѣкъ гостей,—постороннихъ; всѣ сидѣли вокругъ стола, а предъ ними на столѣ въ безпорядкѣ расположены книги. Я хотя и малограмотенъ, но любопытенъ до книгъ: тотчасъ принялся разсматривать: тутъ оказалась псалтирь, Библія полная, отдѣльное Евангеліе, и какой-то сборникъ духовныхъ пѣсней. Перелистывая сборникъ, я сталъ нѣкоторыя мѣста прочитывать, и многое изъ напечатаннаго здѣсь мнѣ показалось неправдоподобнымъ; противъ чего я и сталъ выражать сомнѣніе, штундисты защищались. На этотъ разъ я ими остался не совсѣмъ доволенъ и не соглашался съ ихними понятіями. Между тѣмъ моя жена, узнавъ, что я провожу вечеръ въ штундовыхъ кружкахъ, пришла въ неописанный ужасъ, и поспѣшила сообщить о томъ матери моей; по-

слѣдняя тоже встревожилась и залилась горючими слезами, приговаривая: „ну, пропалъ теперь мой сынъ, вѣдь не такъ давно ходила молва по всему селу и всѣ про то знаютъ, что если кто пристанетъ къ штундѣ, то уже записалъ свою душу въ книгу діавола". Перепуганныя мать и жена не рѣшались однѣ идти за мною въ штундовое собраніе, а сообщили братьямъ моимъ (у меня ихъ трое); послѣдніе пришли въ такое озлобленіе на меня, что сразу порѣшили учинить со мною расправу по-своему, вытащивъ меня отъ бесѣды съ хорошимъ внушеніемъ кулаковъ; но одинъ изъ старшихъ меня братьевъ остановилъ разъярившихся, сказавъ имъ, что онъ лучше войдетъ въ хату одинъ и тамъ самъ попытаетъ, что такое за вѣра новая явилась. Войдя въ хату, братъ немного посидѣлъ, послушалъ, что говорятъ штундисты; потомъ, видя, что всѣ они силятся только учить и учить такъ, какъ каждому изъ нихъ желательно, а ученикомъ былъ только я одинъ, онъ схватилъ меня за рукавъ и повелительно сказалъ: „Ступай-ка ты, братъ, домой, пока не сошелъ еще съ ума, какъ и эти люди: развѣ ты не знаешь, что у насъ, православныхъ, слава Богу, есть тысячи учителей правопоставленныхъ и всѣ они учатъ одинаково, а эти сумасброды собрались впятеромъ и всѣ другъ другу перечатъ". Тѣмъ и кончилось мое первое знакомство со штундою.

Спустя нѣсколько времени, мои сельчане стали ѣздить до штундистовъ въ селеніе Разумницу; туда же стали приглашать и меня. Я сначала колебался, но затѣмъ согласился:—„отъ чего де не посмотрѣть еще"... и въ одинъ изъ воскресныхъ дней отправился туда на собраніе. Когда мы пріѣхали въ Разумницу, то на собраніи такъ ласково и съ такимъ почетомъ встрѣтили и приняли насъ, что мнѣ штундисты сразу показались хорошими людьми. Тогда же мнѣ предложили здѣсь книги, чтобы я читалъ вслухъ всего собранія. Конечно, я отъ такой чести не отказался; а такъ какъ на собраніи было множество мужчинъ и женщинъ и всѣ слушали меня, то это очень польстило моему самолюбію. Послѣ чтенія стали всѣ пѣть духовныя пѣсни. Это общее стройное пѣніе произвело во мнѣ такое настроеніе, точно я былъ на праздникѣ большомъ:—такъ хорошо и радостно

было на душѣ. И я тогда рѣшилъ перейти въ штунду. Послѣ пѣнія я сталъ спрашивать старшихъ изъ братьевъ о св. Причащеніи, св. иконахъ и о крещеніи; на мои вопросы они давали такіе отвѣты: Чаша (по моему Причащеніе) это есть страданіе Іисуса Христа; Крещеніе это то же, что крестъ, то есть, терпѣніе, а почитаніе иконъ, говорятъ, запрещено второю заповѣдью. Съ отвѣтами на послѣдніе два вопроса я согласился; но относительно чаши я завелъ бесѣду, указавъ собранію на 22-ю гл. Ев. отъ Луки и прочитавъ имъ 19—20 ст. изъ нея, а также и 55 ст. 6-й гл. Іоанна, чѣмъ привелъ собраніе въ немалое смущеніе. И на этотъ разъ я опять разошелся со штундою и уѣхалъ домой... Но пока я ѣздилъ къ штундистамъ въ с. Разумницы, по всему моему селу изъ края—въ край пронеслась молва, что Ду—нъ отправился на штундовое моленное собраніе", и какъ только я вернулся, то меня заразъ потребовали къ священнику нашего села. Я сначала порадовался, думая, что вотъ молъ батюшка будетъ разспрашивать меня: какъ и что тамъ дѣлается въ собраніи штунды, и я съ удовольствіемъ подѣлюсь своими познаніями; но, къ великому моему удивленію, явившійся за мною сотскій привелъ меня не къ батюшкиному дому, а на то мѣсто, гдѣ у насъ обыкновенно собирается общественная сходка. Здѣсь былъ и батюшка, который, вмѣсто вопросовъ и всякаго духовнаго вразумленія, предполагая во мнѣ видѣть настоящаго сектанта—штундиста, сталъ меня всячески бранить, да еще и ударилъ и съ тѣмъ отпустилъ домой. Штундисты же, узнавъ всю эту исторію мою съ батюшкою, не давали послѣ того мнѣ прохода, укоряя тѣмъ„ что вотъ—де вашъ пастырь бодаетъ овецъ своихъ и разгоняетъ ихъ" и, конечно, не преминули подставлять подходящіе стихи изъ библіи. Послѣ чего я сталъ рѣже ходить въ храмъ православный; а, оставаясь дома, читалъ изъ Библіи. Ко мнѣ безпрепятственно начали приходить штундисты и сочувствующіе имъ изъ нашего села, и вотъ мало по малу наша партія увеличивалась; наконецъ, ко мнѣ стали пріѣзжать штундисты и изъ другихъ, ближайшихъ селеній и такимъ порядкомъ образовалось вокругъ меня довольно большое общество, члены котораго однажды стали меня упрашивать, чтобы я былъ у нихъ за старшаго брата и совершалъ имъ

молитвенные обряды и требы, т. е., напутствовалъ молитвою умершихъ, давалъ бы имя вновь народившимся и затѣмъ, чтобы совершалъ бракъ. Я, конечно, не отклонилъ отъ себя такую честь и болѣе двухъ лѣтъ пробылъ пресвитеромъ.— Пришло мнѣ однажды въ голову поѣздить по другимъ селеніямъ штундовымъ и попытать: вездѣ ли одинаково проповѣдуется ученіе у братьевъ—штундистовъ. Съ этою цѣлью я пріѣхалъ въ селеніе Жидовскую Греблю; тамъ собралось около 400 душъ штундистовъ; а потому и устроено было не одно, а четыре собранія, т. е. въ четырехъ домахъ. Являюсь я въ первое собраніе и выслушиваю тамъ проповѣдь о томъ, что иконы не должно почитать на основаніи 44 главы прор. Исаіи; въ опроверженіе крестнаго знаменія ссылались на 9—10 ст. 14 главы Откровенія; воспрещали исповѣдываться и исполнять другіе какіе-бы-то ни было обряды церковные; также воспрещали принимать св. Божественныя тайны, основываясь на томъ, что Чаша заключается въ страданіяхъ Іисуса Христа; въ подтвержденіе же своего лжеученія ссылались на 39 ст. 26-й главы Ев. Матѳ. Послѣ этого я отправился во второе собраніе; тамъ учили, что принимать Чашу и преломлять хлѣбъ нужно, и ссылались на 19—20 ст. 22 главы Ев. Луки. Затѣмъ я посѣтилъ третье собраніе; тамъ говорили о необходимости крестить дѣтей; я противъ этого возсталъ, спрашивая: на какомъ основаніи они учатъ, что нужно дѣтей крестить? Мнѣ указали 14 и 15 стихи 16-й главы кн. Дѣяній. Наконецъ, пошелъ я въ четвертое собраніе: тамъ учатъ, что крестить нужно, но только взрослыхъ людей. Изъ всего этого я заключилъ, что въ ученіи штундистовъ большое разногласіе, а значитъ и ошибка, и тутъ же припомнилъ слова старшаго моего брата, который говорилъ, что каждый штундистъ силится навязать другому собственное понятіе о вѣрѣ, а дѣйствительной, истинно-спасающей вѣры никто изъ нихъ не знаетъ и правильно истолковать Слово Божіе не можетъ, ибо каждый старается только о томъ, какъ бы самого себя возвысить въ глазахъ своей братіи.

Совѣсть моя проснулась и громко заговорила; возникли мучительныя сомнѣнія. Не довѣряя ни себѣ, ни другимъ штундистамъ своей ближайшей общины, я отправился пытать еще въ нѣсколько селеній и когда вдоволь насмотрѣлся на

комидійныя дѣйствія и разнородные ихъ порядки, то я почувствовалъ какое-то безсиліе и страхъ, точно густая хмара тумана обложила меня, и я не зналъ, что мнѣ дѣлать, куда идти? Сознавалъ я теперь только одно, что дѣйствительно заблудился,—сбился съ настоящей прямой дороги какъ я, такъ и прочіе братья штундисты, сталъ постоянно задумываться и душевно скорбѣть за все время и труды, потраченные мною въ такой душепагубной ереси, не разъ и горько оплакивалъ и проклиналъ тотъ часъ, въ который я рѣшился быть штундистомъ. Съ этихъ поръ мои мысли перестали бродить по разнымъ путямъ, всѣ онѣ направились къ одному, какъ бы возвратиться на путь правый, и я очень скорбѣлъ о томъ, что не было у насъ такого надежнаго человѣка, который далъ бы мнѣ совѣтъ, какъ бы скорѣй окончательно бросить штунду и присоединиться къ православной св. Церкви. Къ своему же священнику идти и покориться оскорбившему меня публично—гордость моя еще не позволяла мнѣ. Наконецъ, наступилъ великій постъ; услыхалъ я, что къ намъ пріѣхалъ миссіонеръ. Потребовалъ штундистовъ на бесѣду и кто изъ нихъ поразбитнѣе да грамотный, того допрашивали о его упованіи, въ числѣ послѣднихъ и я былъ допрошенъ; но теперь я уже мало что говорилъ въ защиту и на пользу штунды и въ открытой бесѣдѣ полусоглашался съ доводами миссіонера. Послѣ бесѣды я пошелъ на квартиру миссіонера и тамъ до поздняго времени пробесѣдовалъ съ нимъ. Разрѣшились мои недоумѣнія, душевная смута исчезла, такъ легко и свѣтло стало у меня на душѣ послѣ бесѣды, что невольно вспомнилось мнѣ такое время, когда я еще въ дѣтствѣ встрѣчалъ Свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова въ храмѣ Божіемъ;—вотъ точно такая же радость ощущалась и теперь. На другой же день я далъ обѣтъ идти въ церковь православную и присоединиться къ православію по установленнымъ правиламъ, что и исполнилъ. О, если-бы я могъ описать радость домашнихъ, да вкупѣ съ ними и мою радость! Да и какъ было не радоваться? Проскитавшійся болѣе 4-хъ лѣтъ безъ всякаго благодатнаго содѣйствія св. Церкви Божіей, я много перестрадалъ, несмотря на свое сановитое положеніе въ сектѣ, а теперь Господу угодно было меня образумить и открыть очи духовныя; поистинѣ

радостно не только возвратившемуся съ пути заблужденія, но и каждому христіанину. Вотъ тутъ-то такъ ясными стали для меня Слова Спасителя, что „бываетъ радость у Ангеловъ Божіихъ и объ одномъ грѣшникѣ кающемся". Лук. 15, 10.

Когда услыхали мои бывшіе товарищи штундисты о томъ, что я присоединился къ св. православной Церкви, то пришли въ неописанную ярость; въ приливѣ гнѣва, они меня приравнивали къ Іудѣ Искаріоту,—предателю, пуская въ окружности слухъ, что я, какъ и Іуда, взялъ деньги и продалъ Христа. Но подумали бы, кто могъ дать мнѣ деньги и за что? Да я въ то время самъ все послѣднее отдалъ бы свое, если бы потребовалось, лишь бы избавиться отъ гнетущей тоски и тьмы кромѣшной. Штундисты не замедлили явиться ко мнѣ въ домъ съ цѣлью увѣщанія, но они мнѣ такъ опротивѣли, что я не могъ ихъ уже слушать и былъ вынужденъ выгнать этихъ смутьяновъ вонъ изъ хаты.

Въ бытность мою въ штундѣ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что на сектантовъ плохо вліяютъ духовно-назидательныя увѣщанія православныхъ, въ особенности выходящія изъ устъ священниковъ, къ которымъ они рѣшительно не имѣютъ никакого довѣрія; къ людямъ свѣтскимъ сектанты относятся болѣе довѣрчиво, ибо считаютъ, что они ведутъ бесѣду изъ-за братской любви. Всего больше, по моему, штундисты боятся, когда имъ угрожаютъ высылкою съ родины, въ особенности такъ называемые собственники, имѣющіе свои дома и земли; что-же касается до однодворцевъ и бобылей, то изъ послѣднихъ многіе радуются, когда имъ грозитъ высылка, потому что имъ здѣсь такъ плохо живется, что куда бы—думаютъ они—ни выслали ихъ, жизнь хуже не будетъ...

Почему штундисты слушаютъ лучше голоса непризванныхъ учителей, на это я могу по собственному опыту отвѣтить: потому, что непризванные учители и наставники, какъ сами изъ нашей-же, изъ низшей братіи, всегда обходятся съ послѣдователями своими очень ласково, и съ готовностью ведутъ бесѣду о правильной жизни, хотя имѣютъ, какъ и вообще грѣшные люди, пороки, но они ихъ тщательно скрываютъ отъ людскихъ взоровъ, никогда не пьянствуютъ и не оскорбляютъ нравственнаго чувства своихъ послѣдователей—

братьевъ, взятокъ (въ видѣ вознагражденія за требы) явно не требуютъ и не берутъ, даже на первый разъ новичкамъ стараются оказать помощь, чѣмъ имѣютъ возможность... Вотъ при такихъ-то условіяхъ они сильно вліяютъ на людей малоопытныхъ, т. е. незнакомыхъ съ ихъ внутреннею жизнью; а до священника рѣдко до какого можно идти за-просто (т. е. безъ надобности въ требо-исправленіи) побесѣдовать... Правда, хотя каждый изъ нихъ, можетъ быть, и не откажетъ въ благомъ совѣтѣ, но не всякій обойдется ласково и дружелюбно, чего нашъ братъ-сектантъ не можетъ выносить.

Во время моей пресвитерской дѣятельности въ сектѣ я больше всего вліялъ на людей и убѣждалъ ихъ въ пользу секты пѣснями духовными: есть такія чувствительныя пѣсни, что если пропоются онѣ всѣмъ собраніемъ стройно и единодушно и съ воодушевленіемъ, то, по моему мнѣнію, можно расположить даже и образованнаго въ пользу секты; затѣмъ прельщалъ многихъ я умиленнымъ чтеніемъ Слова Божія и молитвами. Вліяніе миссіонерскихъ бесѣдъ хотя и хорошее было, но впечатлѣніе очень скоро изглаживалось изъ памяти штундистовъ; а если миссіонеръ изъ священниковъ, то сразу у расположенныхъ къ сектантству слагалось общее понятіе, что батюшки защищаютъ другъ друга, да и про свѣтскихъ иногда говорятъ, что они за одно съ духовенствомъ, но все-таки послѣднимъ больше довѣряютъ, считая ихъ за братьевъ.

По моему мнѣнію, православному миссіонеру лучше было-бы побесѣдовать съ сектантами одинъ на одинъ, потому что трудно одному миссіонеру говорить противъ толпы сектантовъ, которые въ публичныхъ собраніяхъ всегда стараются не о томъ, чтобы дѣйствительно добиться правды и утвердиться въ ней, а о томъ, чтобы перетолковать и передразнить слова православнаго миссіонера и сдѣлать ихъ смѣшными, не заслуживающими вѣры, а вѣдь извѣстно, что иногда одно мѣтко сказанное насмѣшливое слово разрушаетъ и портитъ большое доброе дѣло...*).

Т. И. Д.

*) „Мисс. Обозр.“ 1898 г. Окт. 1315—1321 стр.

Изнанка сектантской святости.

(Сообщеніе Перфильева *).

„Проживъ не малое время среди сектантовъ, какъ сектантъ, я вынесъ глубокое убѣжденіе, что всѣ сектанты духовно близоруки, лицемѣрны и самообольщены. Все, что апостолы говорятъ о себѣ и своихъ ближайшихъ сотрудникахъ, употребляя мѣстоименіе „мы", они примѣняютъ къ себѣ, а всѣ обращенія апостоловъ на „вы", а въ особенности тѣ мѣста, гдѣ говорится о недостаткахъ вѣрующихъ, примѣняютъ къ намъ, православнымъ. Воистину заблуждаются, не зная писаній... и сами собою „пріемлютъ себѣ честь" апостольства! Если бы они не были близоруки, то видѣли бы, что дѣйствительно апостолы и ихъ законные преемники соработники у Бога, служители Христовы и домостроители таинъ Божіихъ, а всѣ православно вѣрующіе—Божія нива, Божіе строеніе, и что совсѣмъ не нужно бѣжать изъ Церкви, видя нѣкоторые ея члены порочны. Сектанты, проповѣдуя другимъ о любви и о единствѣ духа въ союзѣ мира, сами этого не имѣютъ. Это сознаютъ и вожаки ихъ, но установить любовь и миръ между отдѣльными общинами и членами ихъ они не въ состояніи. Такъ, одинъ изъ видныхъ вожаковъ сектантства баронъ И. однажды, при разговорѣ со мною, замѣтилъ, что съ „вѣрующими" можно еще кое-какъ жить въ мирѣ, пока ихъ въ общинѣ человѣкъ 20—30, когда же ихъ наберется уже человѣкъ 50—100, то получается полнѣйшій хаосъ. Другой видный наставникъ фонъ Г., на сѣтованія мои о пагубности раздѣленій и вообще жизни не по писанію между „вѣрующими", сказалъ, что если эти „вѣрующіе" не покаются, облекшись во вретище и посыпавъ главы пепломъ, то всѣ погибнутъ. Тотъ же фонъ Г. задумалъ однажды собрать всѣхъ наставниковъ общинъ гор. Ревеля, а такихъ общинъ тогда въ Ревелѣ было пять, чтобы обсудить вопросъ, какимъ образомъ можно установить между отдѣльными общинами любовь и миръ. Надо замѣтить, что

*) См. 50 стр.

вражда между наставниками отдѣльныхъ общинъ доходитъ до того, что они при встрѣчахъ даже не здороваются другъ съ другомъ. Примѣру наставниковъ слѣдуютъ и подчиненные имъ члены общинъ. И вотъ эту-то рознь и захотѣлъ уничтожить ф. Г., но это ему не удалось. Наставники собраться-то собрались, но опять разошлись, не добившись положительныхъ результатовъ, и раздоръ существуетъ тамъ и доселѣ. На этомъ собраніи я былъ представителемъ наставника своей общины, такъ какъ самъ онъ не пожелалъ присутствовать лично, зная напередъ, чѣмъ подобное собраніе кончится. На собраніи этомъ выяснилось, что большинство наставниковъ недовольны именно общиной моего наставника К., потому что тамъ во время молитвенныхъ собраній допускаются прыганье и хлопанье въ ладоши, съ чѣмъ другіе общины ни въ коемъ случаѣ мириться не могутъ. Члены же общины К. въ свою очередь обвиняютъ остальныхъ сектантовъ въ равнодушіи и безжизненности во время молитвы. Я предложилъ собравшимся проявлять на молитвенныхъ собраніяхъ немного больше жизни, обѣщая, что члены общины К. въ то же время убавятъ немного свой пылъ и, такимъ образомъ, можетъ состояться примиреніе, но предложеніе мое принято не было. Что касается нашей общины, то тѣ изъ членовъ, которые больше прыгали и хлопали, ставились въ примѣръ другимъ, какъ достигшіе большаго совершенства и какъ преисполненные духа. Не желая отставать отъ нихъ, я также цѣлыми часами молился о полученіи такого духа, но добиться цѣли не могъ. Тогда я сталъ болѣе наблюдать за прыгающими, чтобы узнать, въ чемъ состоитъ секретъ, котораго я найти не могъ. И что же обнаружилось? Чаще всего прыгаютъ женщины, и вотъ для какой цѣли. Была въ общинѣ молодая вдова А. На всѣхъ собраніяхъ она хлопала въ ладоши и прыгала до истерики; взоръ ея всегда былъ обращенъ горѣ, а большинство изъ сектантовъ было въ убѣжденіи, что она сосудъ избранный и что небо ей вполнѣ обезпечено. Вдругъ вдова А. не явилась на одно изъ собраній. На другой день одна старая „сестра“ передала мнѣ, что у А. пропалъ весь пылъ, и она уже прыгать на собраніяхъ больше не будетъ. А почему? Передъ этимъ она устроила собраніе у себя на квар-

тирѣ съ вечерею любви, и на этомъ собраніи сдѣлала предложеніе жениться на ней молодому помощнику наставника Н., но послѣдній заявилъ, что вообще не намѣренъ жениться. Оказывается, что желаніе женить на себѣ Н. заставляло А. рисоваться предъ нимъ на молитвенныхъ собраніяхъ. То же самое произошло и съ одной молодой дѣвушкой, которая также отчаянно прыгала, но видя, что никто изъ сектантовъ на ней не женится, вышла замужъ за „невѣрующаго"—лютеранина, и, конечно, прекратила прыганье. Стараясь увлечь за собой другихъ, сектанты еще болѣе сами увлекаются всякимъ вѣтромъ ученія. Въ Ревелѣ появились нѣмцы—проповѣдники: г. Ш. и старая дѣва Д., которые доказывали „вѣрующимъ", что тѣ не получили еще всего необходимаго для совершенства. Вы, молъ, говорили они, крещены только водою и Духомъ, но не крещены еще огнемъ. А въ писаніи сказано, что „Онъ будетъ крестить Духомъ Святымъ и огнемъ". Это были проповѣдники секты „пятидесятницы", или крещенія огнемъ. Смѣшно и обидно было видѣть, какъ люди, лѣтъ по 20 и 30 считающіе себя совершенными дѣтьми Божіими, пришли въ отчаяніе, узнавъ, что они еще не крещены огнемъ.

Взбудоражился весь сектантскій міръ. Увлекшіеся новымъ ученіемъ стали искать пути къ полученію огненнаго крещенія, болѣе же благоразумные бросились локализировать разгорѣвшійся пожаръ, и только крутыя мѣры нѣкоторыхъ наставниковъ отразили вліяніе новыхъ проповѣдниковъ, и тѣ вынуждены были въ концѣ концовъ оставить предѣлы Ревеля. Ученіе пятидесятниковъ заключалось въ томъ, что „вѣрующимъ" необходимо молиться и взывать къ Богу до тѣхъ поръ, пока надъ ними не появятся огненные языки. Непремѣннымъ условіемъ при этомъ было прыганье и молитва до изступленія. Можно себѣ представить, что происходило на подобныхъ собраніяхъ. Для болѣе вѣскаго доказательства своей святости, проповѣдники пятидесятницы симулировали также исцѣленіе больныхъ. Происходило это слѣдующимъ образомъ. Нѣмецъ проповѣдникъ принималъ больного и черезъ переводчика освѣдомлялся о родѣ его болѣзни. Въ большинствѣ случаевъ за исцѣленіемъ являлись сектантки, жалующіяся на внутреннія нервныя болѣзни. И вотъ такая

„больная“ становится на колѣни, нѣмецъ возлагаетъ на нее руки и молится. Помолившись, обращается къ больной чрезъ переводчика съ вопросомъ: не чувствуетъ ли она исцѣленія? Больная отвѣчаетъ, что не чувствуетъ пока никакого облегченія; на это переводчикъ сердито замѣчаетъ: какъ не чувствуешь, говори, что чувствуешь! Нѣмецъ молится еще и опять спрашиваетъ. Больная мнется и робко отвѣчаетъ что уже чувствуетъ нѣкоторое облегченіе; тогда переводчикъ болѣе сердито приказываетъ ей отвѣтить, что чувствуетъ себя совершенно исцѣленной, на что больная, не желая болѣе раздражать „брата—переводчика“, молча соглашается. Переводчикъ передаетъ нѣмцу, что больная, молъ, благодаритъ за исцѣленіе, и тотъ въ восторгѣ кричитъ: „аллилуія“! Наступаетъ очередь за слѣдующей больной или больнымъ съ повтореніемъ той же процедуры. Меня въ особенности возмущала наглость и явный обманъ этого нѣмца, и сильно удручало то, что Богъ почему-то не воздвигаетъ изъ „нашей“ среды пророковъ и исцѣлителей, а непремѣнно посылаетъ таковыхъ изъ-за границы. Будучи въ Петроградѣ, я познакомился съ однимъ странствующимъ проповѣдникомъ, бывавшимъ въ Америкѣ и западныхъ государствахъ. Проповѣдникъ этотъ удивляется строгости русскихъ сектантовъ относительно потребленія алкогольныхъ напитковъ и заявилъ, что заграничные сектанты сохраняютъ въ семъ отношеніи только умѣренность; такъ, напримѣръ, сектантъ нѣмецъ не отказывается отъ своего любимаго пива, такъ же, какъ баптистъ англичанинъ не забываетъ виски. Есть и между русскими сектантами употребляющіе рюмочку, а иногда и болѣе. Въ Ревелѣ одинъ изъ проповѣдниковъ К., бывшій корчмаръ, не оставлялъ долго старой привычки. Однажды я встрѣтилъ К. поздно вечеромъ на улицѣ, когда послѣдній шелъ домой, изрядно пошатываясь. Объ этомъ я доложилъ на слѣдующій день руководителямъ своей общины. На это руководители сказали, что съ К. они ничего сдѣлать не могутъ, такъ какъ онъ человѣкъ богатый, и ихъ молитвенный домъ построенъ почти исключительно на его деньги и на его имя. Если они его исключатъ, или сдѣлаютъ выговоръ, то онъ разсердится и отниметъ отъ нихъ домъ. Къ военной службѣ сектанты относятся отрицательно, считая это нарушеніемъ заповѣди

„не убій". Но такой взглядъ на военную службу не есть собственный взглядъ русскихъ сектантовъ, а наносный, заграничный. Въ бытность свою въ Петроградѣ, да и въ другихъ мѣстахъ, я встрѣчалъ многихъ нѣмцевъ проповѣдниковъ, усиленно пропагандирующихъ противъ военной службы. И какъ потомъ всегда оказывалось, проповѣдники эти были изгнаны изъ своего отечества за подобныя бредни*). (А родина ихъ продолжала усиленно вооружаться). Однажды въ Ригѣ, въ собраніи русскихъ евангелистовъ, проповѣдникъ, говоря о необходимости стойкой и твердой вѣры, привелъ въ примѣръ такой стойкости германскаго офицера, который, по заявленію проповѣдника, былъ „вѣрующій". Было это уже по объявленіи намъ Германіей войны. Стойкость вѣры этого офицера, такъ говорилъ проповѣдникъ, заключалась въ томъ, что онъ, идя покупать себѣ лошадь, просилъ Бога, чтобы Онъ послалъ ему хорошую, и ему всегда удавалось покупать только хорошихъ лошадей. Сдѣлай то же самое русскій офицеръ, онъ былъ бы безусловно осужденъ сектантами. Одинъ изъ наставниковъ г. Ревеля, имѣя небольшой капиталецъ, сталъ бояться воровъ и завелъ себѣ револьверъ. Когда это ему поставили на видъ, то онъ оправдывался тѣмъ, что будетъ только пугать воровъ револьверомъ, а если и придется стрѣлять, то надѣется, что Богъ не допустить произойти убійству.

У сектантовъ раздѣленіе въ общинахъ происходитъ часто изъ-за самыхъ малыхъ пустяковъ. Такъ, одинъ наставникъ оставилъ общину и открылъ новую, враждебную къ первой, только потому, что ему тамъ отказали въ просимой имъ прибавкѣ жалованья. Не чужды сектанты также и лицепріятія. Напр., баронесса Т., не желая участвовать съ мужиками въ преломленіи хлѣба, приглашала наставника какой-либо общины, который ей почему-либо больше другихъ нравился, къ себѣ на домъ и тамъ съ нимъ преломляла хлѣбъ. Вообще, все видѣнное мною въ жизни сектантовъ убѣдило меня въ томъ, что сектанты, а вмѣстѣ съ ними и я, находимся на пути заблужденія, и это заставило меня вновь обратиться къ истинной святой, вселенской, апостольской, православной Церкви.

Перфильевъ.

*) Вѣрнѣе всего, отечество командировало ради выгодной для себя пропаганды среди нашихъ недогадливыхъ простецовъ.

Заключеніе.

Въ послѣдніе годы извѣстный сектантскій апологетъ Бончъ-Бруевичъ издалъ нѣсколько довольно объемистыхъ томовъ „Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектантства". По надлежащемъ и всестороннемъ обслѣдованіи этихъ „Матеріаловъ", почти всѣ рецензенты, въ томъ числѣ и литературные защитники сектантовъ*) пришли къ тому заключенію, что данные „Матеріалы" въ высшей степени тенденціозны.

Дѣйствительно, просматривая эти „матеріалы", мы замѣчаемъ, что Бончъ-Бруевичъ помѣстилъ въ нихъ только лишь тѣ автобіографіи, открытыя письма, чистосердечныя признанія сектантовъ, которыя рисуютъ намъ жизнь „религіозныхъ отщепенцевъ" радужными красками. Тѣ же сообщенія, впечатлѣнія, разоблаченія, которыя представляютъ намъ жизнь сектантовъ такою, какою она есть на самомъ дѣлѣ, со всѣми ея правдами и неправдами, не попали въ сборникъ Бончъ-Бруевича. Междутѣмъ и о ни существенно важны и необходимы при изученіи исторіи русскаго сектантства.

Въ виду этого мы и рѣшили восполнить существующій пробѣлъ въ литературѣ о сектантахъ, издавъ тѣ „матеріалы", которые на свѣтломъ фонѣ картины сектантской жизни полагаютъ въ той или иной степени, въ томъ или другомъ мѣстѣ тѣни, столь неизбѣжныя въ каждой картинѣ и придающія каждому явленію точность, ясность и полноту.

Священникъ Александръ Введенскій.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

*) Философовъ: „Неугасимая лампада". М. 1912 г. стр. 85—99.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе 3

1. Что привело меня къ сектантамъ и почему я ушелъ отъ нихъ? Я. Демиховичъ 7
2. Открытое письмо секретаря Петроградской баптистской общины Ф. Птицына къ наставнику баптистовъ Б. Фетлеру 36
3. Краткая исповѣдь заблужденій бывшаго новоизраильскаго „лжеапостола“ Ивана Васильевича Навроцкаго . . . 58
4. Супруга поэта Некрасова и баптисты. Н. Архангельскій 66
5. „Общіе“. Впечатлѣніе поѣздки къ общимъ. Михаилъ Саянинъ 69
6. О сектантскихъ пророкахъ. А. Мироненко. 91
7. Открытое письмо представителю Екатеринодарской общины Г. А. Бойченко и всѣмъ его единомышленникамъ. Г. Кнышъ 93
8. Открытое письмо кр. Бойко православнымъ христіанамъ о томъ, какъ онъ совратился въ баптизмъ и позналъ потомъ ложь этого ученія 99
9. Правда о духоборахъ. В. Поздняковъ 102
10. Чистосердечная повѣсть крестьянина-штундиста о своихъ заграничныхъ похожденіяхъ и душевныхъ мученіяхъ. К. Олейникъ 159
11. О томъ, какъ я сталъ штундистомъ и затѣмъ снова возвратился въ лоно православной Церкви. Т. И. Д. . . 179
12. Изнанка сектантской святости. Перфильевъ 186
13. Заключеніе 191